

М.В. Минеева

Лингвистический гипертекст
как способ декодирования
информации

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

М.В. Минеева

**Лингвистический гипертекст
как способ декодирования
информации**

Челябинск 2017

УДК 4-3

ББК 81.05

М 61

ISBN 978-5-906383-34-1

Монография подготовлена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» по договору на выполнение НИР от 14.04.2017 г. № 16-446 по теме «Дискурсивное конструирование: репрезентация действительности в языке и коммуникации».

Минеева, М. В. Лингвистический гипертекст как способ декодирования информации [Текст]: монография / М. В. Минеева. – Челябинск: Искра-Профи, 2017. – 178 с.

Монография посвящена комплексному анализу лингвистического гипертекста, т.е. системы затекстовых комментариев на английском или русском языке к англоязычным художественным текстам. Изучаются когнитивные механизмы, обеспечивающие адекватность понимания художественного текста, определяются принципы и критерии отбора единиц, провоцирующих коммуникативные сбои на различных уровнях текста, выявляются структурные, когнитивные и функционально-прагматические особенности лингвистического гипертекста как способа нейтрализации коммуникативных сбоев, вызванных лакунами в тезаурусе адресата.

Монография адресуется филологам и широкому кругу исследователей в области когнитивной лингвистики, лингвистики текста и гипертекста, а также тем, кто интересуется проблемами межкультурной коммуникации.

РЕЦЕНЗЕНТЫ

ISBN 978-5-906383-34-1

О. А. СОЛОПОВА, д-р филол. наук, доцент

Н. Е. КУНИНА, канд. филол. наук, доцент

© Минеева М.В., 2017

© Искра - Профи, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	
1.1. Текст и дискурс в функционально-коммуникативной перспективе современных лингвистических исследований.....	8
1.1.1. Интертекстуальность как проявление текста в тексте.....	15
1.1.2. Уровневый характер понимания текста.....	19
1.1.3. Понимание и интерпретация речевого произведения.....	23
1.1.4. Проблема адресата и адресанта.....	31
1.2. Лингвистические и экстралингвистические причины возникновения коммуникативных сбоев.....	36
1.2.1. Коммуникативные сбои как результат неадекватного понимания художественного текста.....	36
1.2.2. Лингвистические и экстралингвистические маркеры коммуникативных сбоев.....	41
1.2.3. Характер и причины коммуникативных сбоев, возникающих на разных уровнях текста.....	49
1.2.4. Связь понимания и знания. Роль фоновых знаний в нейтрализации коммуникативных сбоев.....	54
Выводы по главе 1.....	60
ГЛАВА 2. ГИПЕРТЕКСТ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖЛИЧНОСТНОГО СОЦИОКОГНИТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	
2.1. Гипертекст как нелинейная форма представления знаний.....	63
2.1.2. Функционально - стилистические характеристики гипертекста.....	71
2.1.3. Функции гипертекста.....	77
2.1.4. Изменение позиции автора и читателя в рамках лингвистического гипертекста.....	81
2.1.5. Лингвистический гипертекст как мера дифференциации картин мира адресанта и адресата.....	85

2.2 Структурные, когнитивные и функционально-прагматические особенности лингвистического гипертекста к художественному тексту.....	90
2.2.1. Формальный и концептуально-содержательный аспекты классификации единиц лингвистического гипертекста.....	90
2.2.2. Структурно-содержательные характеристики лингвистического гипертекста.....	113
2.2.3. Репрезентация языковой личности комментатора в лингвистическом гипертексте.....	123
2.2.4. Критерии отбора лексических единиц при составлении лингвистического гипертекста.....	133
2.2.5. Способы передачи значения комментируемых понятий в рамках лингвистического гипертекста.....	141
Выводы по главе 2.....	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	154
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	158

ВВЕДЕНИЕ

Связь языковой личности и вербализации знания вызывает значительный интерес исследователей в рамках современной антропоцентрической парадигмы. Это объясняет наличие большого количества работ, посвященных проблеме понимания и интерпретации англоязычного художественного текста (ХТ). При всей изученности механизмов понимания англоязычного ХТ, тема коммуникативных сбоек (КС) и отсутствия взаимопонимания требует особого внимания в эпоху интенсификации межкультурных контактов коммуникантов, разделенных пространством и временем.

Процесс понимания англоязычного ХТ нередко наталкивается на лакуны в тезаурусе адресата, что приводит к КС как виду шума в канале связи. Семантическая напряженность англоязычного художественного текста, выражающаяся в намеренном усложнении автором смыслового и языкового планов произведения, требует учета характеристик реального адресата. Будучи исторически и культурно отдаленным от русскоязычного адресата, англоязычный ХТ нуждается в опосредованном регулировании для приближения мира текста к миру читателя. Таким средством выступает лингвистический гипертекст (ЛГТ), в качестве которого мы рассматриваем затекстовые комментарии, составленные на английском или русском языке к англоязычным художественным текстам.

С приходом электронных средств представления информации внимание филологов привлекли гипертекстовые формы ее организации, что обусловило появление значительных исследований в области лингвистики гипертекста. Принимая во внимание опыт, накопленный в изучении линейных и нелинейных форм знаний, мы рассматриваем лингвистический гипертекст как инструмент коммуникативного сотрудничества между англоязычным адресантом и русскоязычным реципиентом.

Анализируемая проблема существует в рамках функционально-коммуникативного описания языка и тесно связана с такими стремительно развивающимися направлениями языкознания, как коммуникативная и когнитивная лингвистика, лингвопрагматика, теория коммуникации. Исследование, представленное в настоящей монографии, обращается к трудам отечественных и зарубежных лингвистов в области лингвистики текста (И.Р. Гальперин, З.Я. Тураева, Н.Д. Арутюнова, Н.С. Валгина, Г.В. Колшанский), общей семантики (Ю.Н. Караулов, С.Д. Кацнельсон), когнитивной лингвистики (Г.А. Брутян, А. Вежбицкая, Т.А. ван Дейк, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова), коммуникативной лингвистики (И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин), психолингвистики (А.А. Леонтьев, А.А. Залевская, А.Р. Лурия), лингвокультурологии (Д.Б. Гудков, В.А. Маслов, В.И. Карасик, М.А. Кулинич), семиотики (Р. Барт, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, У. Эко), лингвистики гипертекста (О.В. Барст, М. Визель, О.В. Дедова, А.С. Махов, С.А. Стройков, Т.И. Рязанцева, Н.А. Шехтман, Ю. Хартунг и др.).

В русле когнитивно-дискурсивной парадигмы языковое явление следует рассматривать как составляющую двух функций - когнитивной и коммуникативной. Данный подход реализован в нашем исследовании, что позволяет рассматривать ЛГТ как сложное, многоуровневое образование, которое вербализует культурно-историческое, социальное и языковое пространства и тем самым расширяет тезаурус адресата, способствуя осуществлению коммуникативного замысла автора и коммуникативных ожиданий читателя.

Монография состоит из введения, двух глав и заключения, что отражает логику развертывания научного исследования. Материалом для исследования послужил корпус данных, включающий 5574 единицы комментария на русском и английском языках к оригинальным англоязычным ХТ различной степени семантической напряженности.

В первой главе рассматриваются результаты предшествующих исследований в области лингвистики текста, когнитивной лингвистики, коммуникативной лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии и семиотики. В данной главе анализируются уровневый характер понимания текста и роль лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на этот процесс. Результатом неадекватного понимания текста признаются коммуникативные сбои, возникающие на разных уровнях речевого произведения. Предложен способ их преодоления, а именно лингвистический гипертекст как инструмент сближения картин мира коммуникантов и согласования их тезаурусов.

Во второй главе представлен комплексный анализ лингвистического гипертекста как инструмента межличностного социокогнитивного взаимодействия. Подробно анализируются структурные, когнитивные и функционально-прагматические особенности лингвистического гипертекста. Представлена лексико-семантическая классификация единиц комментария, подтверждающая гипотезу о наличии формального и концептуально-содержательного аспектов гипотекстов. Структурно-содержательные характеристики лингвистического гипертекста отражают взаимозависимость элементов поясняемого объекта и пояснения в синтагматическом и семантическом отношениях. Анализ способов передачи значений комментируемых единиц в рамках лингвистического гипертекста позволяет сделать выводы о критериях отбора лексики при составлении комментария и ее особенностях. В заключении подводятся общий итог исследования и намечаются перспективы.

Автор выражает благодарность своему научному руководителю заслуженному деятелю науки РФ, доктору филологических наук, профессору Николаю Абрамовичу Шехтману. Слова искренней признательности также адресуются доктору филологических наук, доценту Кушнерук Светлане Леонидовне за многолетнюю научную поддержку и ценные советы в работе.

ГЛАВА 1. ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

1.1. Текст и дискурс в функционально-коммуникативной перспективе современных лингвистических исследований

В рамках современного языкознания текст становится объектом семантического, грамматического, прагматически и коммуникативно ориентированного и когнитивного подходов, каждый из которых вносит свой вклад в понимание этого феномена.

Лингвистика текста начала формироваться еще в 60–70-е годы XX века, но фактически до 80-х годов интерес лингвистов был сосредоточен на изучении формальных характеристик текста как синтаксической структуры и раскрытии функционального назначения различных сторон, форм и элементов предложения. Возрастающий интерес к проблемам семантики, функциональной лингвистики, теории речевой деятельности и прагмалингвистики привел к рассмотрению текста как средства коммуникации и определил прагматический аспект анализа текста. В начале XXI века рассмотрение явлений языка в тесной связи с человеком, его мышлением, культурой и коммуникативными потребностями положило начало антропоцентрическому подходу в изучении текста. В настоящее время можно выделить несколько направлений, по которым развивается лингвистика текста:

1. Общая лингвистика текста, предметом изучения которой является характер существования текста, его статус (И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин, В.А. Кухаренко, Т.М. Николаева, З. Я. Тураева, А.А. Акишина и др.).

2. Прагмалингвистика текста, которая направлена на исследование специфики воздействия текста на автора и читателя (Т.А. ван Дейк, Г.В. Колшанский, Л.А. Киселева, Э.С. Азнаурова и др.).

3. Семиотический подход, в рамках которого осуществляется исследование формальной и содержательной целостности текста и семиотической типологии текстов (Р. Барт, Ю.М. Лотман, Б.А. Плотников, Г.В. Степанов и др.).

4. Собственно лингвистический подход, который предполагает изучение характера синтаксических единиц и их слияние в текст (С.Г. Ильенко и представители его школы).

5. Психолингвистический подход, предметом изучения которого служит проблема порождения и восприятия текста (Ю.А. Сорокин, А.А. Залевская, В.В. Красных, А.А. Леонтьев, Ю.Ф. Тарасов и др.).

6. Герменевтический подход и интерпретация текстов, целью которых является изучение вопросов понимания текста и толкования глубинных смыслов текста (Г.И. Богин, А.А. Брудный, Р.В. Скотаренко, В.З. Демьянков, К.А. Долинин, В.А. Кухаренко, Г.Г. Молчанова и др.).

7. Социопсихолингвистический и семиопсихолингвистический подходы, в рамках которых проводится исследование процессов и механизмов речевой деятельности в ее соотнесенности с системой языка (А.И. Бабайлова, Т.М. Дридзе, О.Д. Наумова, Г.Г. Почепцов и др.).

8. Лингвокультурологический подход, подразумевающий изучение взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в единстве их языкового и внеязыкового содержания (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А.С. Мамонтов, В.М. Шаклеин, В.А. Маслова и др.).

9. Лингвориторический подход, который занимается изучением текстов, ориентированных на явно непосредственное, эффективное воздействие на аудиторию (А.А. Ворожбитова, А.К. Михальская, В.Н. Радченко, О.И. Марченко и др.).

10. Когнитивный подход, который ориентирован на знание человека о мире и изучает моделирование порождения и восприятия текста, вербальное представление различных типов знаний (З.Я. Тураева, Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Н. Бабушкин и др.).

11. Дискурсивный подход, который предполагает изучение сверхфразовых единств и тех процессов, которые имеют место в семантическом взаимодействии языковых единиц за пределами монопредикатного высказывания (М. Фуко, М. Бахтин, В.И. Карасик, Н.Д. Арутюнова, М. Макаров и др.).

Современные исследователи текста предпринимают попытки объединить и использовать опыт и собственно лингвистического, и социолингвистического, и психолингвистического подходов к анализу такого сложного феномена, каким является текст.

Определение, предложенное И.А. Гальпериным, трактует текст как произведение речетворческого процесса, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку [Гальперин 1981: 18]. Вслед за ним З.Я. Тураева исключает из рассмотрения устную речь, подчеркивая, что текст есть фиксированное на письме речетворческое произведение, функционирующее как структурно-семантическое единство [Тураева 1986: 11].

Коммуникативная функция языка исследовалась в лингвистике на протяжении всей ее истории и получила множество интерпретаций и обоснований. Представители коммуникативной лингвистики (Э. Бенвенист, Н.И. Жинкин, Г.В. Колшанский, Н.Б. Мечковская, Ю.Э. Прохоров, Т.М. Рогожникова, Л.В. Сахарный, Ю.С. Степанов, И.П. Сусов, А.М. Шахнарович, Г.Т. Хухуни и др.) рассматривают язык как речевую деятельность, изучая изолированные элементы как составные части системы языка. Взаимодействие уровней языка проявляется в том, что каждый элемент выполняет свою функцию, которая на уровне текста обеспечивает выполнение главной функции – коммуникации, обеспечивающей общение, взаимопонимание людей.

Текст, по существу, репрезентирует язык как средство общения и поэтому в нем органически объединяются гносеологические и коммуникативные характеристики языка, то есть такие, которые связаны, с одной стороны, с познанием некоторого явления, выражаемым в

соответствующем высказывании (пропозиции), с другой – с сообщением этой информации (знания) в процессе вербального взаимодействия коммуникантов [Колшанский 1984].

С точки зрения психологии и психолингвистики, текст – это «основная единица коммуникации», это «феномен реальной действительности и способ отражения действительности, построенный с помощью элементов системы языка» [Белянин 1988: 9].

Ю.А. Сорокин подчеркивает, что понятие «текст» не может быть определено только лингвистическим путем. «Текст есть, прежде всего, понятие коммуникативное, ориентированное на выявление специфики определенного рода деятельности. Иными словами, текст как набор некоторых знаков, текст как процесс (порождение знаков коммуникатором и восприятие-оценка его реципиентом) и продукт знаковой и паразнаковой деятельности коммуникатора и реципиента (для последнего он выступает каждый раз в качестве переструктурированного продукта) является в контексте определенной реализацией некоторого текстуалитета. Под последним следует понимать абстрактный набор правил, определяющих и формальные, и содержательные параметры существования некоторого конкретного текста» [Сорокин 1985: 8].

Существует немало определений текста. Однако преобладающая тенденция состоит в том, чтобы установить основные признаки текста, которые формируют его как единое целое, определить текст как феномен языковой и экстралингвистической действительности, функционирующий как средство коммуникации, способ сохранения и передачи информации, отражение индивидуальных особенностей адресанта, определенной исторической эпохи, социокультурных традиций и т. д.

Итак, текст можно представить как систематически организованную форму, созданную по замыслу автора, обладающую композиционным, семантическим, прагматическим единством, обработанную в соответствии со стилистическими нормами и функциями языка. Категория содержания

является доминантной для любого текста и подчиняет себе все его элементы: риторическую организацию, композицию, стилистическое оформление и другие категории, входящие в коммуникативное содержание текста. Мы согласны с мнением Г.В. Колшанского, который отмечает, что «построение текста зависит от смыслового содержания и системы непрерывного контекста, в рамках которого осуществляется изложение той или иной темы, другими словами, в рамках которой развивается дискурс» [Колшанский 1980: 65].

Вопрос о соотношении понятий «текст» и «дискурс» до сих пор является спорным в современной лингвистике. В связи со сменой научной парадигмы распространенным становится мнение о том, что языковые явления не могут быть полноценно описаны и поняты без учета дискурсивных факторов, т. е. вне ситуации их употребления. Соответственно, при рассмотрении проблемы понимания речевого произведения необходимо уточнить и разграничить смежные понятия «текст» и «дискурс».

Общепринятой тенденцией рассмотрения понятия «дискурс» является фокусирование внимания исследователей на живом, динамическом языке, имеющем место во время языкового общения, в то время как исследователи текста концентрируют внимание на тексте как статическом объекте, результате языковой деятельности.

Определение, данное в Лингвистическом энциклопедическом словаре, рассматривает дискурс в трех аспектах:

- как связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами;

- как текст, взятый в событийном аспекте;

- как речь, т.е. целенаправленное социальное действие, компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) [Лингвистический энциклопедический словарь 2002].

По справедливому утверждению Н.Д. Арутюновой, дискурс – это «речь, погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно [Арутюнова 1990: 136–137]. Подобную точку зрения выражает и Т.А. ван Дейк: «Дискурс – это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия, тогда как "текст" – это понятие, касающееся системы языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности» [ван Дейк <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>]. Тем не менее, принимая во внимание статическое состояние текста в аспектах порождения и восприятия, В.С. Филиппов подчеркивал, что текст существует не в состоянии «мертвой реминисценции, а как живой носитель значений, закрепляющий их взаимосвязи и обеспечивающий развитие текста» [Филиппов 2002: 73].

Ю.С. Степанов выразил соотношение текста и дискурса следующим образом: «Дискурс реально существует не в виде своей "грамматики" и своего "лексикона", как язык просто. Дискурс существует, прежде всего и главным образом, в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир» [Степанов 2001: 44–45].

И.А. Стернин и З.Д. Попова отмечают, что четкого разграничения содержания понятий «дискурс» и «текст» не проведено, хотя общая тенденция в их использовании прослеживается. Для исследования дискурса более важны ситуации, в которых протекает речевая деятельность, общие прагматические свойства дискурса, возникшие под влиянием социально-психологических факторов, и эффективность его воздействия на адресата. Для исследования текста более важно его внутреннее устройство [Попова, Стернин 2007].

Важно отметить, что при определении дискурса подчеркивается его обусловленность экстралингвистическими факторами (знания о мире, установки цели адресата и адресанта) и определенными коммуникативными

условиями (наличие сообщения, адресата и адресанта; характер, контекст, канал, код передаваемого сообщения). Дж. Лич и М. Шорт отмечали, что дискурс отражает внутриличностный процесс, конечной формой которого является своеобразная «сделка между говорящим и слушающим» [Leech, Short 1985]. Таким образом, текст как результат процесса познания зависит от субъектов дискурса, т. е. его содержание формируется в процессе интеракции автора и читателя. Н.Ф. Алефиренко противопоставляет «тело текста» и функционирование единиц языка в дискурсе: «Действительно, текст создается и воспринимается субъектами дискурса, без которых существует лишь «тело текста», последовательная цепочка каких-то фигур. Иными словами, «тело текста», рассматриваемое без означивающего его субъекта речи, не может служить источником внутренней энергетики. Таковым он становится лишь тогда, когда погружается в соответствующее этнокультурное пространство, центральной фигурой которого является человек, продуцирующий данный текст. Такой текст (текст, погруженный в культуру, или дискурс) действительно служит источником той энергии (образного напряжения, поэтической силы и интенсивности), в силовом поле которой порождаются знаки образной номинации» [Алефиренко 2011: 8].

Важность для нас представляют и рассуждения В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой, согласно которым противопоставляются дискурсия, как процесс развертывания текста в сознании получателя информации, и дискурс, как результат восприятия текста, когда воспринимаемый смысл совпадает с замыслом отправителя текста [Костомаров, Бурвикова: 7–14]. Продуктом авторской дискурсии является собственно текст, содержащий интерпретационную программу для читателя, которого гипотетически представляет автор. Другими словами, в процессе авторской дискурсии в текст закладываются возможности его последующей интерпретации читателем. Читатель, в свою очередь, выстраивает свой смысл текста на основе гипотез о внутреннем мире текста и автора. Такое развитие текста можно представить в виде следующих этапов:

- становящийся текст как формально семантическая структура;
- ставший текст как формально семантическая структура;
- становящийся личностно актуальный смысл-образ текста;
- ставший личностно актуальный смысл-образ текста [Щирова, Гончарова 2007].

Процесс взаимодействия автора и читателя можно представить следующим образом: дискурсия автора – текст – дискурс читателя. Другими словами, продуктом авторской дискурсии является текст, а дискурс читателя формируется как результат восприятия текста.

Дискурс, являясь понятием широким и многоплановым, может проявляться во всей совокупности текстов. Реализация коммуникативного замысла автора в художественном тексте подразумевает создание межтекстовых и внутритекстовых связей, распознавание и интерпретация которых являются важным элементом процесса понимания художественного текста. Исследуя проблему понимания текста, необходимо обратиться к характеристикам художественного текста, в частности, рассмотреть такое понятие, как интертекстуальность.

1.1.1. Интертекстуальность как проявление текста в тексте

Противопоставляя художественные тексты нехудожественным по функциональной направленности, М.С. Чаковская выделяет функцию воздействия и функцию сообщения в качестве их главной отличительной особенности [Чаковская 1986]. Е.Б. Борисова отмечает, что в основе построения художественного текста лежит ассоциативно-образное мышление, а в качестве основной функции исследователь выделяет «моделирование действительности <...> и оказание эмоционально-эстетического воздействия на читателя» [Борисова 2010: 11]. Перед художественным текстом стоит задача выразить, прежде всего, ценностно-эстетические установки автора, что проявляется в модальности и метафоричности единиц художественного текста.

И.М. Михалева выделяет следующие общие признаки художественного текста:

1. Многомерность и многослойность структурно-смыслового пространства текста.
2. Информативность, семантическая насыщенность, или семантическая осложненность.
3. Коммуникативная завершенность, целостность и связность, обусловленные авторской установкой.
4. Наличие имплицитно и эксплицитно выраженного авторского отношения к предмету изображения.
5. Ориентированность текста на определенный тип читателя.
6. Включенность текста в «текстовую цепь культуры».
7. Диалогическая соотнесенность текста с другими текстами – интертекстуальность [Михалева 1989: 45].

Взаимосвязь и взаимодействие между текстами интересует многих исследователей, причем в качестве теоретической базы используются работы М.М. Бахтина, Ю.Н. Тынянова, исследования школы Ю.М. Лотмана, основные методологические положения Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Н.А. Рубакина, работы Р. Барта, Ю.Н. Караулова, Ю. Кристевой, Е.Ф.Тарасова, П.Х. Торопа.

Ю. Кристева сформулировала свою концепцию интертекстуальности на основе переосмысления работы М.М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924), где отмечалось, что создание текста автором – это постоянный диалог с предшествующей и современной ему литературой. По мнению М.М. Бахтина, текст включает в себя все бесконечное поле иных текстов, которые могут быть с ним соотнесены в рамках некоторой смысловой сферы. В рамках теории полифоничности Бахтин подчеркивает, что не может быть изолированного высказывания, «ни одно высказывание не может быть ни

первым, ни последним. Оно только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено» [Бахтин 1975: 89–90].

И.В. Арнольд предлагает следующее определение: «Под интертекстуальностью понимается включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий и реминисценций» [Арнольд 1999: 346]. Сходную трактовку интертекстуальности предлагает В.П. Руднев, который определяет данный феномен как «основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам» [Руднев 1997: 113]. Такое определение акцентирует внимание на репрезентативном аспекте интертекстуальности.

Ю.М. Лотман предлагает рассматривать интертекстуальность в культурологическом смысле: «Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы инкорпорированы в нем, может быть названа памятью текста. Это создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство вступает в определенные отношения с культурной памятью (традицией), отложившейся в сознании аудитории. В результате текст вновь обретает семиотическую жизнь» [Лотман 2010: 180]. По мнению Ю.М. Лотмана, главными функциями текста являются генерация новых смыслов, или порождение других текстов, и функция памяти, которую исследователь называет «конденсацией культурного опыта» [там же].

Н.А. Фатеева говорит об интертекстуальности как о новом уровне образного мышления и придает первостепенное значение творческой индивидуальности. «Новый смысл, полученный в результате взаимодействия текстовых схождений, является показателем художественности интертекстуальной конструкции» [Фатеева 2012: 39].

В качестве интекстов Ю.Н. Караулов рассматривает прецедентные тексты, т. е. тексты «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216]. В концепции Ю.Н. Караулова к числу прецедентных текстов отнесены даже невербальные феномены: произведения архитектуры, живописи, музыки – тоже своего рода «тексты», а их названия составляют значительную часть национального фонда прецедентных знаков.

В целом обзор существующих точек зрения по заявленной в заглавии параграфа проблеме позволяет выявить следующие аспекты исследования интертекстуальности. В теории референции интертекстуальность можно определить как полиреферентность по отношению к действительности и другому тексту. С позиции теории информации интертекстуальность – это способность текста накапливать информацию, извлекая ее из других текстов. В рамках семиотических исследований интертекстуальность соотносится с понятием значимости, ценности, т. е. отношением с другими элементами системы. В семантическом плане интертекстуальность подразумевает способность текста формировать свой собственный смысл посредством ссылки на другие тексты. В культурологическом смысле интертекстуальность соотносится с понятием культурной традиции – семиотической памяти культуры.

Включение текста в текст неизбежно приводит к порождению нового смысла. Поскольку именно от читателя зависит выявление смысла, имплицитно заложенного в тексте, число возможных интерпретаций текста будет варьироваться. Обратимся к исследованию механизмов понимания текста, в частности, рассмотрим проблему понимания как уровневый феномен.

1.1.2. Уровневый характер понимания текста

Очевидно, что проблемами порождения и восприятия речевого сообщения занимались и занимаются многие исследователи. Исследования в рамках психолингвистики, лингвистики текста (Белянин, 1988; Гальперин, 1982; Дридзе, 1996; Залевская, 1988, 2007; Зимняя, 2001; Красных, 2001; Леонтьев, 1997; Новиков, 1983, 1999 и др.) достигли больших результатов в описании понимания содержания текста, что является необходимым для многих видов деятельности.

Применительно к пониманию текста существует ряд работ, в которых устанавливаются уровни понимания, предшествующие реконструкции смысла (Богин, 2001; Звегинцев, 1996; Красных, 1998; Лурия, 1979; Зимняя, 2001; Новиков, 1998 и др.). Уровневый характер переработки речевого сообщения при его восприятии можно рассматривать с разных точек зрения. Так, И.А. Зимняя рассматривает данный вопрос с позиции внутренней ступенчатости самого перцептивного процесса, способа и природы обработки входного сигнала. Таким образом, исследователь выделяет два уровня: сенсорный и перцептивный. Перцептивный уровень подразумевает систему как перцептивных действий (обнаружение, различение, идентификация), так и мыслительных операций (первичный синтез – анализ – вторичный, окончательный синтез). С позиции оценки степени сформированности перцептивного процесса выделены уровни сукцессивного и симультанного восприятия, а с точки зрения объектов восприятия – уровни распознавания, разборчивости и смыслового восприятия [Зимняя 1976: 9–12].

Г.И. Богин рассматривает следующие уровни понимания текста [Богин 2001]:

1. Семантизирующее понимание, т. е. декодирование единиц текста, выступающих в знаковой функции. Этот тип понимания имеет место при нарушениях смыслового восприятия текста в условиях освоения языка,

например, в ситуации, когда среди «знакомых слов» встретилось «незнакомое слово», подлежащее семантизации.

2. Когнитивное понимание, возникающее при преодолении трудностей в освоении содержательности познавательной информации, данной в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание.

3. Распредмечивающее понимание, построенное на распредмечивании идеальных реальностей, презентуемых помимо средств прямой номинации, но опредмеченных все же именно средствами текста. Эти средства текста позволяют в определенных условиях восстановить при рецепции текста какие-то стороны ситуации действия (мыследействия) продуцента (или восстановить то, во что эти стороны ситуации действия превратились в ходе последующего бытования текста в обществе). Распредмечивающее понимание чаще всего бывает обращено на художественные тексты, а также на тексты на подъязыке разговорной речи.

В соответствии с концепцией А.Р. Лурии процесс понимания речи является обратным процессу порождения речевого высказывания и состоит из собственно восприятия (непосредственное восприятие значений, прием сообщения), понимания (осмысление сообщения через анализ внешней вербальной формы) и интерпретации (раскрытие внутреннего смысла сообщения) [Лурия 1979].

Подобную мысль выражает и В.В. Красных, подчеркивая, что при восприятии текста читатель движется от текста, т. е. от его вербально выраженной формы или поверхностной структуры, к концепту, т. е. глубинному плану содержания [Красных 2001].

Уровневое усвоение смысла, сформулированное профессором Н.А. Шехтманом, предполагает несколько ступеней, которые опосредованы опорой на лингвистическую и экстралингвистическую информацию, на ситуативный и лексический контексты [Шехтман 2005]:

1. Индивидуальное непонимание, в том числе самонепонимание.

2. Взаимонепонимание в системе «читатель – автор», «читатель – текст».

3. Предпонимание текста.

4. Взаимопонимание в системе «автор – текст – некоторый социум».

Индивидуальное непонимание имеет место, когда один читатель не знает пресуппозиций, т. е. имплицитной информации, которую адресант считает известной адресату или само собой разумеющейся и потому не нуждающейся в экспликации языковыми средствами. Непонимание является результатом несоответствия языковых ресурсов отправителя и получателя информации, специфики личностных картин мира того и другого, различий в их установках. Таковыми могут являться коммуникативные неудачи нематематика при чтении математической статьи. Формальным проявлением непонимания служат переспросы, неопределенные местоимения и наречия типа «зачем-то», «почему-то» и т. д. Текст остается непонятным до тех пор, пока его содержание не вписано в определенный когнитивный и предметный мир и онтологически свойственные ему ниши.

Разновидностью непонимания является самонепонимание, когда адресант и адресат – одно и то же лицо (либо в одно и то же время, либо одновременно). Индивидуальное непонимание – это информационное взаимодействие с самим собой, случай интроспекции, когда невозможно разобраться в собственных мыслях и чувствах. Самонепонимание в идеальном случае сменяется самопониманием, общением с самим собой, имеющим цель наиболее адекватного постижения смысла воспринимаемого.

Не понять текст – значит не суметь реконструировать вопросы, на которые он отвечает, в том числе и вопросы, связанные с формой представления понимаемого. Интересные мысли по этому поводу высказаны в работе С.А. Васильева [Васильев 1988]. Потери при декодировании содержания через форму касаются в первую очередь семантических и эмоциональных компонентов текста. В этой связи непонимание имеет уровневую структуру, включающую не только денотацию (соотнесение знака

с частью предметного мира), но и коннотацию, социокультурный и некоторые другие уровни.

Денотативный уровень – это и связь означающего с предметным означаемым, и способ его обозначения. Один и тот же предмет, включенный в различные системы связей, может иметь различные способы наименования и приводить к неоднозначности понимания предметной ситуации. О том, что понимать надо не речь, а действительность, писал и Н.И. Жинкин [Жинкин 1982]. Чтение текста предполагает выход в мир денотатов, в ситуативный мир, стоящий за текстом.

Отсутствие общего языка и хотя бы частично совпадающих референционных и пресуппозиционных знаний отправителя и получателя информации приводит к взаимонепониманию. Оно возникает по многим причинам, большинство которых связано с синтаксической амбивалентностью, семантическими сдвигами либо с незнанием предмета и времени его описания. Специфика личностных картин мира читателя и автора, различия в их установках, разное видение ситуации и несопоставимость опыта создают межъязыковой, социальный, психологический, межкультурный, этический и некоторые другие барьеры. В итоге реципиент не может ответить на вопросы по тексту и, более того, не в состоянии понять сами вопросы. Так возникают коммуникативные неудачи: реципиент понимает не все, либо не так, либо ничего. Чтение и понимание текста инкорпорируют все понятое ранее, и, в случае если такая инкорпорация отсутствует, текст остается на уровне предпонимания.

Предпонимание иногда представляют как три этапа: предпонимание (1) – умение отличать правильное от неправильного; предпонимание (2) – умение распознавать правильные логико-грамматические структуры и отделять их от неправильных; предпонимание (3) – усвоение значений структурных единиц предложений [Кузнецов 1991]. Таким образом, предпонимание и понимание противопоставлено как интуитивное и рациональное, что, тем не менее, не означает уравнивание иррационального и интуитивного.

Предпонимание как предвосхищение смысла целого возникает как результат построения гипотез относительно смысла всего текста. На этом этапе воспринимается общий социокультурный смысл текста, а не смысл отдельных слов и конструкций; но субъект не в состоянии предложить объяснение процесса понимания, т. е. согласующихся между собой постулатов, вскрывающих гносеологические процедуры, благодаря которым постигается смысл. Это оказывается возможным в процессе взаимопонимания.

В области пересечения текстовой информации и знаний, полученных из текста, оказывается лишь часть того, что, в принципе, могло бы там быть. Восприятие текста никогда не бывает полным и окончательным: мы воссоздаем текст или видоизменяем его содержание в зависимости от своего тезауруса, а иногда и вовсе не в состоянии его воссоздать. Следовательно, множественность понимания текста неизбежна.

1.1.3. Понимание и интерпретация речевого произведения

Говоря о расшифровке речевых произведений, исследователи часто сталкиваются с понятиями «понимание» и «интерпретация». Очевидно, что понимание и интерпретация тесно связаны друг с другом. «Понимание, – пишет А.А. Потебня, – есть повторение процесса творчества в измененном порядке» [Потебня 1989: 151]. Схожие мысли обнаруживаются у М. Хайдеггера, представителя герменевтических учений: «Истолкование есть не принятие к сведению понятого, но разработка тех возможностей, которые набросаны в понимании <...> Понимание хранит в себе возможность истолкования, т. е. усвоения понятого. Понимание подразумевает процесс познания "внутреннего содержания" жизненного факта с помощью воспринимаемых нашими чувствами внешних знаков» [Хайдеггер 1993: 9, 23].

П. Рикер считает, что интерпретация состоит в расшифровке смысла и обнаруживается там, где есть многосложный смысл [Рикер

<http://fanread.ru/book/6686672/#read>]. Эта точка зрения коррелирует с мнением И.В. Арнольд об интерпретации как вербализованном понимании [Арнольд 1997: 26].

С точки зрения интерпретирующей лингвистики, которая выявляет механизмы интерпретации при понимании и общении, значение и смысл рассматриваются как результат интерпретирующей деятельности человека и связываются с его знаниями, презумпциями и предпочтениями в выборе «стратегий интерпретирования». Внутренний мир человека трактуется как определяющий интерпретации и определяемый ими [Языкознание. Большой энциклопедический словарь 1998].

С точки зрения когнитивной науки, интерпретируя выражение, реципиент обращается к языковым знаниям и получает модельный мир, включенный в рамки, с одной стороны, его собственного внутреннего мира, с другой – реконструируемого мира автора. В результате соотнесения между собой модельный мир, собственный внутренний мир и запас знаний корректируются, тем самым ориентируя реципиента в речевых и неречевых действиях [Демьянков 1996: 31, 126]. Е.С. Кубрякова в процесс понимания включает: 1) осмысление текста по его компонентам; 2) соотнесение языковых форм с их значениями; 3) выведение общего смысла текста на основе непосредственно данных в нем языковых единиц и установление отношений между ними. Исследователь считает интерпретацию процессом восприятия текста на более глубинном уровне, который связан как с процедурами логического вывода и получением выводных знаний, так и с соотнесением языковых знаний с неязыковыми [Кубрякова 1987].

А.А. Залевская описывает концепцию понимания как выявление личностного смысла. «Естественные процессы понимания текста обеспечиваются работой ансамбля соответствующих психических механизмов и протекают на разных уровнях осознаваемости при взаимодействии комплекса внутренних и внешних факторов» [Залевская 2001: 70].

Примечательно разграничение интерпретации текста на первичную и научную. Считается, что первое прочтение текста профессиональным интерпретатором носит общий, нерасчлененный и стихийный характер, а восприятие текста во многом эмоционально и подсознательно. Второе прочтение представляет собой осознанное восприятие и заключается в применении научного анализа текста с целью его научного истолкования (научной интерпретации, научного прочтения). Перечитывая текст, интерпретатор относится к нему как к объекту исследования, т. е. осознанно, проверяя первое субъективное впечатление при помощи того арсенала методик, которыми владеет [Есин 2000: 161].

Обобщая вышесказанное, подчеркнем, что понимание фокусируется на авторском содержании текста, а интерпретация – на содержании, которое формируется в сознании интерпретатора. В нашем исследовании мы подчеркиваем, что понимание есть цель, а интерпретация – метод достижения этой цели.

Обращаясь к феномену понимания художественного текста, необходимо обратиться и к семантике слова, обозначающего его.

В.З. Демьянков, подвергая термин «понимание» концептуальному анализу, пришел к выводу, что существительное «понимание» и предикат «понимать» употребляются в следующих типах значения:

1. Удачное использование языкового знания для восприятия речи.
2. Построение и верификация гипотетических интерпретаций для воспринимаемой речи.
3. «Освоение» сказанного, когда на основе внутренних ресурсов интерпретатора по высказыванию (как по чертежу) строится модельный мир.
4. Реконструкция намерений автора речи, даже при нечеткости или двусмысленности речи.
5. Установление того, чем внутренний мир слушателя отличается от выстроенного им (по высказыванию) модельного мира.
6. Установление связей внутри модельного и внутреннего миров.

7. Соотнесение модельного мира с той действительностью, которая непосредственно дана интерпретатору.

8. Соотнесение восприятия с линией поведения.

9. Выбор «тональности», или «ключа», в котором следует воспринимать речь [Демьянков 2005: 22–23].

Автор подчеркивает, что данные группы значений соответствуют употреблению термина как в научной речи, так и в обыденной.

Глаголы понимания являются маркерами когнитивной оценки получаемой информации. Рассмотрим подробнее семантику слов, объединенных синонимической доминантой «understand». Обратившись к словарной статье толкового словаря Oxford Advanced Learner's Dictionary, мы находим:

1. To know what someone or something means

Synonyms or related words: *know, work out, comprehend, deduce, make sense of something, fall / fit into place, see the light, get the idea, have a feel for something.*

1.1. To know what something spoken or written in a particular language means

Synonyms or related words: *know, work out, comprehend, deduce, make sense of something, fall/fit into place, see the light, get the idea, have a feel for something.*

2. To know how and why something happens, or what effect or influence something has.

Synonyms or related words: *know, work out, comprehend, deduce, make sense of something, fall/fit into place, see the light, get the idea, have a feel for something.*

3. To know how someone feels or why someone does something, as a result of experience or by imagining what it must be like to be them.

Synonyms or related words: *know, work out, comprehend, deduce, make sense of something, fall/fit into place, see the light, get the idea, have a feel for something.*

4. FORMAL To believe that something is true because you have heard or read it somewhere.

Synonyms or related words: *think, believe in, suppose, suspect, assume, recognize, presume, imagine, reckon, be a great / firm believer in something.*

5. To understand something or someone in a particular way.

Synonyms or related words: *make out, interpret, perceive, read, make of, take, construe, see both sides, be quick / slow on the uptake* [Oxford Advanced Learner's Dictionary 2010].

Проанализировав значения данного глагола в словарной статье, можно выделить четыре основных значения:

1. Понимание плана выражения обозначает референтную ориентацию понимания (дефиниция 1).

2. Понимание плана содержания отражает понимание на семантическом и когнитивном уровнях (дефиниции 4, 5).

3. Когнитивно-прагматические значения отражают владение умениями и навыками, понимание духовных и материальных ценностей (дефиниция 2).

4. Фатическое понимание отражает положительную оценку на эмоциональном уровне (дефиниция 3).

Таким образом, опираясь на многоаспектность семантики самого глагола *understand*, можно сделать вывод о том, что понимание есть субъективная категория. Понять универсально и идеально невозможно. Тогда необходимо ответить на вопрос, что является объективной категорией при рассмотрении проблемы понимания. Представляется возможным говорить о **понятности** текста. Обратимся к значению этой категории в толковом русскоязычном словаре (обращаемся к прилагательному *понятный*, т. к. существительное *понятность* образовано от этого прилагательного): *понятный (-ая, -ое, -тен, -тна) – доступный пониманию. Писать понятным языком или понятно* [Большой толковый словарь русского языка 1986]. Рассмотрим дефиницию прилагательного *understandable: understandable –*

comprehensible, conceivable, capable of being understood [Oxford Advanced Learner's Dictionary 2010]. Проанализировав вышесказанное, можно сделать вывод о том, что понятность является имманентной характеристикой текста, не зависящей от реципиента, в то время как понимание основывается на личностных характеристиках субъекта, воспринимающего текст. Понятность текста объективна, т. к. она не опирается на преломление смысла текста сквозь призму читательского восприятия, она выражается через структурную организацию текста, композицию, художественно-стилистическое оформление.

Рассуждая о свойствах художественного текста, мы отмечали, что художественный текст как репрезентация авторского замысла или интенции всегда многозначен. Но практика показывает, что существуют произведения, осознанно отягощенные автором в смысловом и языковом плане, и произведения менее отягощенные (сравним: «Улисс» Д. Джойса и «Над пропастью во ржи» Д. Сэлинджера). Так, одно художественное произведение читатель прочитывает, не обращаясь к комментарию или другим сопроводительным материалам или обращаясь за поиском глубинного смысла, другое же невозможно прочитать, не ознакомившись с аннотацией и комментарием. В данном случае можно говорить о такой характеристике текста, как **семантическая напряженность**. Н.С. Валгина [Валгина 2003] подчеркивает, что особой ценностью обладает новая, прагматическая информация в тексте, объем которой является показателем информативности текста. Под информативностью текста исследователь понимает «степень смысло-содержательной новизны для читателя, которая заключена в теме и авторской концепции, системе авторских оценок предмета мысли» [Валгина 2003: 141]. Таким образом, очевидно, что степень информативности текста субъективна и зависит от потенциального читателя, степени его подготовленности, фоновых знаний, установок. Информационная насыщенность текста, наличие эксплицитных и имплицитных форм выражения мысли характеризует текст с позиции *напряженный*/

ненапряженный. Семантическая напряженность текста может спровоцировать неполное декодирование текста адресантом. Анализ нашего материала позволяет продемонстрировать примеры следующих особенностей текста, определяющих степень его семантической напряженности:

- сложность / простота композиционно-синтаксической структуры. Особенности принципов авторского построения текста, проявляющиеся в нарушении логики повествования, тема-рематических последовательностей и намеренно усложненной синтаксисе, осложняют восприятие. Так, в комментарии к роману «Авессалом, Авессалом!» У. Фолкнера (ком. А.А. Долинина) приведено большое количество разъяснений, касающихся многосоставных, разветвленных предложений, состоящих из придаточных предложений, инфинитивных и причастных оборотов, обстоятельств, парентез и т. д. Включение подобных единиц в затекстовый комментарий характеризует их как факторы, повышающие семантическую напряженность текста:

I gestate and complete, not aged, just overdue because of some caesarian lack, some cold head-nuzzling forceps of the savage time which should have torn me free, I waited not for light but for that doom which we call female victory which is: endure and then endure, without rhyme or reason or hope of reward – and then endure; I like that blind subterranean fish, that insulated spark whose origin the fish no longer remembers... – здесь получает дальнейшее развитие шекспировская «утробная» метафора, которая передается при помощи характерного для романа эллиптического, намеренно запутанного синтаксиса (*I gestate and complete = I was gestated and complete; I like that blind fish = I was like that blind fish* и т. п.), многочисленных плеоназмов и семантической неясности словоупотребления [Faulkner / Долинин 1982: 381];

- степень выраженности имплицитно заложенных смыслов. Декодирование неявных смыслов, невербализованных адресантом знаний требует соответствующего интеллектуального кругозора и инференции со стороны реципиента. Аллюзии, реминисценции, цитирование,

низкочастотная лексика повышают семантическую напряженность текста. В следующем фрагменте сложность для понимания представляет не только употребление цитаты из Евангелия, но и тот смысл, расшифровка которого необходима для полноценного понимания всего отрывка:

*...and your grandfather said, "Suffer little children to come unto Me": and what did He mean by that? how, if he meant that little children need to be suffered to approach Him, what sort of earth had He created; that if they had to suffer in order to approach Him, what sort of Heaven did He have? – цитата из Евангелия: «...пустите детей приходить ко мне» (Лука, 18: 16). С этими словами Иисус обратился к ученикам, которые не разрешали младенцам прикоснуться к Нему <...>. Автор обыгрывает здесь два значения глагола *suffer* – (1) допускать, разрешать (как в Евангелии) и (2) страдать. Генерал Компсон делает вид, будто не понимает, в каком из значений слово употреблено в Писании, и профанически интерпретирует текст [Faulkner / Долинин 1982: 391];*

- референтная многозначность / однозначность лексических единиц. Выбор подходящего значения многозначного слова определяется его контекстуальным окружением, которое предполагает семантическую совместимость значения слова и контекста. Так, в следующих примерах существительное «game» означает «a type of activity or business regarded as a game» в сочетании со словом «rules», и «wild mammals or birds hunted for sport or food» в случае употребления со словом «hunter»:

1. *Well, let's put it that there are rules of the game which must be observed if society is to function at all* [Galsworthy / ком. Gerbatch 1956: 50].

2. *Only a hunter's instinct led him to where the game were the thickest* [Priestley 1969: 218];

- насыщенность текста иноязычными вкраплениями (*crème de menthe, clientele, sans amour, In vino veritas* и т.п.), сокращениями (*rep, san, Gee* и т. п.), терминами (*bronchoscopic treatment, crushing the phrenic nerve, a*

lesion и т. п.), именами собственными (George Washington, the Queen Mary, Solomon и т. п.);

- насыщенность текста лингвокультурными реалиями. К таковым могут относиться географические реалии, обозначения традиций, праздников, реалий быта и т. п.

Связь между понятностью текста и его пониманием реализуется за счет интерпретации, объяснения текста. Понятность ведет к пониманию, которое уже является индивидуально и субъективно, т. е. будет варьироваться в зависимости от характеристик реального читателя. Таким образом, рассмотрение проблемы адресата как участника коммуникативного акта представляется необходимым этапом в анализе проблемы понимания текста.

1.1.4. Проблема адресата и адресанта

Специфика понимания текста непосредственно связана с его адресованностью, т. е. ориентацией на рецепцию определенным кругом лиц.

В широком смысле направленность на адресата является необходимым признаком коммуникации вообще [Бахтин 1979] и художественной коммуникации в частности. Структура и особенности художественного текста, допускающего множественность содержательных интерпретаций, обладают адресованностью во всей своей целостности.

Адресованность художественного текста можно рассматривать и в более узком смысле, как особую коммуникативную активность автора. В таком аспекте трактует эту категорию О.П. Воробьева: «Под адресованностью нами понимается свойство текста как вербального объекта, посредством которого опредмечивается представление о предполагаемом адресате и особенностях его интерпретативной деятельности» [Воробьева 1993: 5]. С этих позиций направленность на адресата рассматривается как имманентная характеристика текста, имеющая семантико-структурную основу, сопряженную со статусом текста как сложного знака. Адресованность выражается в содержательно-повествовательных особенностях текста как

коммуникативного целого и обнаруживается по лингвистическим сигналам в ткани текста как речевого произведения.

В основе коммуникации лежит прагматическая модель, которой оперируют многие исследователи (И.В. Арнольд, М.С. Каган, Е.В. Сыщикова и др.). Компонентами ее являются:

1. Адресант (коммуникатор, субъект) – отправитель информации, говорящий или пишущий.
2. Адресат (реципиент) – получатель информации, слушающий или читающий.
3. Сообщение – текст в устной или письменной форме – неотъемлемая часть модели, поскольку без обмена информацией нет речевой коммуникации.

Среди всех определений коммуникативного замысла автора, которого обычно считают главным участником коммуникации, реальность автора и конкретность его замысла не подвергаются сомнению. Однако это понятие в определенной степени иллюзорно, так как в большинстве случаев нельзя ручаться за истинность интенции или вообще нельзя расспросить автора о его коммуникативных намерениях. Единственная реальная фигура, через которую можно изучать авторскую интенцию, – это читатель, понимающий и интерпретирующий текст. Текст существует как метафизический объект, в котором происходит встреча двух сознаний – автора и читателя, поэтому можно говорить о нерасторжимом единстве этих двух ролей в процессе порождения или восприятия текста.

Своеобразие письменной коммуникации состоит в функции активного субъекта дискурса прогнозировать, предполагать реакцию адресата для того, чтобы сделать свое воздействие на него более сильным [Лурия 1979]. Автор, будучи активным субъектом письменного дискурса, вынужден считаться с «законами жанра» того или иного текста, излагать информацию, опираясь на достаточно полное использование грамматических средств языка, заботиться о ее логической стройности и ясности. Адресант лишен непосредственного соучастия адресата в

коммуникативном событии, он не может судить о реакции адресата на происходящее, у него нет возможности для привлечения жестов, мимики, интонации. Вместо этого в распоряжении адресанта находятся графические средства: абзацы, курсив, пунктуация. В свою очередь адресат письменного текста может неоднократно перечитать послание, чего лишен адресат в устном общении, поэтому в письменной коммуникации иногда легче осознать малейшие нюансы логики отправителя, понять его мысль, прояснить его картину мира.

М.М. Бахтин подчеркивал разнообразие возможных адресатов высказывания: «Адресат может быть непосредственным участником-собеседником бытового диалога, может быть дифференцированным коллективом специалистов какой-нибудь специальной области, может быть более или менее дифференцированной публикой, народом, современниками, единомышленниками, противниками и врагами, подчиненным, начальником, низшим, высшим, близким, чужим и т. п., он может быть и совершенно неопределенным, неконкретизированным другим (при разного рода монологических высказываниях эмоционального типа) – все эти виды и концепции адресата определяются той областью человеческой деятельности и быта, к которой относится данное высказывание» [Бахтин 1995: 275]. И далее исследователь указывает, что отбор адресантом всех языковых средств при порождении высказывания производится под большим или меньшим влиянием адресата и его предвосхищаемой ответной реакции [там же: 280].

Таким образом, перед адресантом стоит задача учитывать как общие характеристики адресата, например, способность воспринимать звучащую или письменную речь, так и индивидуальные: культурный и образовательный уровень адресата, определяющий ту базу знаний, которая имеется в его распоряжении для понимания адресованных ему высказываний. Можно говорить о разграничении читателей по уровню их квалификации, включая в это понятие степень владения языковым кодом, общую и филологическую

эрудированность, способность к рефлексии над языковыми и литературными фактами и т. д.

В многочисленных работах, посвященных проблеме адресованности текста, категории субъектности, эстетике восприятия, и в критике, трактующей роль читателя, мы находим упоминания об идеальных, виртуальных, абстрактных, потенциальных, эмпирических читателях и т. д. Так, У. Эко, исследуя вопросы восприятия художественного текста, вводит понятия «образцовый читатель» и «образцовый автор» [Эко 2007]. Образцовый читатель не равнозначен читателю эмпирическому. Эмпирический читатель – это любой человек, читающий текст и прочитывающий его по-разному. Не существует закона, который диктует эмпирическому читателю, как именно читать, поэтому он часто использует текст какместилище своих собственных эмоций, зародившихся вне текста и случайно текстом навеянных. Эмпирический читатель прочитывает текст неправильно относительно того типа читателей, на которых ориентировался автор при создании текста, т. е. относительно читателей, готовых следить за развитием сюжета. Данные читатели являются, по мнению У. Эко, идеальными читателями, соратниками автора, именно таких читателей автор пытается создать [Эко 2007].

Что касается понятия образцового автора, то это автор, который «самым беззащитным образом обнажает перед читателем свои намерения, указывая, какие именно эмоции читателю надлежит испытывать, даже если сам текст и не сможет их вызвать...» [Эко 2007: 36]. Образцовый автор и образцовый читатель – фигуры, формирующиеся лишь по ходу, взаимно друг друга создающие и в литературных текстах, и вообще во всех текстах. Любой художественный текст адресован, прежде всего, образцовому читателю первого уровня, который желает знать, чем закончится произведение. Образцовый читатель первого уровня в теории У. Эко соответствует, таким образом, понятию эмпирического читателя. Однако художественный текст адресован также и образцовому читателю второго уровня, т. е. читателю, пытающемуся понять, какого реципиента

предполагает данный конкретный текст, как именно образцовый автор управляет своим читателем. Только осознав, что просит автор у читателя, эмпирический читатель превращается в полноценного, образцового.

Справедливо предположить, что наличие образцового читателя не является обязательным условием для создания каждого текста. Можно предположить, что любой автор надеется на создание образцового читателя, который его станет «соратником», посредством своего текста. Например, художественный текст адресован как эмпирическому читателю, т. е. любому человеку, способному читать текст, так и образцовому читателю, который распознает и оценит стилистические приемы, будет исследовать произведение до бесконечности. Апеллятивный текст предвосхищает наличие образцового адресата, который появляется в момент возникновения текста и становится фактором текстообразования, одним из признаков текстуальности. Особенности семантики, синтактики, прагматики, текстуальной структуры определены наличием данного адресата и характеризуют его по различным параметрам. Текст сообщает адресату инструкции по интерпретации с учетом интеллектуальной конфигурации адресата, отдельных характеристик его личности, объема пресуппозиций, коммуникативной компетенции. Таким образом, в процессе восприятия текста создается определенная ситуативная модель, базирующаяся на определенном фундаменте фоновых знаний реципиента (более подробно о фоновых знаниях как части коммуникативной ситуации, влияющей на понимание текста реципиентом, рассказано во второй главе). Другими словами, адекватное декодирование текста зависит от степени совпадения опыта, фоновых знаний адресата и адресанта. При несовпадении их ассоциативных полей в тезаурусе адресата обнаруживаются лакуны, что приводит к неуспешности коммуникативного акта, опосредованного текстом, т. е. коммуникативным сбоям.

1.2. Лингвистические и экстралингвистические причины возникновения коммуникативных сбоев

1.2.1. Коммуникативные сбои как результат неадекватного понимания художественного текста

Межличностная коммуникация подразумевает взаимодействие языковых личностей для передачи, получения и обмена информацией, и, следовательно, число коммуникантов всегда равно или больше двух. Наличие определенного воздействия на собеседника при осуществлении акта межличностной коммуникации требует оценивания его с позиции успешности и эффективности.

Успешная коммуникация – это адекватная коммуникация, при которой достигается более или менее полное, но обязательно достаточное, с точки зрения коммуникантов, взаимопонимание [Красных 2003: 172]. Успешность коммуникации может быть определена как достижение говорящим стратегической цели в условиях бесконфликтного речевого взаимодействия [Мартынова 2000]. Эвристическую ценность для нашего исследования представляет мнение Е.М. Лазуткиной, которая считает главным условием успешной коммуникации умение слушателя реконструировать коммуникативный замысел говорящего, проделать работу по «переосмыслению ранее сказанного и понятого» [Лазуткина 1998: 62]. Среди других условий исследователь выделяет:

- коммуникативную заинтересованность собеседников;
- близость мировосприятия говорящего и слушающего;
- приспособление форм подачи информации к возможностям ее интерпретации, т.е. учет знаний адресата;
- выражение настроенности на мир собеседника (интонация, тембр, темп, особые средства выражения отношения говорящего);
- знание коммуникантами норм этикетного речевого общения;

- соответствие планов и схем речевого поведения собеседников;
- благоприятные внешние обстоятельства (канал общения, эмоциональное настроение, физиологическое состояние и др. [там же]).

Однако естественное речевое взаимодействие предусматривает нарушение вышеназванных условий и наличие аномалий (шероховатостей, неточностей выражения мысли, недоразумений). Подобные факторы провоцируют коммуникативные сбои, т. е. взаимопонимание между коммуникантами не достигается, а, следовательно, коммуникация становится неуспешной.

Возросший интерес к функциональным и прагматическим аспектам неуспешного речевого общения обусловил появление в отечественной и зарубежной лингвистике большого количества работ, посвященных изучению неудач в коммуникации, что привело к некоторой разобщенности взглядов на феномен коммуникативной неудачи. Следует упомянуть и о терминологическом разнобое относительно рассматриваемой проблемы: помимо термина «коммуникативная неудача» (О.Н. Ермакова, Е.А. Земская) существуют такие термины, как «коммуникативный провал», «коммуникативный сбой» (Т.Г. Винокур), «неэффективное общение» (Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев), «срыв», «рассогласование» или даже «коммуникативная ошибка». Необходимо подчеркнуть содержательное различие между похожими терминами «коммуникативный провал», «коммуникативная неудача» и «речевая ошибка», поскольку под последним понимается нарушение в речи языковых норм: произносительных, словообразовательных, лексических, морфологических, синтаксических, стилистических, а также специфических норм письменной речи: орфографических и пунктуационных [Словарь лингвистических терминов: http://linguistics_dictionary.academic.ru/].

Анализ трактовок предложенных терминов позволяет утверждать, что рассмотрение их как тождественных неверно, так как в основе определений лежат разные критерии: ориентирование на результат коммуникации

(перлокутивный эффект), причины, вызывающие затруднения в общении (лингвистические или экстралингвистические факторы).

Традиционным и общепринятым является определение «коммуникативная неудача», предлагаемое О.П. Ермаковой и Е.А. Земской, которые трактуют данный термин как полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т. е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, а также возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление [Ермакова 1993: 31].

О.Н. Ермакова и Е.А. Земская выделяют три типа коммуникативных неудач: порождаемые устройством языка; порождаемые различием говорящих в каком-либо отношении; порождаемые прагматическими факторами. Их исследование проводилось на материале естественного спонтанного дискурса, однако базировалось только на фактах русского языка.

Наиболее комплексная типология коммуникативных неудач была предложена Б.Ю. Городецким, И.Г. Сабуровой, И.М. Кобозевой (1985). Согласно данному подходу, коммуникативная неудача трактуется как сбой в общении, при котором речевые произведения не выполняют своего предназначения [Городецкий 1989: 23]. Ключевыми критериями классификации являются последствия и источники. Что касается последствий, глобальные коммуникативные неудачи предполагают окончательное прерывание развертываемого диалогического текста общения и неудовлетворительный результат, а частные коммуникативные неудачи предусматривают временные задержки, когда коммуниканты вынуждены отклониться от главной линии диалогического текста для преодоления возникших коммуникативных неудач. Типология коммуникативных неудач на основе их источников предполагает критерии, связанные с инструментами и процессами общения. Таким образом, источниками коммуникативных неудач являются расхождения в организации языковых

тезаурусов коммуникантов и соотношение таких процессов, как вербализация замысла и его понимание. Ситуация, когда вербализация замысла говорящим недостаточно эксплицитна для тех средств, которыми пользуется при понимании второй коммуникант, является источником коммуникативной неудачи [Городецкий 1989: 23–24].

В зарубежном языкознании Д. Остин был одним из первых, кто предложил типологию коммуникативных неудач. В рамках этой теории исследователь предлагает разграничивать осечки и злоупотребления. Действие является осечкой, если употребление, к которому собирались прибегнуть, оказывается неприемлемым или дефектным и не имеет результата. В случае злоупотребления подразумевается нереализованное или незавершенное действие [Остин <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000713/st000.shtml>].

Основываясь на том, что целью речевого общения является максимально эффективная передача информации, Г.П. Грайс и Дж. Линч вывели принципы коммуникативного сотрудничества: максима количества, максима качества, максима способа, максима отношения. При нарушении правил и норм ведения диалогического дискурса, т. е. несоблюдения максим, возникает коммуникативная неудача, что приводит к неуспешности коммуникации [Grice 1975]. Подобное мнение выражает и Т.М. Николаева, считая одной из причин коммуникативной неудачи «коммуникативный саботаж» (или «принцип некооперации»), предлагающий установку на навязывание коммуниканту своего мнения, нежелание дать ожидаемый ответ на вопрос, стремление уйти от обмена информацией, желание обидеть собеседника [Николаева 1990].

Более широкое содержание в понятие коммуникативной неудачи вкладывает Е.М. Лазуткина: «Это недостижение инициатором общения коммуникативной цели и, шире, прагматических устремлений, а также отсутствие взаимодействия, взаимопонимания и согласия между участниками общения» [Лазуткина 1998: 68].

Б. Гудман (1989), А. Потемкин (1994), Ю. Черникова (1994) определяют коммуникативную неудачу, обращаясь к референционному аспекту, и определяют ее как ошибочную идентификацию референта, не затрагивая вопроса о классификации и корректировке.

Представители этнолингвистики Дж. Гамперц (1982), Д. Таннен (1979), С. Гасс и Э. Варонис (1985, 1991), С. Бэнкс, Г. Ге, Дж. Бэйкер (1991), Дж. Виман, Х. Джайлс, Н. Купланд (1991) квалифицируют коммуникативную неудачу, обращаясь к культурным различиям и расхождениям в культурных формах употребления языка.

Н. Хенли, Г. Крамарэ (1991), Э. Оке (1991), Ж. Купланд, Дж. Нуссбаум, Н. Купланд (1991), К. Аронсон (1991), А. Белл (1991), Э. Айзенберг, С. Филлипс (1991) определяют коммуникативную неудачу в социальном плане, трактуя данный феномен как коммуникативное затруднение, возникающее в процессе общения индивидов, принадлежащих к разным половым, возрастным, социальным и иерархическим группам.

Таким образом, существует различное понимание термина «коммуникативная неудача». Однако основу его составляет, прежде всего, понимание коммуникативной неудачи как положения вещей, при котором коммуниканты не могут реализовать свои коммуникативные ожидания.

Коммуникация, опосредованная художественным текстом, это не сиюминутный акт общения, когда процессы порождения и восприятия практически одномоментные, а общение, при котором восприятие дистанцировано от порождения во времени и пространстве. Коммуникативные сбои, возникающие в процессе общения в реальном времени, устранимы за счет самой ситуации: можно переспросить, уточнить информацию, сделать акцент при помощи мимики, жестов и т. д. Текст лишен внешних условий, и коммуникативные сбои, возникающие при его прочтении, невозможно устранить, обращаясь к отправителю сообщения, а следовательно, подобные сбои устранимы только за счет обращения к источнику, объясняющему

значение моментов, создающих помеху для понимания, т. е. к затекстовому комментарию.

Говоря о восприятии иноязычного художественного текста реципиентом, мы говорим о коммуникации, протекающей между представителями не только стадильно отдаленными во времени, но и отдаленными культурно, существующими в рамках разных культур, т. е. о межкультурной коммуникации, опосредованной художественным текстом. Мы считаем целесообразным выделить следующее определение: **коммуникативный сбой** – это частичное или неполное понимание реципиентом авторской интенции, пресуппозиций автора и интертекстуальных включений. В следующем параграфе мы рассмотрим специфику и причины коммуникативных сбоев, возникающих на разных уровнях текста.

1.2.2. Лингвистические и экстралингвистические маркеры коммуникативных сбоев

Анализ специфики проблемы понимания художественного текста требует разграничения понятий «ситуация непонимания» и «коммуникативной сбой». В данном исследовании мы рассматриваем ситуацию непонимания как некий дисбаланс в коммуникативной цепочке автор–текст–читатель, который подразумевает затруднение реципиента в расшифровке авторской интенции, выраженной в использовании различных лексико-грамматических, стилистических, прагматических и художественных средств. Мы согласны с мнением А.Г. Медведевой о том, что непонимание есть речевой акт, т. к. при его выражении соблюдаются такие признаки, как интенциональность, иллокутивная цель, конвенциональность [Медведева 2003: 7]. Обращение именно к феномену непонимания представляется наиболее продуктивным, т. к. именно непонимание проявляет большую маркированность в языковом плане. Следует признать, что понимание также

имеет языковые маркеры. Таковыми могут быть ответы одного из коммуникантов, демонстрирующие, что он понял собеседника (*I got it; I see; It's clear; Ok; right u m. ð.*). По справедливому замечанию И.М. Кобозевой и Н.И. Лауфер, состояние понимания в норме не находит своего выражения в соответствующем речевом акте [Кобозева, Лауфер 1994:64]. Подобное мнение выражает и А.Г. Медведева в своем исследовании лингвистических средств выражения непонимания. Так, описывая концепты «Understanding» и «Misunderstanding», исследователь подчеркивает, что последний является антиконцептом по отношению к первому, но содержание концепта «Misunderstanding» носит более объемный характер, включающий ряд дополнительных концептуальных признаков как общего, так и частного характера [Медведева 2003: 8]. Ситуация непонимания, которая не находит своего прояснения для читателя, провоцирует коммуникативный сбой. Другими словами, ситуация непонимания есть предпосылка возможного коммуникативного сбоя.

Рассматривая ситуацию непонимания, возникающую в процессе чтения иноязычного художественного текста, и коммуникативный сбой как ее результат, необходимо проанализировать вербальную и невербальную репрезентацию данных феноменов в художественном тексте. Учитывая тот факт, что наше исследование базируется на материале англоязычных художественных текстов, мы предлагаем разграничивать ситуации непонимания следующим образом:

1. Ситуация непонимания как объект воспроизведения. В данном случае художественный текст служит средой репрезентации какой-либо ситуации, происходящей в реальном диалогическом общении. Таким образом, ситуация непонимания воспроизводится в репликах действующих лиц произведения и используется автором для создания эффекта реального общения в художественном диалоге. М. Бахтин подчеркивает «человечность художественного образа», разъясняя, что «за каждым словом, за каждым

стилем, за каждой фонетической идиосинкразией стоит живая личность говорящего человека (типического и индивидуального)» [Бахтин 2005: 32]. Мы согласны с тем, что «речи персонажа можно рассматривать как средства изображения речевой жизни во всем ее многообразии» [там же: 33]. Более того, маркеры ситуаций непонимания присутствуют не только в диалогической или монологической речи героев, но и в их внутренней речи и авторских отступлениях.

2. Ситуация непонимания как результат восприятия текста реципиентом. Художественный текст, функционирующий в первую очередь как объект отражения действительности, является продуктом, аккумулирующим все средства языка и выступающим как посредник между автором и читателем. Вполне закономерно утверждать, что ситуации непонимания, а следовательно, и коммуникативные сбои, возникающие в процессе восприятия текста реципиентом, являются продуктом взаимодействия читателя и автора на уровне текста. Очевидно, что такого рода коммуникативные сбои не могут быть маркированы в языковом плане, что обусловлено тем, что коммуникативный акт, опосредованный художественным текстом, дистанцирован от отправителя сообщения, а значит, реципиент не может сигнализировать о ситуации непонимания или произвести интерпретирующий речевой акт, способный элиминировать коммуникативный сбой. В таком случае единственным способом элиминирования коммуникативных сбоев в триаде автор–текст–читатель является лингвистический гипертекст, выступающий как медиатор, сокращающий пространственно-временную дистанцию между коммуникантами и сближающий их когнитивные горизонты.

Мы рассмотрим ситуации непонимания как объекты воспроизведения, т. к. именно ситуации данного типа имеют вербальную репрезентацию в художественном тексте.

Для выявления способов нейтрализации коммуникативных сбоев необходимо выявить сигналы, или маркеры, ситуаций непонимания. Анализ

сплошной выборки англоязычных художественных текстов показал, что вербальная и невербальная репрезентация коммуникативных сбоек подразумевает наличие эксплицитно и имплицитно выраженных маркеров. Следовательно, в качестве основного критерия классификации маркеров непонимания мы предлагаем считать способ их выражения.

1. Эксплицитно выраженные маркеры непонимания. Основными маркерами в данной подгруппе являются глаголы понимания, ядро которых представляет глагол *understand*. Проведенный анализ показал, что использование данного глагола в отрицательной форме, в том числе и с модальными глаголами, сигнализирует о том, что один из коммуникантов не понимает пресуппозиций другого. Выборка отрывков диалогического общения в корпусе данных British National Corpus показывает, что непонимание может быть выражено с помощью данного глагола как тем, кто затрудняется с расшифровкой сообщения (пример 1: *I'm afraid I don't understand*), так и тем коммуникантом, который распознал непонимание своего собеседника и старается его нейтрализовать (пример 2: *No, you don't understand; People have got the wrong idea*). В примере 3 один из собеседников перефразирует лексическую единицу *loud* (кричащий, яркий, бросающийся в глаза) [Полный англо-русский словарь 2010], спровоцировавшую ситуацию непонимания, заменяя ее общеупотребительным прилагательным *bright* (яркий) [Полный англо-русский словарь 2010]. Следует отметить различие средств выражения непонимания в соответствии с тем, какой субъект обнаружил и распознал ситуацию непонимания. Обнаружение непонимания со стороны говорящего, как правило, подразумевает попытку устранить его с помощью уточнений, вопросов, перефразирования. Подобные действия предпринимаются, чтобы контролировать беседу и предотвратить коммуникативный сбой. Обнаружение непонимания слушающим проявляется в констатации самого факта непонимания (*I simply do not understand, I can not follow what you are saying at all*), после

чего могут последовать уточняющие вопросы, оправдания, извинения и т. п. (*What is it that you are trying to tell me? Have I understood correctly?*), которые, в свою очередь, тоже являются маркерами непонимания (пример 4).

Пример 1.

After lunch Morton went back to Old Jewry, to find Bragg sitting morosely at his desk. He looked up.

– *How did you get on with Miss Nancy, lad?*

– *I am afraid I **do not understand**, sir. – Morton said, straight-faced. – I am not acquainted with any young lady of that name [Harrison 1991: 110].*

Пример 2.

– *Jenny, you're mad. You go to all the trouble of finding me a bed in a night shelter and you then get me so drunk they'll refuse point-blank to let me in!*

– *Have you ever been an alcoholic or anything like that?*

– *No, you **don't understand**. People **have got the wrong idea** about this one. Alcoholism is a social thing, not a homeless thing [Falk 1991: 146].*

Пример 3.

– *D' you like it?*

I look at the dress. It's got these tight sleeves that look too short and the bottom bit is all bunched up so when she turns it all billows out. The waist is real narrow -- there's a little belt there that Marie tied up. Her neck and shoulders are bare and cold looking. It's a beautiful dress. She looks so pretty.

– *I think it's great.*

– *Not too loud?*

*She sees **I don't understand**.*

– *Bright, she says.*

I shake my head [Watts 1990: 98].

Пример 4.

– *I am sorry, **I simply do not understand, I can not follow what you are saying at all**. – Alida Thorne said. Is this some kind of game or elaborate joke? What is it that you are trying to tell me? Have I understood correctly? That your*

sister, Faith, left a large sum of money, which belonged to the three of you, to a hospital, that the money would have supported Kathleen and yourself in the years to come? That you are now almost penniless? [Hill 1969: 138].

Другими глагольными маркерами непонимания выступают синонимы глагола *understand*, а именно: *comprehend, apprehend, grasp, see, take in, perceive, discern, make out, puzzle out, recognize, keep up with, master, get to know, follow, fathom, get to the bottom of, penetrate, divine, interpret, unravel, decipher, see the light about, envisage, get the hang of, get the drift of, catch on to, latch on to, tumble to, crack, make head or tail of, figure out, dig, get, get one's head around, wrap one's mind around, see daylight, get the picture, get the message* [<http://www.thesaurus.com/browse/understand?s=t>] и т. п. Вышеназванные глаголы, так же как и глагол *understand*, могут использоваться в вопросительных и отрицательных предложениях с целью прямой номинации ситуации непонимания.

2. ИмPLICITно выраженные маркеры непонимания. К данной подгруппе относятся конструкции, не имеющие прямого значения непонимания, но выражающие его в косвенной форме. В качестве имPLICITно выраженных маркеров мы предлагаем рассматривать речевые акты удивления, раздражения, уточнения, молчания. Маркерами таких речевых актов выступают оценочные высказывания (*Are you stupid? How could you not see? Are you deaf?* и т. д.), вопросительные слова (*What? How? How come? Where?* и т. д.), общие и специальные вопросы (*What do you mean? What should I say/do?*), повторы, слова (*Sorry, Pardon* и т. д.). Обратимся к следующему отрывку, который демонстрирует некоторые имPLICITно и экPLICITно выраженные маркеры непонимания:

– *Question and answer.*

– *How should I begin? (1)*

– *Address me.*

– *My dear Guildenstern!*

– *You've forgotten – haven't you? (2)*

– *My dear Rosencrantz!*

– *I don't think you quite understand. (3) What we are attempting is a hypothesis in which I answer for him, while you ask me questions.*

– *Ah! Ready?*

– *You know what to do? (4)*

– *What? (5)*

– *Are you stupid? (6)*

– *Pardon? (7)*

– *Are you deaf? (8)*

– *Did you speak? (9) [Stoppard 1986: 93].*

Итак, в приведенном диалоге встречается специальный вопрос (1), с помощью которого собеседник пытается узнать, что от него требуется, т. к. не совсем представляет себе начало разговора. Далее следует реплика второго коммуниканта, указывающая, что обращение первого участника к нему некорректно и, очевидно, не соответствует его ожиданиям (2). Не добившись желаемого результата, участник диалога переспрашивает, уточняет, сигнализируя о возможном непонимании (4). Однако реплика его партнера обнаруживает явный коммуникативный сбой в общении (5). Отчаявшись добиться понимания, персонаж переходит к оценочным высказываниям (6, 8). Его собеседник выказывает не только непонимание, но и недоумение (7, 9), что придает их беседе комический характер.

Рассмотрим следующий отрывок:

'You've stayed out here all night?' asked Jack incredulously.' Well, I wasn't going anywhere near that car again once we could get out,' she said.' And when we'd walked up the hill...' Her voice died away. 'You walked up the hill?' asked Jack, still amazed. 'Why didn't you go back to the road and phone a taxi?' There was a long, uncomfortable silence. Then Madge said awkwardly, 'I don't know.' *Henry shook his head; he had clearly abandoned all pretence of trying to rationalize the situation [Masters 1991: 110].*

В вышеприведенной беседе ситуация непонимания маркируется не только эксплицитно выраженными средствами (*I don't know*), но и повтором (*You walked up the hill?*); специальным вопросом со вспомогательным глаголом в отрицательной форме, который маркирует речевой акт удивления (*Why didn't you go back to the road and phone a taxi?*); имплицитно выраженными средствами, маркирующими речевой акт молчания (*There was a long, uncomfortable silence*), и словами автора, описывающими душевное состояние персонажа и коммуникативный результат беседы – «оставил попытки понять ситуацию» (*Henry shook his head; he had clearly abandoned all pretence of trying to rationalize the situation*).

Следующий пример демонстрирует то, как один из коммуникантов не понимает семантический и контекстуальный аспекты высказывания:

– *What time is it?*

– *Do you realize that we've been trying to get ready for two hours?* [Forster 2013: 125].

Сигналом непонимания в данном случае является вопрос собеседника, указывающий на его раздражение и желание ввести имплицитный подтекст, который не соответствует ожиданиям второго участника.

Таким образом, анализ средств выражения непонимания как объекта воспроизведения художественным текстом установил, что непонимание является маркированным в языковом плане с помощью имплицитно и эксплицитно выраженных средств, которые могут быть использованы как говорящим, так и слушающим. Необходимо отметить, что данные средства являются продуктивными, т. е. такими, которые сигнализируют о возможном коммуникативном сбое и помогают его нейтрализовать, только для участников диалога и интерпретатора (комментатора) художественного текста. Как уже говорилось ранее, коммуникативные сбои, возникающие между автором текста и его читателем, не могут быть маркированы, следовательно, в данном ракурсе следует говорить о сигналах, препятствующих пониманию. Таким образом, следующим этапом является

рассмотрение элементов художественного текста, которые могут провоцировать ситуации непонимания в триаде автор–текст–читатель.

1.2.3. Характер и причины коммуникативных сбоев, возникающих на разных уровнях текста

Текст можно рассмотреть как замкнутую структуру, в которой взаимодействуют и соотносятся языковые единицы всех уровней. Таким образом, все средства языка в тексте становятся коммуникативно обусловленными, коммуникативно значимыми.

Одним из важнейших уровней организации текста является лексический уровень. Лексическим значением слова обычно считают не только соотнесенность слова с определенным внеязыковым фактом, но и выражение понятия, и отнесенность слова к определенному лексико-грамматическому разряду. В художественном тексте роль лексических элементов возрастает, так как этот уровень является основной формой репрезентации смысла текста, интегрирующей все элементы произведения и их связи. Лексическое значение может быть в слове единственным, то есть имеются в виду однозначные, или моносемичные, слова. Но семантика слова может подразумевать несколько лексических значений, и тогда мы говорим о многозначных или полисемичных словах. По мнению Ю.А. Сорокина, многозначность рассматривается как возникающий в процессе коммуникации шум, а однозначность является критерием адекватного понимания смысла текста [Антипов, Донских, Марковина, Сорокин 1989: 20]. Другими словами, устранение многозначности – одно из условий достижения адекватности понимания. Таким образом, факторами, которые могут спровоцировать коммуникативный сбой, являются такие явления, как полисемия, омонимия и другие проявления амбивалентности языкового знака.

Синтаксическая организация текста подразумевает такие параметры, как структура предложения, порядок слов и средств связи [Кухаренко 1979: 52]. Нормативные принципы построения предложения осложняются

индивидуальными особенностями авторского стиля, а также экспрессивными, тематическими, композиционными и прочими задачами, что в конечном итоге создает синтаксическую картину конкретного текста. Формальная структура фразы, включенной в текст, или соотношение отдельных фраз в тексте являются факторами, затрудняющими понимание. Паратаксис (со-чинение) требует меньшего анализа, чем гипотаксис (подчинение). Простые контактные структуры понимаются легче, чем сложные дистантные, так же как и прямые по сравнению с инвертированными [Лурия 1979: 220].

Необходимо отметить, что восприятие предложения не зависит напрямую от его длины. Длинное предложение, состоящее из последовательно нанизываемых сложносочиненных предложений, воспринимается как ряд простых предложений, т. е. относительно легко. А.Р. Лурия отмечает, что в большей степени на процесс восприятия влияет структура предложения. Например, восприятие проходит легче, если в предложении больше сочинительной связи; меньше второстепенных членов в элементарных предложениях в составе сложного; меньше усложняющих абсолютных и причастных конструкций и т. д. [Лурия 1979: 220–222]. Таким образом, намеренное усложнение автором синтаксической организации текста, нарушение цельности и связности текста как авторский прием могут спровоцировать коммуникативные сбои в процессе восприятия текста читателем.

Целесообразным будет упомянуть композиционно-синтаксический уровень целого текста, который будет включать в себя сюжетные линии, отношения персонажей, интертекстуальные связи. В определении смысла текста читатель опирается не только на данный текст, но и на знание других текстов, на те ассоциативные связи, которые устанавливаются между ними. Художественный текст с высокой степенью интертекстуальности рассчитан на знание прецедентных текстов и распознавание интертекстуальных связей, и чем больше интертекстуальная усложненность текста, тем больше риск возникновения коммуникативного сбоя в процессе чтения текста.

На стилистическом уровне текста особую зону риска будут представлять различные приемы, фигуры и тропы речи, которые могут быть не поняты читателем (метафора, аллюзия, цитата, ирония, иностилевые вкрапления). Здесь можно говорить о коммуникативных сбоях на семантическом уровне, т. е. неполном, неадекватном понимании смысла текста как целого.

Следующим уровнем, который обусловлен прагматикой художественного текста, является эмоциональный уровень. Б. Томашевский отметил: «Эмоциональный момент вложен в произведение, а не привносится читателем. Образы персонажей (облик, характер, история жизни), их отношения и действия, описание среды их обитания, фабула и сюжет, авторские отступления, идея автора, явно не выраженная в произведении, стиль и ритмика, культурный контекст – вот далеко неполный перечень, порождающий эмоциональный момент произведения, без восприятия которого не может быть адекватного понимания текста читателем» [Томашевский 2002: 134]. Произведения, лишенного эмоционального момента, не может существовать, а коммуникативные сбои на этом уровне текста ведут к критическому непониманию той имплицитной информации, которую автор пожелал заложить в тексте.

Текст – структура с внутренней организацией, элементы которой значимы не только сами по себе, но и в своих отношениях с целым и с другими элементами, в том числе и с элементами внеязыковой действительности – ситуации. Полисемия и омонимия, свойственные лексике в языке, устраняются в речи благодаря контексту и речевой ситуации. Контекстом называется соединение слова с его индикатором, находящимся в непосредственной или опосредованной синтаксической связи с актуализируемым словом [Амосова 1968]. Контекст не только помогает выбрать действительное значение из множества словарных значений языковой единицы в случае многозначности, но и установить значение индивидуальных авторских словоупотреблений.

Анализируя феномен понимания текста и рассматривая уровневый характер процесса понимания, мы пришли к выводу о наличии двух основных уровней переработки текста при его восприятии: поверхностного (грамматического), или уровня поверхностных структур, который связан с процессами, обеспечивающими расшифровку воспринимаемых языковых кодов, и глубинного (семантического), или уровня глубинных смысловых структур, подразумевающего расшифровку глубинного смысла, который лежит за воспринимаемым сообщением, и восприятие авторской интенции. На поверхностном уровне объектом восприятия является внешняя, материальная форма текста в виде упорядоченной последовательности определенных знаков, в которой соотносятся языковые единицы всех уровней. Структура и семантика текста образуют одну часть сложного механизма, другая часть которого находится в сознании и памяти реципиента. При восприятии текста эти две части приходят во взаимодействие, что обуславливает понимание смысла. Иными словами, при понимании текста образуется и функционирует смыкающая модель: то, что содержится в тексте, как бы смыкается с тем, что происходит в сознании реципиента [Брудный 1974: 85].

Речевое общение формируется не только языковыми, но и неязыковыми факторами, и его успешность зависит не только от выбора говорящим вербальных средств. При установлении экстралингвистических причин неадекватности понимания художественного текста важно помнить, что текст представляет фрагмент картины мира автора и является выражением субъективного отношения адресанта, его представлений и суждений. Процесс письменной коммуникации стадийно расчленен во времени, т. е. процесс создания текста и процесс его декодирования читателем могут быть значительно отдалены друг от друга. Чем отдаленнее два этих процесса во времени, тем более вероятны расхождения вторичных реальностей на входе в текст и на выходе из него. Постоянное расширение общекультурного тезауруса человечества, естественно, изменяет и индивидуальные тезаурусы

потенциальных читателей, следовательно, изменяются их личностные характеристики [Караулов 1988: 108]. Вследствие таких изменений гипотетический контингент адресатов, который предусматривался автором, может варьироваться и видоизменяться, что сказывается на смысловой интерпретации текста.

Говоря о понимании иноязычного текста, следует отметить, что недостаточно учесть только лингвистический контекст, т. е. расшифровать языковой код произведений. Знание языка не снимает социокультурные различия, а главной причиной непонимания инокультурного текста является именно различие культур, т. е. различие в национальных сознаниях адресанта и адресата. Чтобы понять текст, нужно усвоить новый «образ мира» носителя другой культуры, посмотреть на текст глазами его создателя [Леонтьев 1979]. Рассмотрим вышесказанное на примере фрагмента из романа «A Week in December» S. Faulks:

*As someone educated at a grammar school before **the towel was thrown in**, Tranter had an asset: literacy* [Faulks 2010: 24]. Помимо знания значения лексической единицы *to throw in the towel – to give up, to abandon the struggle* [Oxford Advanced Learner's Dictionary 2010], читателю необходимо представлять культурный подтекст, без которого затруднительно расшифровать имплицитно заложенную автором информацию. Так, исходя из комментария, представленного к произведению, читатель узнает об уровне обучения в так называемой «грамматической школе» и, более того, получает информацию об изменениях, коснувшихся системы образования. Таким образом, сообщение автора о том, что преимуществом главного героя была грамотность (*literacy*), становится понятным, и читатель сможет сделать выводы о личности героя, опираясь на представленную информацию культурного плана:

Educated at a grammar school before the towel was thrown in – the grammar schools of the 1950s and 1960s provided a thorough academic

education; but then the state decided to educate all children in the same way, and the grammar schools abandoned their attempts to provide serious education for clever children [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии: 43].

Суммируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что понимание художественного произведения подразумевает совпадение кодов отправителя и получателя сообщения. Другими словами, понимание текста опирается на тезаурус читателя, на знание содержания некоторых языковых единиц в определенном семантическом контексте. Несовпадение тезаурусов адресанта и адресата в широком и узком смысле этого понятия, т. е. несоответствие накопленных фоновых знаний, культурного, исторического, личностного и коммуникативного опыта продуцента и реципиента и, следовательно, несоответствие словарей, отражающих эти знания и опыт, провоцируют коммуникативные сбои при восприятии текста реципиентом.

1.2.4. Связь понимания и знания. Роль фоновых знаний в нейтрализации коммуникативных сбоев

Обращаясь к проблеме нейтрализации коммуникативных сбоев, мы разделяем позицию Ю.М. Лотмана о взаимоотношении культуры, текста и читателя. Исследователь различал культуры на основе их ориентирования на то или иное отношение к тексту: культуры, ориентированные на сообщение, носят более подвижный, динамический характер. Они дают быстрый прирост знаний и безгранично увеличивают прирост текстов; с другой стороны, культуры, ориентированные на понимание, не так быстро производят тексты и поэтому статичны [Лотман 2004: 89].

Однако следует понимать, что связка «знание–понимание» очень подвижна. Глагол «понимать» синтагматически сложнее, чем «знать». Знание предполагает забывание поступившей информации, тогда как

понимание не может быть аннулировано [Дмитровская 1985: 101]. Рассматривая этимологию глагола «знать», мы видим, что его значение тождественно значению «рождаться», а в толковом словаре мы находим определение «иметь сведения, понятие; испытывать, переживать» [Большой толковый словарь русского языка 1986]. Глагол «понимать» толкуется как «обладать пониманием, осмыслять», а «понимание» рассматривается как «способность осмыслять, постигать смысл» [там же]. Исходя из приведенных определений, можно сформулировать следующую закономерность: понимание зависит от отношения знания к бытию, это равнодействующая знания и бытия. Другими словами, можно многое знать, совершенно ничего не понимая: не понимая основы, источника, альтернативы своих знаний.

Так, при повторном прочтении произведения сюжет произведения остается тем же, но изменяется понимание произведения, которое осуществляется сквозь призму накопленного опыта, знаний. Какие-то события жизни заставляют нас переоценивать тексты, делают их более (или менее) понятными. Для понимания художественного текста важен жизненный опыт читателя, его эмоциональное состояние на момент прочтения, его готовность к восприятию информации. Как отмечал А.А. Брудный, «глубина понимания мира определяется глубиной личных переживаний» [Брудный 1998: 129].

Опыт как продукт взаимодействия субъекта с действительностью, как результат наблюдений, научного познания, практической деятельности является решающим при понимании текста. Воспринимая текст, читатель опирается как на личностный, так и на универсальный опыт человеческой деятельности. Опыт субъективен, поскольку всю информацию человек пропускает сквозь призму собственного мировоззрения. Следовательно, сходность и различия в опыте коммуникантов неизбежны, что, в свою очередь, является условием освоения мира и языка.

В психолингвистике опорным является положение о том, что знание не передается, а возбуждается, т. е. передаваемая в тексте информация вызывает из сознания фоновые знания. При чтении текста читатель является далеко не пассивным реципиентом. Поскольку реципиент видит инокультурный текст через призму своей культуры, процесс понимания направлен на реконструкцию модели иноязычной культуры, представленной в тексте. Из этого следует, что процесс понимания текста воссоздает определенную ситуативную модель, которая базируется на определенном фундаменте фоновых знаний об иноязычной культуре.

В широком смысле под термином «фоновые знания» (англоязычный вариант «background knowledge») понимаются все наши знания о мире [Gudykunst, Kim 1997; Scollon, Wong Scollon 2001]. Эти знания участвуют в процессе интерпретации коммуникативного поведения и влияют на наши ожидания и пресуппозиции, являющиеся частью коммуникативной ситуации. По выражению И.М. Шеиной, «фоновые знания можно считать "готовыми смыслами", которые культурное и языковое сообщество предлагает своим членам. Очевидно, что в рамках одной культуры эти "готовые" смыслы варьируются в зависимости от социального статуса, личного опыта и других факторов» [Шейна 2010: 11].

В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин в своих работах подчеркнули страноведческий и лингвострановедческий характер фоновых знаний, утверждая, что языковые единицы представляют собой «вместилище» знаний постигнутой человеком социальной действительности [Верещагин, Костомаров 1990].

О.С. Ахманова и И.В. Гюббенет, определяя фоновые знания как социально-культурный фон, характеризующий воспринимаемую речь, считают «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим основой языкового общения» [Ахманова, Гюббенет 1977: 48]. Подобное мнение выражает О.Н. Иванищева: «Если наивные знания определяются тем,

что я знаю об объекте действительности, то фоновые знания – что мы, как партнеры по коммуникативному акту, знаем об объекте действительности» [Иванищева 2007: 40].

Т.А. ван Дейк рассматривает следующий комплекс знаний, информации, необходимый для прагматического понимания, т. е. последовательности процессов, содержанием которых является приписывание высказываниям участниками коммуникации иллокутивных сил:

- знание свойств грамматической структуры высказывания;
- информация о паралингвистических характеристиках высказывания (темп речи, ударение, интонация, высота тона, жесты, мимика, движение тела и т.д.)
- наблюдение/восприятие коммуникативной ситуации (присутствие и свойства находящихся в поле зрения объектов, людей и т. д.)
- хранящиеся в памяти знания/мнения о говорящем и его свойствах, а также информация о других особенностях данной коммуникативной ситуации;
- знания/мнения относительно характера происходящего взаимодействия и о структуре предшествующих коммуникативных ситуаций;
- знания/мнения, полученные из предыдущих речевых актов;
- знания общего характера о взаимодействии и правилах, главным образом, прагматических;
- другие разновидности знаний о мире, имеющих общий характер (фреймы) [ван Дейк 2000: 15].

Однако данная классификация не рассматривают лингвокультурный аспект, в то время как фоновые знания образуют национально-культурную специфику.

Исходя из состава участников коммуникативного акта, В.Я. Шабес классифицирует фоновые знания как:

1. Социальные (известные всем участникам речевого акта, например, радиослушателям, читателям в массовой коммуникации, еще до начала сообщения).

2. Индивидуальные (известные только двум участникам диалога до начала их сообщения).

3. Коллективные (известные членам некоторой социальной, профессиональной и другой совокупности людей до получения этого сообщения) или социально-групповые (свойственные некоторой социальной общности людей: врачей, педагогов, жильцов одного дома и т. д.) [Шабес 1989: 8].

С точки зрения содержания фоновые знания можно разграничить как житейские, донаучные, научные, литературно-художественные. Кроме того, фоновые знания могут подразделяться на тривиальные и нетривиальные исходя из общедоступности, общеизвестности и типизированности. Тривиальные знания, как правило, не вербализуются в речевых актах, но являются необходимым условием успешности их осуществления [Валгина 2003: 9].

Термин «фоновые знания» часто граничит с термином «пресуппозиции». Н.С. Валгина называет пресуппозиции «компонентом смысла текста, не выраженным словесно, предварительным знанием, дающим возможность адекватно понять текст» [Валгина 2003: 7].

В.Г. Колшанский указывает, что пресуппозиция есть «не что иное, как способ семантического анализа текста, раскрывающий указанные связи между высказываниями и основывающийся на определенных предположениях и прогнозировании семантики слов, словосочетаний и предложений, входящих в текст. Подобное прогнозирование задается, прежде всего, темой дискурса, а однозначное восприятие каждого конкретного высказывания строится по принципу понимания звена в

некоторой цельной завершенной конструкции (тексте)» [Колшанский 1980: 86].

Рассматривая фоновые знания во временном аспекте, можно отметить, что они характеризуются широким временным диапазоном, тогда как пресуппозиции представляют явление синхронного плана.

С позиции функционального взаимодействия в системе языка имеют место постоянные, узуальные пресуппозиции, сопровождающие фоновые знания, а в коммуникации с фоновыми знаниями взаимодействуют переменные контекстуальные пресуппозиции [Валгина 2003: 10].

Проанализировав мнения различных исследователей, мы пришли к выводу, что пресуппозиции рассматриваются и как языковой феномен, и как экстралингвистическое явление. Мы согласны с мнением Н.Ф. Ковалевой о том, что лингвистические пресуппозиции – это знания о языке, о том, как этот мир отражается в том или ином языке. Лингвистические пресуппозиции частично совпадают с тезаурусом адресата, т. к. тезаурус рассматривается нами как способ представления языковой картины мира, как словарь, в явном виде фиксирующий семантические отношения между составляющими его единицами и представляющий область пересечения культурной картины мира и языковой картины мира. Экстралингвистические пресуппозиции отождествляются с фоновыми знаниями, знаниями об окружающем мире [Ковалева 2004: 78]. Таким образом, можно говорить о специфичности каждого из понятий.

Художественный текст лишен внешних условий, которые могли бы подсказать, каким именно смыслом наделить произведение. Поскольку текст не подлежит непосредственному контролю со стороны автора, возникает необходимость в средствах опосредованного регулирования воссоздания текста его читателем. Средством нейтрализации коммуникативных сбоев на различных уровнях текста выступает

затекстовый комментарий, составленный к иноязычному художественному произведению.

Выводы по главе 1

Текст является не только средством передачи, фиксации и хранения знаний, но и основной единицей коммуникации. В рамках семиотических исследований текст рассматривается как функционирующий в процессе его порождения и восприятия элемент внутрикультурной и межкультурной коммуникации. С точки зрения психолингвистики текст представляет семантическое образование, которое отражает действительность, переданную с помощью элементов языка.

Художественный текст направлен прежде всего на оказание эмоционально-эстетического воздействия на читателя и обладает такими свойствами, как многомерность, семантическая насыщенность (семантическая напряженность), коммуникативная целостность, завершенность и связность, наличие имплицитно и эксплицитно выраженного авторского отношения, адресованность, интертекстуальность. Интертекстуальность, как способность текста формировать новый смысл посредством ссылки на другие тексты, порождает множественность интерпретаций текста, т. к. выявление смыслов зависит от читательского восприятия, от его умения декодировать имплицитно заложенную в тексте информацию.

Понимание текста рассматривается как уровневый процесс, имеющий различную степень и глубину. Понимание всегда индивидуально, в то время как понятность, выражающаяся в степени семантической напряженности текста, является имманентной характеристикой, не зависящей от адресата. Связь между понятностью и пониманием реализуется за счет интерпретации текста, которая фокусируется на содержании, формирующемся в сознании

интерпретатора. Интерпретация является способом достижения понимания.

Успешность передачи коммуникативного замысла автора во многом зависит от адресата, чьи индивидуальные характеристики (степень владения языковым кодом, общая и филологическая эрудированность, способность к рефлексии над языковыми и литературными факторами) должны оказаться достаточными для декодирования заложенной в тексте информации. Лингвокультурные и языковые расхождения адресанта и адресата обнаруживают лакуны в тезаурусе реципиента, что приводит к ситуациям непонимания как результату восприятия текста. Ситуация непонимания, которая не находит своего прояснения для читателя, провоцирует коммуникативный сбой. Мы предлагаем трактовать коммуникативный сбой, возникающий в процессе межкультурной коммуникации, опосредованной художественным текстом, как частичное или неполное понимание реципиентом авторской интенции, пресуппозиций автора и интертекстуальных включений. Вербальная и невербальная репрезентация коммуникативных сбоев в художественном тексте подразумевает наличие эксплицитно и имплицитно выраженных маркеров. К эксплицитно выраженным маркерам мы предлагаем относить глаголы прямой номинации ситуации непонимания (глагол *understand* и его синонимы), а к имплицитно выраженным маркерам – косвенные формы выражения непонимания, такие как речевые акты уточнения, удивления, раздражения, молчания.

Полнота понимания текста будет определяться количеством уровней, обеспечивающих элиминирование коммуникативных сбоев, вызванных лакунами в тезаурусе адресата. На уровне поверхностных структур объектом восприятия является материальная форма текста в виде упорядоченной последовательности определенных знаков, в которой соотносятся языковые единицы всех уровней. Поверхностный уровень предполагает расшифровку языкового кода текста. На семантическом уровне происходит дешифрование глубинного смысла, который лежит за

воспринимаемым сообщением. Несовпадение тезаурусов автора и читателя, подразумевающее несоответствие фоновых знаний, опыта и, следовательно, несовпадение словарей, отражающих эти знания и опыт, провоцирует коммуникативные сбои при восприятии текста. Чтобы понять иноязычный текст, недостаточно учесть только лингвистический контекст, т. е. языковой код произведения. Основной причиной непонимания иноязычного текста является различие в национальных сознаниях адресанта и адресата, т. е. различие культур.

Понимание текста обусловлено факторами лингвистического и экстралингвистического характера. Сходство тезаурусов адресата и адресанта, как способа представления языковой картины мира, и фоновых знаний, как социокультурного фона, является условием адекватного понимания текста. Процесс понимания текста предполагает создание ситуативной модели, базирующейся на определенном фундаменте фоновых знаний. Обобщенное знание коммуникантами реалий является необходимым условием для успешности коммуникативного акта.

Средством преодоления или нейтрализации коммуникативных сбоев на различных уровнях текста, обеспечивающим более полное проникновение читателя в художественное произведение, является затекстовый комментарий, который в нашем исследовании рассматривается как лингвистический гипертекст.

ГЛАВА 2. ГИПЕРТЕКСТ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖЛИЧНОСТНОГО СОЦИОКОГНИТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

2.1. Гипертекст как нелинейная форма представления знаний

В связи с появлением современных информационных технологий и новых форм коммуникации внимание лингвистов привлекают особенности языкового общения в компьютерной сети, в частности, гипертекстовая организация интернет-пространства. Следует заметить, что слово «текст» происходит от греческого «ткань», и этим подчеркивается линейная организация текстов. Приставка «гипер-» обозначает «над» и, таким образом, указывает на усложнение структуры гипертекста по сравнению с текстом.

В настоящее время наблюдается разрозненность мнений по поводу столь сложного явления, как гипертекст, и его применения в рамках различных подходов, равно как и требует доработки целостная лингвистическая концепция гипертекста.

Концепция гипертекста была предложена В. Буш в 1945 г. в статье «As we may think» [Bush http://www.isg.sfu.ca/uchier/misc/hypertext_review/index.html]. Непосредственно термин «гипертекст» был введен Т. Нельсоном, который трактовал его как непоследовательную запись. «Обычно процесс письма осуществляется последовательно по следующим двум причинам. Во-первых, потому, что он является производным от речи, которая не может не быть последовательной (так как у нас для этого только один канал), и, во-вторых, потому, что книги неудобно читать иначе как последовательно. Однако мысли образуют структуры, которые не являются последовательными — они связаны многими возможными переходами» [Цит. по: Эпштейн <http://www.lingvolab.chat.ru/library/hypertext.htm>].

Представитель французского структурализма Ж. Женетт при исследовании транстекстуальных отношений определил гипертекст как «любой текст, произведенный от предшествующего текста путем прямой трансформации (трансформации просто) или не прямой трансформации (имитации)» [Genette 1982: 6]. Понятию гипертекстуальности, предложенному Т. Нельсоном, соответствует термин «транстекстуальность», который Ж. Женетт трактовал как «взаимоприсутствие двух или нескольких текстов» [там же: 22].

Исследователи И.Р. Купер и Дж. Конклин понимают под гипертекстом «способ коммуникации и организации знания, который включает в себя само знание (текст), компьютер и программное обеспечение» [Купер <http://www.nir.ru/sj/sj/sj1-2-00kuper.html>], а Д. Энгельбарт называл его «расширенной мастерской знаний» (augmented knowledge workshop), электронным пространством, в котором осуществляется производство и воспроизводство знаний [Engelbart 1976].

При определении гипертекста многие исследователи делают упор на текстовую составляющую данного явления и системный характер взаимоотношений его единиц. Сходные определения мы находим у О.В. Дедовой и С.А. Стройкова, которые трактуют данный феномен как «некоторый нелинейно организованный объем поликодовой и политематической информации, существующий в сети Интернет и обладающий текстовыми характеристиками, структурными и функциональными особенностями, интегрирующий непересекающиеся информационные ресурсы, между которыми могут быть установлены однонаправленные и перекрестные ссылки» [Дедова 2003: 116, Стройков 2007: 316]. Подобную точку зрения выражает М.М. Субботин, который дефинирует гипертекст как систему нелинейного представления единиц текстового материала с явно указанными связями между элементами, которые помогают читать материал в любом порядке, образуя разные линейные тексты [Субботин 2001: 37]. «Линеаризацию нелинейного текста» подчеркивает и

И.А. Ильина, считающая, что элементы гипертекста расположены в виде иерархического дерева или в виде сетевой структуры [Ильина 2005: 56].

Т.И. Рязанцева под гипертекстом понимает особый вид письменной коммуникации, особую форму организации письменного текста, опосредованную компьютерной средой и характеризующуюся процессом нелинейного письма и чтения, который обуславливается сегментацией и иерархической ассоциативной трибуцией фрагментов, а также возможностью множественного выбора развития сюжетно-тематического потока. Таким образом, гипертекст – это многоуровневая иерархическая система, основными элементами структуры которой являются гипотексты, система связей и система навигации [Рязанцева 2008: 3].

В качестве структурных элементов гипертекста О.В. Дедова, М.В. Масалова и О.В. Барст выделяют: 1) отдельную информационную единицу; 2) гипертекстовую ссылку (средство, делающее возможным переход от одной информационной единицы к другой) [Дедова 2006; Масалова 2003; Барст 2005].

Отдельная информационная единица, представленная файлом, узлом, модулем, является основой структуры гипертекста. Автор, составляющий гипертекст, структурирует всю информацию в виде определенного числа текстов, сравнительно небольших по своему объему.

Гипертекстовая ссылка считается основным средством реализации когезии и обеспечения когерентности в электронном гипертексте. О.В. Дедова считает основной характеристикой гиперссылки «двунаправленность, т. е. функциональную связь двух текстовых или графических изображений» [Дедова 2006: 29]. Гиперссылка – «важнейший элемент структуры гипертекста, по сути дела, является материализовавшейся коннотацией, призванной эксплицировать имплицитно выраженные в тексте семантические и ассоциативные связи» [там же: 27]. Гипертекстовые ссылки подразделяются на структурные, представляющие собой интерактивные аналоги книжного оглавления, и содержательные, т. е. те, которые демонстрируют разные виды

семантических отношений между источником и объектом [там же: 30]. С.А. Стройков и Е.С. Клочкова классифицируют гиперссылки по возможности перехода на однонаправленные и двунаправленные (перекрестные) и, в зависимости от места расположения информационных единиц, на внутритекстовые и межтекстовые [Клочкова 2010, Стройков 2010].

В пределах одной гиперссылки следует различать:

- источник ссылки – часть текста, текстовое или графическое изображение на экране, через активизацию которых вызывается новый текст или изображение на экран;
- объект ссылки – новый текст или изображение, появляющееся в результате активизации ссылки.

Структурно гипертекст состоит из гипотекстов – минимальных значимых единиц, обладающих семантической целостностью, простой текстовой формой и единым неразрывным внутренним содержанием [Махов 2010: 12].

Очевидно, что современный гипертекст, опосредованный компьютерной средой, дает реципиенту мгновенный доступ к совокупности референтных текстов, что является основным его отличием от гипертекстов досетевой эпохи. Однако нелинейная форма представления знаний не является феноменом компьютерной глобализации, такой вид письма применялся для религиозных писаний, широко использующих многочисленные сноски, ссылки, комментарии. Примером может служить Библия, которая состоит из книг Старого Завета и книг Нового Завета, подразделяющихся на «стихи». М. Визель отмечает, что «до прихода эпохи персональных компьютеров "сферой деятельности" гипертекстов оставались, с одной стороны, заведомо нехудожественные массивы информации: справочники, инструкции и энциклопедии <...>, а с другой – тексты заведомо экспериментальные, интересные более заявленной идеей, чем ее воплощением (например, произведение Х. Кортасара «Игра в классики») [Визель <http://www.netslova.ru/viesel/viesel-ht.html>].

Представляется целесообразным разграничить понятия книжного, или лингвистического, гипертекста и электронного гипертекста. Электронный гипертекст О.В. Дедова понимает как «модель организации электронного текста, характеризующаяся специфической структурированностью и разветвленной системой программно поддерживаемых внутритекстовых и межтекстовых переходов, предполагающая возможности читательского интерактивного воздействия на последовательность воспроизведения композиционных единиц» [Дедова 2006: 13].

Книжный гипертекст, по мнению С.С. Панфиловой, представляет собой нелинейную структуру, где информация публикуемого художественного текста по разным каналам коррелирует с информацией вторичных нехудожественных текстов, окружающих базовый художественный текст в границах отдельного издания [Панфилова 2009: 7].

Согласно концепции лингвистического гипертекста, предложенной Н.А. Шехтманом, континуальность смысловой структуры текста всегда противопоставлена линейности, дискретности его речевого воплощения. Вследствие этого осмысление прочитанного возможно только при условии выхода за пределы речевого воплощения текста. Такой выход предлагает гипертекст, реализованный в виде комментария, сносок, примечаний, поясняющих различные особенности художественного текста и глубинный смысл некоторых художественных подробностей. «Предназначение гипертекста состоит в том, чтобы превратить знания комментатора в информацию для читателя, расширить диапазон и знания, и информации» [Шехтман 2005].

Итак, мы придерживаемся следующего понятия лингвистического гипертекста: ЛГТ - это нелинейно организованный объем политематической информации толковательного плана, вынесенный за рамки основного содержания текста в виде блоков, которые могут быть связаны между собой при помощи ссылок [Минеева 2015]. В качестве лингвистического

гипертекста мы рассматриваем затекстовые комментарии к иноязычным художественным текстам.

Итак, гипертекст предстает как сложное явление современной человеческой коммуникации, являющееся объектом изучения различных наук – социологии, информатики и, конечно, лингвистики. В современной литературе существует множество типологий гипертекстов, варьируемых в зависимости от подхода к самому понятию.

Ю. Хартунг рассматривает гипертекст как лингвистическую вариацию массмедийного текста и выделяет типы гипертекстов в соответствии с видами связей информационных единиц в электронном виде:

- референциальные;
- организационные;
- словарного типа, карты;
- гипертексты типа примечания;
- гипертексты кольцеобразной структуры [Хартунг 1996].

М. Визель предлагает следующую классификацию гипертекстов:

1. Художественные / нехудожественные. В качестве нехудожественных гипертекстов, которые составляют наибольшую часть, рассматриваются телефонные книги, энциклопедии, инструкции, справочники.

2. Изолированные (доступные одновременно только одному пользователю) и сетевые (доступные одновременно многим пользователям).

3. Только чтение / чтение с комментариями / чтение-письмо. Чтение с комментарием позволяет читателю выразить свое мнение о прочитанном. Чтение-письмо реализуется в сетевых проектах, которые подразделяются в зависимости от количества авторов.

4. Аксиальные / дисперсные. Аксиальными называются сочинения, которые имеют магистральный принцип построения, в отличие от которых дисперсные гипертексты не имеют четко выраженной повествовательной оси [Визель http://spintongues.vladivostok.com/calvino.html#_Тoc431103381].

В соответствии с классификацией, предложенной О.В. Дедовой, в зависимости от соотношения отдельной информационной единицы и всего гипертекста в целом можно обозначить две основные возможности организации гипертекстового пространства:

1. Особенностью организации гипертекста данного типа является иерархичность. Информационная единица, вызываемая гипертекстовой ссылкой, является частью последовательно изложенного текста. Подобный гипертекст может быть прочитан линейно, но его оснащённость гипертекстовыми ссылками позволяет и непоследовательное чтение.

2. Второй тип гипертекста характеризуется нелинейной структурой и возможностью добавления новых элементов, призванных расширить его информационное пространство. Структурно данный тип представлен отдельными законченными текстами, имеющими определённые семантические связи, которые также реализуются через систему гипертекстовых ссылок [Дедова 2001: 25–27].

Наиболее полная классификация гипертекстов предложена А.С. Маховым, который выделяет следующие критерии:

1. Структурный принцип, в соответствии с которым гипертексты подразделяются на аксиальные и дисперсные.

2. Возможности программного обеспечения. Сильные гипертексты реализуют возможность нелинейной организации и при этом остаются единым, связным произведением. Слабые гипертексты встречаются гораздо чаще, это могут быть сборники текстов, тексты с комментариями, которым электронный вид даёт лишь организационные удобства.

3. Способ существования. Статические гипертексты не меняются в процессе своего существования, динамические, напротив, могут пополняться и изменяться.

4. Законченность. Бесконечные гипертексты можно соотнести с динамическими гипертекстами, а конечные – со статическими.

5. Функциональная направленность. Гипертексты подразделяются на художественные и нехудожественные.

6. Местоположение бытования. Гипертексты делятся на сетевые и изолированные.

7. Характер прочтения:

- гипертексты с линейной структурой. Одна часть текста следует за другой, образуя, таким образом, последовательный линейный текст;

- гипертексты с параллельной структурой. При восприятии гипертекстов подобной структуры читателю предлагается на выбор несколько параллельно развивающихся сюжетных линий;

- гипертексты с циклической структурой. В гипертекстах этого типа в процессе чтения читатель постоянно или всегда возвращается к началу гипертекста. Весь гипертекст представляет собой набор коротких текстон, раскрывающих одну сюжетную линию, но, тем не менее, не последовательно соединенных друг с другом. Каждый последующий текстон, начиная со второго, возвращает нас к самому началу гипертекста. Только после повторного прочтения гипертекста с самого начала читателю открывается следующий текстон, который отсылает его опять к первому текстону;

- гипертексты с лабиринтной структурой. Лабиринтная структура представляет собой пересечение линейной, параллельной и циклической структур. В данном типе гипертекста читатель движется по так называемому лабиринту, образованному путем пересечения трех предыдущих видов гипертекстов. Таким образом, текст будет иметь несколько концовок, в зависимости от выбранного читателем пути [Махов 2010: 15–16].

Рассмотрев возможные подходы к определению и типологизации гипертекста, мы считаем лингвистический гипертекст художественным, изолированным, дисперсным гипертекстом, предназначенным только для чтения. Обратимся к функционально-стилистическим особенностям гипертекста как нелинейной формы представления знаний.

2.1.2. Функционально - стилистические характеристики гипертекста

До определенного времени письменный текст описывался как речевое образование с четкими границами и ярко выраженной монологичностью. Неоспоримым тезисом классического лингвистического и философского направлений являлось признание линейности языкового знака его важнейшей категорией (теории Г.Э. Лессинга и Ф. де Соссюра). В XX в. черты традиционного письменного текста стали подвергаться пересмотру. В своих работах М.М. Бахтин продемонстрировал возможность рассмотрения текста как открытого образования, находящегося в диалогических отношениях с другими текстами (Бахтин 1979). Как справедливо заметил Ж. Деррида, «линейность ослабляет свой гнет, поскольку не является уже плодотворной» [Деррида 2000: 50].

Электронная среда функционирования ГТ определяет наличие таких качеств, как мультимедийность и интерактивность. ЛГТ, реализованный в виде затекстового комментария, лишен вышеназванных характеристик, однако структура и организация ЛГТ отражаются на функционировании в нем базовых текстовых категорий.

Отличительной особенностью структуры гипертекста от структуры линейного текста является фрагментарность, или дисперсность. Такое свойство обозначает особую форму представления информации в виде гнезд или звеньев-фрагментов, что позволяет начать чтение гипертекста с любого звена. Начало и направление чтения определяется непосредственно читателем. Фрагментарность становится основой для нелинейного восприятия гипертекста.

Первостепенным свойством гипертекста является **нелинейность**, непоследовательность построения и восприятия информации. «В "чистом" гипертексте нет иерархической структуры, нет фиксированного начала и конца; здесь нет и замкнутости, присущей обычному, линейному тексту»

[Субботин 2001: 37]. Одним из теоретических основоположников идеи нелинейного письменного текста принято считать Ж. Дерриду. В работе «О грамматологии» автор указывает: «...то, с чем имеет дело современное мышление, не может быть представлено на письме линейно, в форме книги» [Деррида 2000: 165]. Ж. Деррида уверен, что нелинейное письмо станет реальным фактом культуры, представляющим собой «странствование в некотором смысловом пространстве, игру переходов в нем» [там же: 168]. В основе идей Деррида о пути преодоления линейного письма лежит диалогическое мировоззрение М.М. Бахтина, критиковавшего монологизм линейного текста [Бахтин 1979].

Создание концепции гипертекста позволило реализоваться идее нелинейного письма. С точки зрения О.В. Дедовой, нелинейность гипертекста проявляется в «невозможности следовать изначально заложенному порядку информационных единиц, угадать авторскую логику в последовательности изложения, в отсутствии начала и конца. Это иная, отличная от традиционной, «книжной», организация информационного пространства, основанная на других принципах членения и взаимосвязи единиц чтения [Дедова 2006: 26].

Обладая таким свойством, как нелинейность, гипертекст, тем не менее, не лишен таких основных текстовых категорий линейного текста, как связность и целостность. Безусловно, структура и организация гипертекста отражаются на функционировании в гипертексте базовых текстовых категорий и их непосредственной языковой реализации. В рамках гиперпространства связность и целостность обретают особое значение. Рассматривая структуру лингвистического гипертекста, мы выделили два типа структурных элементов: информационную единицу и ссылку, которая делает возможным переход от одной информационной единицы к другой. Независимо от организации гипертекста (иерархический / нелинейный) в гиперссылке следует различать источник и объект ссылки. Источник и объект ссылки представляют собой линейные тексты, т. е. информация,

представленная в гипертекстовой статье, выстроена линейным образом и, следовательно, обладает всеми свойствами линейного текста. Продолжая сравнение линейного текста и гипертекста, необходимо указать, что оба феномена гетерогенны и самостоятельны, однако первый создает информацию, а второй воспроизводит уже существующую. Как справедливо отметил Н.А. Шехтман, связь и согласование между этими речевыми образованиями проявляется в том, что каждая статья гипертекста связана с единицей текста и с другими статьями в нем. В этом смысле компоненты гипертекста не изолированы, они принадлежат сфере, которая детерминирована исходным текстом, его тематикой и проблематикой [Шехтман 2005: 78].

Рассматривая проявление в гипертексте такого свойства, как связность, следует отметить, что подразумевается не внутренняя связность, а связность гиперпространства. Гипертекст всегда представляет собой некоторую сеть, отображающую систему связей между смысловыми единицами исходного текста. «Гипертекст – это «текст текстов» в том смысле, что при всем разнообразии отдельных фрагментов, в их объединении должно присутствовать некое общее связующее начало» [Андреев <http://net.cl.spb.ru/frog/cyberlit.html>]. Это общее связующее начало, на наш взгляд, обусловлено взаимодействием и взаимопроникновением смысловой структуры художественного текста и лингвистического гипертекста, составленного к нему. Лингвистический гипертекст составляется с целью помочь реципиенту раскрыть глубинные смыслы произведения, дешифровать авторскую интенцию. Другими словами, читатель при восприятии художественного текста, сопровождаемого лингвистическим гипертекстом (в нашем исследовании – затекстовым комментарием к художественному тексту), преобразует нелинейную структуру в линейную, выстраивая свою последовательность прочтения. Реципиент создает свой смысл произведения, который возникает на пересечении художественного текста с лингвистическим гипертекстом. Гипотексты самостоятельны до

определенного предела, и этот предел устанавливается смыслом исходного художественного текста. Очевидно, что каждому тексту можно поставить в соответствие лишь определенный гипертекст, и, с другой стороны, лингвистический гипертекст не допускает механического перенесения в виде комментариев к другому тексту.

Специфика гипертекста как определенной модели текста заключается и в таком свойстве, как гипертекстуальность. Понятие «гипертекстуальность», которое в настоящее время становится все более распространенным, так и не нашло своего однозначного толкования. Это понятие исследуется в работах М.В. Масаловой, К.В. Давыдовой, О.В. Дедовой, А.В. Протченко, Е.В. Зыковой и др.

М.В. Масалова исследовала гипертекстуальность как имманентную характеристику, проявляющуюся как в гипертекстах, так и в линейно организованных текстах. В результате ее исследования был сделан вывод о том, что гипертекстуальность есть сочетание линейности и нелинейности, причем линейность проявляется в расположении информации внутри узла гипертекста, а нелинейность манифестируется в расположении фрагментов гипертекста относительно друг друга. Исследователь подчеркивает, что в традиционных текстах гипертекстуальность является потенциальной, а в гипертекстах – реализованной [Масалова 2003: 7].

Гипертекстуальность исследуется также в работе К.В. Давыдовой, в основу которой положена гипотеза о гипертекстуальности как свойстве художественного текста. К.В. Давыдова понимает гипертекстуальность как «генерализацию отношений и связей между ранее созданными текстами, при которых полученный текст (гипертекстовый фрагмент) представляет собой совокупность составляющих и с точки зрения содержания, и формы». Она считает, что художественный гипертекстовый фрагмент представлен двумя основными типами: гипертекстовым фрагментом с «жесткой» структурой, интертекст которого вербализует внутреннюю речь, и гипертекстовым

фрагментом с «мягкой» структурой, содержащим интертекст-цитаты, интертекст-эпиграфы, интертекст-пословицы/поговорки [Давыдова 2006: 6].

Согласно Е.В. Зыковой, интертекстуальность и гипертекстуальность имеют точки пересечения, однако называть данные понятия тождественными нельзя. Понятия интертекстуальности и гипертекстуальности частично пересекаются, но не совпадают. Принципиальным различием, по ее мнению, является то, что «для "включения" интертекстуальности необходимы устоявшиеся в культурном, социальном, историческом контексте ключевые слова; в то время как в условиях гипертекстуальности роль значимого понятия может сыграть любой фрагмент текста, включая графические средства – изображение, звук» [Зыкова 2006: 6]. Другим отличительным признаком исследователь называет направленность от уже известного к новому. Е.В. Зыкова указывает, что при интертекстуальных связях ключевые слова приносят свой смысл, ту информацию, которая накопилась за время бытования первоисточника. Гипертекстуальность, однако, подразумевает, что любой фрагмент информационной единицы, связываемый при помощи гиперссылки с другими информационными единицами, приобретает новые коннотационные, информационные и другие значения лишь по мере построения реципиентом своего гипертекста [там же].

О.В. Дедова трактует гипертекстуальность как «совокупность специфических особенностей гипертекста в изложении, структурировании и организации доступа к информации» [Дедова 2006: 25]. Исследователь особо подчеркивает, что гипертекстуальность является характеристикой, реализуемой только в пределах компьютерного дискурса, т. к. формируется такими категориями, как мультимедийность и интерактивность. Для обозначения специфики традиционных произведений, в силу тех или иных причин напоминающих нам текст электронный, О.В. Дедова предлагает использовать термин квазигипертекстуальность [там же].

Суммируя вышесказанное, нам представляется целесообразным разграничить понятия «интертекстуальность» и «гипертекстуальность» на

основании того, что интертекстуальность подразумевает нахождение текста в тексте, а гипертекстуальность – нахождение текста во внешнем пространстве по отношению к другому тексту. Для интертекстуальных включений необходимы определенные фоновые знания читателя, в то время как гипертекстуальность подразумевает наличие явных гипертекстовых ссылок, к которым читатель в любой момент может обратиться.

Все вышеназванные характеристики гипертекста, а также возможность интерактивного общения автора и читателя лежат в основе реализации принципа открытости и незавершенности.

Феномен незавершенности текста обсуждается в работе Р. Барта «S/Z» [Барт 2001]. Автор, характеризуя идеальный текст как «пронизанный сетью бесчисленных, переплетающихся между собой внутренних ходов <...> и не имеющий начала и конца», вводит категорию множественности и смысловой вариативности. «Этим сугубо множественным текстом способны завладеть различные смысловые системы, однако их круг не замкнут, ибо мера таких систем – бесконечность самого языка» [Барт 200: 33].

Утверждение о существовании «текста без границ» наблюдается и в трудах Ж. Деррида. «Идеальный текст» Ж. Деррида представляет как множество уже созданных текстов, которые не выстроены в линейную последовательность, но образуют нечто единое, пересекаются друг с другом, переходят друг в друга. Автор подчеркивает непрерывность, бесконечность такого текста: «...в совокупности текстов можно двигаться непрерывно, следуя бесконечным отсылкам следов мысли друг к другу» [Деррида 2000: 125]. Гипертекст является незамкнутой цепью пояснений и, следовательно, бесконечен. Гипертекст невозможно прочесть целиком, а понятие его границы является субъективным, поскольку граница определяется читателем и проходит там, где он не может увидеть связи между информационными единицами. У гипертекста отсутствует также четко заданный центр. Единого избранного центра не существует, он избирается конкретным читателем, и у каждого читателя может быть своим собственным.

Следует отметить и такую характеристику гипертекста, как историчность. Вследствие смены научных парадигм, появления новых идеологических установок и глобализации знания значимость информации варьируется, значит, комментируемые объекты и сами комментарии подвержены временным изменениям. Значимость объектов в разных картинах мира и в разные эпохи непостоянна. Меняются границы и приоритеты концептов, меняется коллективная картина мира, научная картина мира, индивидуальная картина мира. Так, «Словарь иностранных слов» (1988) трактует понятие «амбиция» как обостренное самолюбие, спесь, слово «амбициозность» в этом словаре отсутствует [Алехин 1988]. В «Толковом словаре иноязычных слов» понятие «амбиция» сопровождается пометкой «неодобрительное» [Крысин 2005]. Однако в наше время «амбициозность» получила положительную оценку (целеустремленность, настойчивость, активность).

Подводя итог, хотелось бы отметить, что при всей своей разнородности, проявляющейся в открытии новых горизонтов для читателей, гипертекст представляет собой целостную структуру, которая «говорит единым голосом и представляет единую точку зрения» [Bernstein <http://www.eastgate.com/hypertext/characters/IWHD.html>].

2.1.3. Функции гипертекста

Описывая свойства гипертекста, необходимо обратиться и к функциям, выполняемым гипертекстом. Т.И. Рязанцева [Рязанцева 2008] выводит систематическое описание пяти функций гипертекста: репрезентативной, когнитивной (или эвристической), дидактической, суггестивной и фатической.

Репрезентативная функция гипертекста – это возможность хранения, упорядочения (систематизация и классификация) и обобщения информации, создание когнитивных карт, энциклопедий и т. д. Гипертекст позволяет охватить большой объем хорошо изученной, обобщенной и упорядоченной информации и изложить ее так, чтобы она была понятна любому

неподготовленному читателю. Информация представляется в наиболее полном виде и, что особенно важно в функциональном отношении, в сжатой, компактной форме. Данная функция гипертекста реализуется при создании различного рода баз данных и нормативной документации, словарей, справочников, инструкций, обзоров, рефератов, адаптаций и т. д.

Когнитивная, или эвристическая, функция гипертекста подразумевает приумножение, накопление информации и исследование малоизученных областей. В случае реализации этой функции обычно имеется мало достоверных сведений о предмете изучения, и эти сведения носят частный или узкий характер. Прагматика такого текста подразумевает, что автор хочет представить информацию в виде частного исследования, а читательская пресуппозиция заключается в том, что он обладает значительными специальными знаниями, которые хочет пополнить за счет нового описанного исследования. Области реализации когнитивной функции гипертекста – научные исследования, которые могут быть представлены такими видами текстов, как доклад, статья, диссертация и т. д. Структура гипертекста позволяет дополнить существующие гипотексты и неограниченно «наращивать» новые, приумножая имеющуюся информацию.

Возможность изучения и овладения информацией, которая позволяет охватить большой объем как общих, так и частных сведений, осуществляется за счет дидактической функции гипертекста. Структура гипертекста дает возможность охватить предмет изучения всесторонне, учесть различные аспекты и подходы к его изучению. Кроме того, представление материала может быть дополнено визуальной, звуковой и видеоинформацией, что обеспечивает наиболее эффективное усвоение. Примерами реализации дидактической функции могут служить учебники, инструкции, пособия, своды правил и т. д.

Суггестивная функция гипертекста позволяет осуществлять манипуляции информацией, влиять на читателя, представлять аргументы или альтернативы и стимулировать выбор адресата. В случае реализации этой

функции мы обычно имеем дело с небольшим объемом неподтвержденной или спорной информации. Потенциальный адресат сообщений подобного рода либо не знает предмета вообще, либо знает много, но сомневается в этом знании, не знает деталей или тонкостей описываемой ситуации. Суггестивная функция гипертекста находит реализацию в средствах массовой информации, в практике связей с общественностью, рекламном деле, судопроизводстве и т. д. Образцом текстов такого рода могут служить публикации политического, рекламного, полемического и аналитического характера.

Фатическая функция гипертекста подразумевает воздействие на эмоционально-психологическое восприятие читателя, установление и поддержание контакта. Гипертекст приближает адресата к миру адресанта, находя точки соприкосновения на эмоциональном уровне.

Эвристическую ценность и важность для нашего исследования представляет типология функций гипертекста, представленная Н.А. Шехтманом [Шехтман 2013]. Согласно данной типологии предлагаются следующие функции лингвистического гипертекста:

1. Воздействие на коммуникативную область партнера по коммуникации с целью сокращения гносеологического расстояния между коммуникантами. Художественный текст становится напряженным, когда возникает необходимость воспринять смысл, для которого в памяти реципиента нет соответствующих знаний, что объясняет сложности восстановления денотатов адресатами. Напряженность минимизируется благодаря сближению объемов означаемого и означающего в тезаурусах реципиентов речевого произведения, чему служит гипертекст как пространство социального и когнитивного взаимодействия отправителя и получателя информации. Гипертекст способствует преодолению временного и пространственного барьера между автором и разными читателями, которые в разной степени подготовлены к восприятию сообщения. Наличие или отсутствие лингвистического гипертекста к художественному произведению

является показателем когнитивного расстояния между адресатом и адресантом.

2. Социальное приспособление тезауруса адресанта к тезаурусу адресата. Информационная насыщенность текста субъективна для различных реципиентов, равно как и информационные потребности пользователей не могут быть одинаковы. ГТ выполняет функцию приспособления речевого акта к социальному положению реципиента, консолидируя тех, кто разделяет провозглашаемые в гипотекстах ценности. Следовательно, можно говорить о социальной обусловленности содержащейся в них информации. Оценочное отношение к событию (чаще, чем к предмету) организует размеры социальной группы.

Целесообразно отметить, что лингвистический гипертекст выступает как инструмент не только расширения, но и определения тезауруса реципиента. Затекстовый комментарий к каждому произведению может рассматриваться как набор лакун, составляющих часть тезауруса, существующего вне когнитивного пространства адресата и не входящего в его когнитивную базу. Таким образом, лингвистический гипертекст, состоящий из множества комментариев, в идеале представляет собой модель тезауруса, не входящего в когнитивную базу предполагаемого адресата.

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что левая часть комментария, т. е. то, что комментируется, определяет тезаурус адресата, а правая часть, т. е. сам комментарий, представляет собой инструмент заполнения языковых лакун в тезаурусе адресата.

3. Вербализация информации, не вербализованной в тексте. Полноценное понимание текста зависит, помимо прочего, от умения читать между строк. Не все, что находится за рамками того, что постигается сознанием, вербализуется средствами языка. В данном случае речь идет о выводных знаниях, которые подсказываются интуицией читателя и прочитанными ранее произведениями – факторами, которые не совпадают у разных читателей [Шехтман 2013: 159–163].

Итак, выполняя такие функции, как определение и расширение тезауруса реципиента, сближение когнитивных полей адресата и адресанта и сокращение пространственно-временной дистанции между ними, гипертекст выполняет свое предназначение как способ нейтрализации возможных коммуникативных сбоев, возникающих в процессе чтения текста. Логично предположить, что, представляя собой отличную от линейного текста структуру и обладая определенными функционально-стилистическими особенностями, лингвистический гипертекст оказывает влияние и на специфику отношений адресант – реципиент. Соответственно, в зону наших исследовательских интересов попадает направленность на адресата, проявляющаяся в лингвистическом гипертексте, и ее соотношение с адресованностью художественного текста.

2.1.4. Изменение позиции автора и читателя в рамках лингвистического гипертекста

Появление и распространение гипертекста оказало существенное влияние на традиционные отношения автора и читателя. Изменение авторской и читательской позиций в гипертекстовом пространстве неотъемлемо связано с контекстом постмодернистской ситуации.

Постмодернистская концепция, которая рассматривает текст как «многомерное пространство, сотканное из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [Барт 1994: 384], выносит на первый план проблему автора, который утрачивает традиционные функции. Р. Барт, описывая «удаление автора» в современном тексте, делает вывод о целостной сущности письма: «текст сложен из множества разных видов письма, происходящих из различных культур и вступающих друг с другом в отношения диалога, пародии, спора, однако вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является не автор, как утверждали до сих пор, а читатель» [там же]. Сходные взгляды разделяет и М. Фуко, обозначая

функцию автора как «роль мертвого в игре письма» [Фуко 1996: 106]. По мнению Ю. Кристевой, «повествование всегда конституируется как диалогическая матрица, причем конституируется получателем, к которому это повествование обращено» [Кристева 2000: 441], и, более того, исследователь подчеркивает тот факт, что автор становится «кодом, нелицом, анонимом» [там же: 439].

Итак, в постмодернистском тексте, характеризуемом многомерностью смысла и позволяющем не учитывать замысел создателя, автор деперсонифицируется, а возникновение смысла реализуется путем ориентации на читателя. Другими словами, читатель становится активным субъектом, наделенным свободой и интеллектуальной самостоятельностью. Идеальный читатель, по мнению У. Эко, должен быть «сообщником, готовым играть в игру, предложенную автором; читателем, который станет добычей текста» [Эко 2005: 245]. Такого рода общение автора и читателя – это сотрудничество, облегчить которое может гипертекст, призванный помочь реципиенту понять текст в релевантном для него социокультурном контексте.

Рассматривая адресованность лингвистического гипертекста, следует отметить, что она обусловлена адресованностью исходного художественного текста. ЛГТ представляет модель тезауруса, не входящего в когнитивную базу предполагаемого адресата. Для коммуникации необходима разность тезаурусов, однако слишком сильные их различия делают ее невозможной. Поскольку реципиент – категория мобильная, то для каждого конкретного адресата эта модель будет варьироваться, т. к. невозможно составить идеальный комментарий, подходящий для любого адресата. Так, логично предположить, что концептуально насыщенные произведения с высокой степенью семантической напряженности рассчитаны на определенную, «элитарную» читательскую аудиторию. Составление комментария к подобным произведениям, позволяющего сделать текст такого рода доступным для любого круга читателей, невозможно.

Несмотря на то что стратегия комментатора направлена на интерпретацию замысла автора, комментатор реализует и собственные интенции. Таким образом, имея задачу сблизить картины мира автора художественного текста и его реципиента, комментатор определяет свою целевую аудиторию. Автор художественного текста представляет читателя лишь гипотетически, не предполагая возможную пространственную и временную отдаленность и, таким образом, не представляя в полной мере специфику предполагаемого адресата и характер его интерпретативной деятельности. Так, иноязычный автор может не представлять, какие лакуны могут возникнуть у читателя, принадлежащего другой лингвокультуре, а автор ЛГТ, комментирующий исходный текст с ориентацией на лингвокультуру принимающей стороны, представляет гипотетические лакуны в фоновых знаниях и тезаурусе адресата.

Адресованность лингвистического гипертекста прежде всего проявляется в том, какие элементы исходного художественного текста попадают в зону комментирования, т. е. что комментатор считает возможными предпосылками возникновения коммуникативного сбоя в процессе понимания произведения. Если автора и адресата разделяет большой промежуток времени, то в комментарий должны отбираться те лексические единицы, которые могут вызвать затруднения в понимании из-за того, что они устарели, вышли из общего употребления, утратили часть своих значений или приобрели новые. В качестве примера можно привести следующие единицы лингвистических гипертекстов, составленных к различным художественным текстам: *a pig's bone* – предупредительные знаки, которые негры подбрасывали врагу, чтобы предупредить его [Faulkner / Долинин 1982: 386]; *buff-coat* – кожаная куртка [Saroyan / Натан 1975: 438]; *hoop-petticoat* – кринолин [Galsworthy / Матвеев 1956: 424]; *red coats* – «красные камзолы», прозвище английских солдат [Galsworthy / Матвеев 1956: 410]; *hotel* – особняк [Mansfield / Маркова 1959: 165]; *engine* – паровоз [Mansfield / Маркова 1959: 172] и т. п.

В случае, когда автор и адресат разделены пространством, комментатору следует отбирать для комментария ту лексику, толкование и интерпретация которой позволят сделать эту дистанцию короче. В первую очередь в комментарий попадут слова, обозначающие реалии, т. к. именно они играют большую роль в различии пространств. Например: *pink paper* – листок с новостями по конному спорту [Galsworthy / Матвеев 1975: 249]; *Sunday papers* – the more serious national Sunday papers carry pages of book reviews and literary articles [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 16]; *builder's tea* – very strong black tea with plenty of milk and sugar [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 42]; *bachelor news house* – a small house, probably expensively converted from the Victoria accommodation for stable boys [Galsworthy / Gerbatch 1956: 315] и т. п.

Географические и лингвострановедческие реалии необходимо комментировать, ибо они представляют собой те лакуны, заполнение которых необходимо для полного понимания текста: *the lions in Trafalgar square* – фигуры львов у подножия памятника адмиралу Нельсону на Трафальгарской площади [Galsworthy / Матвеев 1956: 379]; *Covent Garden* – название оперного театра в Лондоне [Galsworthy / Матвеев 1956: 382]; *Harrow* – закрытый мужской колледж, где учатся преимущественно дети аристократов [Galsworthy / Матвеев 1956: 374]; *the Serpentine* – пруд в Гайд-парке [Galsworthy / Матвеев 1975: 249]; *Mayfair* – фешенебельные кварталы Лондона [Galsworthy / Матвеев 1975: 253]; *Pall Mall* – одна из фешенебельных улиц Лондона, центр клубной жизни [Galsworthy / Матвеев 1956: 389] и т. п.

Само наличие или отсутствие ЛГТ к произведению является показателем семантической простоты или сложности комментируемого текста, с одной стороны, и нацеленности на адресата – с другой. А полнота ЛГТ, составленного к произведению, может указывать на предполагаемую квалификацию гипотетического читателя, его заинтересованность как специалиста.

Проанализировав особенности проявления адресованности ЛГТ, можно сказать, что природа этого явления носит двойственный характер. Сохраняя направленность автора исходного художественного текста на определенного читателя, ЛГТ выражает адресованность, свойственную ему как самостоятельному тексту. Художественный текст и ЛГТ образуют единое коммуникативное пространство, в рамках которого формируется интерпретация художественного текста.

Окружающий мир и культура представляют собой объекты, бесконечные для научного изучения и описания. Содержащий такие описания гипертекст не имеет ни начала, ни конца, он может постоянно дополняться и уточняться. Являясь типичным проявлением интердисциплинарного духа своего времени, он стремится к всеохватности знания, отсюда его открытость, незавершенность и восприимчивость к тому, что происходит в реальной действительности.

2.1.5. Лингвистический гипертекст как мера дифференциации картин мира адресанта и адресата

Процесс коммуникации между представителями разных лингвокультурных сообществ часто осложняется коммуникативными сбоями, снижающими взаимопонимание и взаимодействие на межкультурном уровне. Главными условиями эффективности межкультурной коммуникации являются диалог культур, терпимость и уважение к культуре партнеров по коммуникации [Тер-Минасова 2000]. Как отмечается многими исследователями, основной причиной непонимания является не различие языков, а различие языковых сознаний. Изучение языкового сознания представителей разных культур, выявление общего и специфического в их картинах мира имеет большое значение для улучшения эффективности общения.

По справедливому утверждению В. Гумбольдта, язык – это «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека».

По его мнению, «в становлении человеческой личности, в образовании у нее системы понятий, в присвоении ей накопленного поколениями опыта языку принадлежит ведущая роль» [Гумбольдт 1984: 151].

Согласно теории лингвистической относительности, выдвинутой Э. Сепиром и Б. Уорфом, способ мышления и пути познания внешнего мира определяются структурой языка. Б. Уорф подчеркивает, что «мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Уорф 1960: 171].

Ю.Д. Апресян отмечает различие между наивной и научной картинами мира, подчеркивая, однако, что «наивная модель мира отнюдь не примитивна» [Апресян 1986: 273]. Исследователь обозначает взаимосвязь языка и картины мира следующим образом: «Наивные картины мира, извлекаемые путем анализа из значений слов разных языков могут в деталях отличаться друг от друга, в то время как научная картина мира не зависит от языка, на котором она описывается» [Апресян 1974: 321].

По мнению С.Г. Тер-Минасовой, «язык – зеркало окружающего мира, он отражает действительность, создает свою картину мира, специфичную и уникальную для каждого языка и, соответственно, народа, этнической группы, речевого коллектива, пользующегося данным языком как средством общения» [Тер-Минасова 2000: 14]. Сравнение языка с зеркалом правомерно: в нём действительно отражается окружающий мир. За каждым словом стоит предмет или явление реального мира. Язык отражает все: географию, климат, историю, условия жизни. С.Г. Тер-Минасова считает, что окружающий мир представлен в трех формах:

- реальная картина мира;
- культурная (или понятийная) картина мира;
- языковая картина мира.

Реальная картина мира – это объективная внечеловеческая данность, это мир, окружающий человека.

Культурная (понятийная) картина мира – это отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное. Явления окружающей действительности, воспринимаемые человеком в процессе деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные, пространственные, временные связи явлений и предметов, и образ мира меняется от одной культуры к другой. Таким образом, культурная картина мира специфична и различается у разных народов.

Языковая картина мира отражает реальность через культурную картину мира. Различие языковой картины мира у разных народов проявляется в принципах категоризации действительности, материализуясь в лексике и грамматике. Говоря о национальной культурной картине мира, С.Г. Тер-Минасова подчеркивает первичность национальной культурной картины мира по отношению к языковой. Национальная культурная картина полнее, богаче, глубже, чем языковая. Однако именно язык реализует, вербализует национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение. Язык фиксирует далеко не все, что есть в национальном видении мира, но способен описать все [Тер-Минасова 2000: 40–42].

Вопрос о соотношении языковой и культурной картин мира сложен и многопланов. Многие исследователи считают, что языковая картина мира и культурная соотносятся друг с другом, как часть с целым. С.Г. Тер-Минасова подчеркивает, что нужно говорить не о соотношении части с целым, а о взаимопроникновении, взаимосвязи и взаимодействии, т. к. язык – часть культуры, но и культура – это часть языка [Тер-Минасова 2000: 49].

Г.А. Брутян считает, что картина мира состоит из концептуальной и языковой моделей. Концептуальная модель мира, по его мнению,

рассматривается как знание об окружающей действительности, зафиксированное в понятийном составе познающего субъекта. Языковая модель представлена как знание, выраженное словарным языковым багажом. Анализируя взаимоотношение двух моделей, он считает, что языковая модель варьируется от языка к языку. Концептуальная же модель является инвариантной. Согласно этой точке зрения существует столько языковых моделей, сколько имеется языков. При этом объем языковой модели несколько шире мыслительной модели, так как она содержит еще и некоторую информацию, специфичную для данной языковой модели [Брутян 1973: 84–97].

Каждый язык того или иного этноса по-своему отражает видение мира. В вокабуляре любого языка наряду с универсальными понятиями существуют понятия, чуждые представителям другого этноса. Таким образом, текст несет на себе печать основных базисных концептов той или иной культуры. Автор создает целую картину (модель) мира, которую должен разглядеть читатель. Каждый читатель рассматривается как интерпретатор, в котором совмещаются личностные черты и черты того или иного социума в определенный период, т. к. каждый из нас руководствуется принципами и идеалами культуры, к которой принадлежит. То, как воспримет адресат текст, во многом зависит от его тезауруса, от того, к какой культуре он принадлежит, как эта культура соприкасается с другими культурами, от того, в какой исторический период проживает интерпретатор этого текста. Успех интерпретации во многом зависит от того, каким образом модель мира одного человека включает информацию о модели мира другого человека. Сблизить картины мира автора и адресата, направить интерпретацию текста в нужное русло и призван лингвистический гипертекст, т. е. комментарии к тексту. Рассмотрим на примере влияние картины мира на интерпретацию и роль гипертекста в процессе понимания:

– *They know. They're like horses and dogs, they smell death.*

– *Shut up, Pete. – The sister spoke angrily. – Get to sleep or you'll be smelling something else!*

The man chuckled softly.

– *O.K., Sister! You wouldn't be meaning lilies?* [Cusack / Головня 1961: 365].

В данном случае нас интересует выражение «you wouldn't be meaning lilies», которое допускает множественность интерпретаций в зависимости от того, как внешняя действительность отражается в сознании и языке адресата. В христианстве лилия олицетворяет невинность и чистоту, во Франции цветок лилии символизирует королевскую власть, в Греции лилию связывают с плодородием и т. д. Однако текст сопровождается комментарием, который раскрывает авторский смысл данного выражения:

You wouldn't be meaning lilies? – зд.: То есть не думаешь ли ты, что я умру? В Австралии на гроб обычно кладут белые лилии».

Очевидно, что читатель, принадлежащий другой культуре, другому социуму, вряд ли сможет расшифровать авторскую интенцию, не обратившись к гипертексту.

Обратимся к следующему фрагменту, демонстрирующему влияние лингвистического гипертекста на сближение когнитивных пространств автора и адресата:

Before this time, - indeed, as soon as he began to grow celebrated,-his admirers had found out the resemblance between him and the Great Stone Face; and so much were they struck by it, that throughout the country this distinguished gentleman was known by the name of Old Stony Phiz. The phrase was considered as giving a highly favorable aspect to his political prospects... [Hawthorne / Лесняк 1978: 265].

Лексическая единица «political prospects», которая представляет возможную лакуну в тезаурусе предполагаемого читателя, комментируется следующим образом:

political prospects – имеется в виду манера американской публики давать прозвища политическим деятелям». Читатель, не принадлежащий к данной культуре, может не понять связь между политической карьерой и прозвищами, упоминаемыми в тексте («The Great Stone Face», «Old Stone Phiz»), либо проигнорировать намек автора. Однако гипертекст делает авторский замысел понятным.

Итак, суммируя проиллюстрированные нами утверждения, необходимо подчеркнуть, что обращение к гипертексту, который отражает основные национально-специфические концепты и реалии, свойственные той или иной культуре и характерные для культурной (концептуальной) картины мира, приводит к устранению непонимания, множественности интерпретаций и является способом сближения картин мира адресата и адресанта.

2.2 Структурные, когнитивные и функционально-прагматические особенности лингвистического гипертекста к художественному тексту

2.2.1. Формальный и концептуально-содержательный аспекты классификации единиц лингвистического гипертекста

Традиция составления комментариев с целью наиболее полного и всестороннего проникновения читателя в содержание текста, созданного на незнакомом языке или устаревшем варианте известного, имеет давнюю историю, и ее истоки мы можем обнаружить в различных культурах. Само слово «комментарий» происходит от латинского «commentarius» и означает «заметки, толкование». Затекстовые комментарии к художественному тексту рассматриваются в рамках нашего исследования как лингвистический гипертекст, т. е. нелинейно организованный объем политематической информации толковательного плана, вынесенный за

рамки основного содержания текста в виде блоков, которые могут быть связаны между собой при помощи ссылок.

Комментарий к отдельно взятому фрагменту представляет собой особый пояснительный текст, оказывающий непосредственное влияние на понимание читателем произведения в целом, так как из отдельных элементов складывается общая картина восприятия. Насколько точна, релевантна, содержательна и контекстуальна будет информация в комментарии, настолько полнее и адекватнее будет понимание читателем художественного текста, т. е. будет расшифрована авторская интенция, замысел. «Независимо от того, для какой читательской категории комментарий предназначен, он не представляет собой чего-то автономного от текста, а подчинен ему – он должен помочь читателю понять текст. Комментарий – спутник текста» [Рейсер 1970: 293].

Ю.М. Лотман в предисловии к своему комментарию к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» подчеркивает двоякий характер пояснений. Текстуальные пояснения, по его мнению, это те, которые относятся «к предметам и явлениям быта как вещественного, <...> так и нравственного <...> и социального и к их художественной функции в тексте» [Лотман 1980: 473]. Концептуальные пояснения подразумевают «интерпретации: историко-литературные, стилистические, философские» [там же].

Таким образом, контекст существования художественного произведения многообразен – языковой, культурный, литературный, исторический. Необходимым представляется проанализировать зависимость совокупного смысла текста, и, следовательно, понимания текста реципиентом, от данных контекстов.

В рамках нашего исследования мы анализировали единицы комментариев к художественным текстам в двух аспектах – **формальном и концептуально-содержательном**. К формальному аспекту относятся единицы таких уровней, как фонологический, морфологический, лексико-фразеологический, синтаксический, стилистический. Концептуально-содержательный аспект подразумевает наличие в комментарии единиц культурологического и литературоведческого планов.

Наш выбор таких критериев для классификации единиц комментария обусловлен следующими причинами:

1. Мы рассматриваем процесс межкультурной коммуникации, опосредованной художественным текстом, соответственно, говорим о понимании иноязычного художественного текста, осложненного языковым барьером. Согласно теории В. фон Гумбольдта, гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира и Б.Л. Уорфа, концепции У. Эко, отечественных филологов Л.А. Новикова, Ю.С. Степанова и др., мир лингвистически структурирован, из чего следует, что индивид всегда ограничен определенными языковыми рамками: язык проговаривает нас. Прежде чем начать понимать глубинные смыслы, заложенные в тексте, реципиенту необходимо дешифровать языковой код. Следовательно, единицы формального аспекта неизменно присутствуют в любом типе комментария.

2. Поскольку любое художественное произведение не живет само по себе, а существует в рамках глобального процесса межтекстового взаимодействия, то, как было замечено при определении свойств художественного текста, интертекстуальность является его неотъемлемой категорией. Таким образом, включение литературоведческой составляющей в данную классификацию представляется необходимым.

3. Любой иноязычный художественный текст является отображением культуры, этноса своего народа и страны, и понимание такого текста не будет полным без знания определенных реалий и социокультурных особенностей страны изучаемого языка. Следовательно, культурологическая, или страноведческая, группа должна быть включена в данную классификацию. К данной группе мы относим такие единицы, как исторические события, имена собственные, топонимы. В рамках группы выделяются две подгруппы – единицы универсального характера и единицы, имеющие идиоэтнический характер.

К формальному аспекту мы отнесли единицы таких уровней, как:

1. Фонологический: отклонения от фонетической нормы языка, которые могут представлять помеху для воссоздания смысла текста. Например:

Er'd rather – she would rather [Galsworthy / Матвеев 1956: 335];

'addick – haddock [Salinger / Медникова 1982: 241].

2. Морфологический: отклонения от грамматической формы слова либо другое изменение формы слова, выбранное автором для создания образа художественного персонажа:

as I used to was – as I used to be back [Salinger / Медникова 1982: 245];

on account of I wasn't coming back – on account of coming back [Salinger / Медникова 1982: 247].

3. Лексико-фразеологический: к этой подгруппе отнесены единицы языка, которые могут представлять трудности для понимания, а именно:

- **идиомы и фразеологизмы:**

to horse around – дурачиться, валять дурака [Salinger / Медникова 1982: 242];

rum-ti-too – простоватый, чудаковатый [Galsworthy / Матвеев 1956: 343];

- **сленг и разговорные выражения.** Лексические единицы, относимые к данной подгруппе, часто сопровождаются в комментарии пометами *вульг., разг., сленг, жарг.:*

by gum! (вульг.) – восклицание, выражающее раздражение [Galsworthy / Матвеев 1975: 242];

piffle – colloquial term meaning trivial nonsense [Barns / Хьюитт 1994: 225];

my stunt (разг.) – В самый раз, чудно [Galsworthy / Матвеев 1975: 245];

- **полисемичные единицы языка.** В данной подгруппе лексические единицы, как правило, сопровождаются в комментарии пометой *здесь (зд.).*

in counterfeitment – зд.: в позу, в момент [Galsworthy / Матвеев 1975: 254];

was syncopated – зд.: оживился [Galsworthy / Матвеев 1975: 249];

at the soup – зд.: только начал распробовать вкус [Galsworthy / Матвеев 1956: 435];

broody – behaving like a girl in the process of growing up [Trevor / Хьюитт 1994: 220];

- **иноязычные вкрапления.** Данные лексические единицы часто сопровождаются указанием на источник заимствования:

Hesper (др.-греч.) – вечер; запад. [Рое / Нестерова 1983: 393];

Agressi sunt mare tenebrarum, quid in eo esset exploraturi (лат.) – вступают в море тьмы, чтобы исследовать, что в нем. [Рое / Нестерова 1983: 391];

- **сокращения и аббревиатуры:**

Q. C. – Queen’s Counsel, почетный титул адвоката [Galsworthy / Матвеев 1975: 256];

B. N. C. – Brazenose College – название одного из колледжей Оксфордского университета [Galsworthy / Матвеев 1975: 251];

DIY – Do It Yourself, i.e. handyman’s work which the householder does himself, instead of paying an expert to do [Weldon / Хьюитт 1994: 228];

- **устаревшие слова, т. е. историзмы, архаизмы:**

Spirit of Eld – (устар.) старина [Рое / Нестерова 1983: 392];

Avaunt! (устар.) – «Прочь! Вон!» [Рое / Нестерова 1983: 401].

Более того, представляется существенным отметить, что включение комментатором той или иной единицы этого уровня в затекстовый комментарий зависит от «доступности» данного слова или выражения. Например, фразеологические глаголы, которые являются общеупотребительными и относятся к нейтральной лексике, не подлежат комментарию. Рассмотрим следующий фрагмент художественного текста, не включенный в затекстовый комментарий:

You don’t understand what your mother has had to put up with these twenty years [Galsworthy / Матвеев 1975: 156].

Обратившись к источнику «Новый большой англо-русский словарь», мы находим следующее: 1) *примириться, терпимо относиться (accept, put up (with); reconcile oneself (to), resign oneself (to))* [Новый большой англо-русский словарь 2002]. Данная статья в словаре находится под номером один, что говорит об общеупотребимости данного значения. Лексическая

распространенность приведенного выражения позволила комментатору художественного текста не вносить его в свой список.

Проанализируем другой пример для подтверждения наших выводов:

As someone educated at a grammar school before the towel was thrown in Tranter had an asset: literacy [Faulks 2010: 172].

Выражение «to throw in a towel» не зафиксировано в Новом большом англо-русском словаре и является аутентичным, поэтому комментатор сопровождал его следующей статьей, представляющей не только значение идиоматического выражения («to give up, abandon the struggle» – сдаваться), но и этимологическую информацию (выражение имеет спортивное происхождение, используется тренером в бою по боксу для обозначения того, что соревнующийся принимает поражение):

This phrase comes from boxing, the trainer throws a towel into the boxing ring when his man can no longer continue the fight. So it's an idiom meaning "to give up, to abandon the struggle [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 62].

Обратимся к следующему отрывку, снабженному комментарием:

«...where one got, if not one's money worth, at least a **certain cachet** with the goods» [Galsworthy / Матвеев 1956: 63]. В словарной статье мы находим следующее:

cachet – 1) печать; отпечаток 2) отличительный знак (подлинности происхождения и т. п.) ex: courtesy is the cachet of good breeding – вежливость свидетельствует о хорошем воспитании; 3) med. облатка, капсула для приема лекарств [Полный англо-русский словарь 2010]. В комментариях данная единица описана следующим образом:

a certain cachet – зд.: какая-то «изюминка» [Galsworthy / Матвеев 1956: 416]. Многозначность данной лексической единицы и авторское употребление ее в значении «изюминка», которое не зафиксировано в словарном источнике, является причиной, по которой комментатор посчитал необходимым включить анализируемое выражение в комментарий и, тем самым, элиминировать возможную лакуну.

4. Синтаксический: в данную подгруппу включены отклонения от норм синтаксической организации текста, отличные от обычного способа выражения: эллиптические конструкции, синтаксические повторы, инверсия и т.д.:

Villain dyed though he be – «хотя он и не перестал быть злодеем, а лишь изменил свою окраску» [Faulkner / Долинин 1982: 364]. В данном отрывке приведен пример использования эмфатической инверсии в придаточном предложении. В качестве толкования приведен соответствующий отрывок из русскоязычного перевода романа.

Одним из частых проявлений отклонения от синтаксической нормы является эллиптическое опущение сказуемого или его части, выраженной глаголом «to be»:

*...as we stood there joined by that volitionless (yes: **it too sentient victim** just as she and I were) hand...* [Faulkner / Долинин 1982: 379].

В следующем примере нарушение синтаксической нормы проявляется в использовании законченного предложения в качестве подлежащего. В правой части комментария приводится правильный вариант синтаксической единицы:

I can't stand looking at the other guy's face, is my trouble. – My trouble is that I can't stand looking at the other guy's face [Salinger / Медникова 1982: 248].

Распространенными являются и случаи повторов, употребление которых в художественном тексте используется для создания «разговорности» стиля героев:

*What **I was** really hanging around for, **I was** trying to feel some kind of a good-by* [Salinger / Медникова 1982: 235]; *Where **I lived** at Pencey, **I lived** in the Osenburger Memorial Wing* [Salinger / Медникова 1982: 233].

5. Стилистический: в данную подгруппу включены стилистические средства, к которым прибегнул автор для воссоздания картины произведения. Членение содержимого данной подгруппы на отдельные составляющие по типу стилистического средства не является основополагающим, поскольку для нашего исследования больший интерес представляет не теоретический

анализ единиц комментария, а то, насколько значимо использование того или иного стилистического средства для понимания произведения.

How... Soames ever put his emotional eggs into one basket – намек на английскую поговорку «don't put all your eggs in one basket» – не следует разом рисковать всем [Galsworthy / Матвеев 1975: 265].

also ran – зд.: ироническое – принимали также участие, выражение обычно используется в отчетах о скачках относительно лошадей, оставшихся без места [Galsworthy / Матвеев 1975: 272].

It would not make him healthy, wealthy, and wise – перефразировка поговорки «early to bed, early to rise, makes a man healthy, wealthy and wise» [Galsworthy / Матвеев 1975: 245].

Необходимо отметить, что единицы комментария, относящиеся к стилистическому уровню, не могут рассматриваться отдельно от лексико-фразеологического, синтаксического, фонологического, морфологического уровней, поскольку стилистический уровень аккумулирует единицы всех уровней и выражается через них. В качестве примера приведем следующий фрагмент затекстового комментария, который содержит не только указание на аллюзивное авторское употребление (Клуб Реформистов), но и снабжает подробной лингвокультурной информацией относительно Либеральной партии и ее местонахождения:

the Reform Club – an evident allusion to the Reform Club which is considered to be the headquarters of the Liberal Party and is located in Pall Mall in a building adjoining that of the Carlton Club [Galsworthy / Gerbatch 1956: 315].

Проанализируем еще один пример:

Le roi est mort (fr. «The king is dead») – here: Government has resigned [Galsworthy / Gerbatch 1956: 311]. Комментатор помимо интерпретации французского высказывания «Le roi est mort» англоязычным вариантом также эксплицирует его метафорическое значение, заданное автором (правительство ушло в отставку).

Концептуально-содержательный аспект исследуемых единиц комментария позволяет нам выделить единицы комментария

культурологического (страноведческого) плана и литературоведческого. Единицы комментария, относимые к культурологической группе, предполагают наличие у реципиента лакун, связанных с разностью культурных картин мира адресанта и адресата. Как мы неоднократно отмечали, именно различие культур, а не языков, является основной причиной коммуникативных сбоев при прочтении художественного текста. Мы предлагаем разграничить единицы культурологического плана, имеющие универсальный и идиоэтнический характер. Такое разграничение перекликается с классификацией прецедентных текстов, предложенной Ю.Н. Карауловым. Так, определяя прецедентный текст, исследователь отмечает такие характеристики, как значимость для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; сверхличностный характер, т.е. известность широкому окружению, включая предшественников и современников; неоднократность обращения к прецедентному феномену в дискурсе языковой личности [Караулов 2010: 125]. Следует отметить, что текст может быть прецедентным не для всех адресатов, а для определенной группы читателей. Например, для специалистов и лиц, профессионально владеющих языком, не составит труда расшифровать такие единицы, как: «Get out of my sight!»; «to do no harm»; «to fathom»; «to deceive»; «to make a mess» [Dreiser 2005] и т. п. Однако вышеназванные единицы вынесены в комментарий (т. е. обозначены как прецедентные) для широкого круга читателей, изучающих английский язык.

Выделяют три типа прецедентных феноменов: социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные [Караулов, 1987].

Социумно-прецедентные – это феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума и входящие в коллективное когнитивное пространство, т. е. феномены, которые могут не зависеть от национальной культуры: общие, например, для всех мусульман (конфессиональный социум) или для врачей (профессиональный социум).

Национально-прецедентные – это феномены, известные любому представителю того или иного национально-культурного сообщества и входящие в когнитивную базу.

Универсально-прецедентные – это феномены, известные любому среднему современному *homo sapiens* и входящие в универсальное когнитивное пространство.

Логично предположить, что универсально-прецедентные феномены маловероятны для попадания в зону комментирования, т. к. являются общедоступными и известными для всех представителей человеческого рода, независимо от лингвокультурной принадлежности. Интерес для комментирования будут представлять социумно-прецедентные и национально-прецедентные феномены. Таким образом, мы рассматриваем в качестве социумно-прецедентных феноменов универсальные единицы культурологического плана, а в качестве национально-прецедентных феноменов – идиоэтнические единицы. Универсальные единицы отражают всеобщие (универсальные) свойства объективного мира, которые не зависят от мнения о них носителей данного языка. Идиоэтнические единицы имеют субъективно-национальный характер, проистекающий из ментальных и культурных особенностей этноса, создавшего данный язык. К универсальным и идиоэтническим единицам культурологического плана относятся названия исторических событий, имена собственные, топонимы.

1. Универсальные единицы культурологического плана:

Jaguar – «Ягуар», автомобиль дорогой марки [Salinger / Медникова 1982: 232];

some dame breaking a bottle over a ship – какая-нибудь дамочка разбивает бутылочку о борт корабля. Имеется в виду «крещение» корабля бутылкой шампанского перед спуском на воду [Salinger / Медникова 1982: 241];

Pol Roger – марка шампанского [Galsworthy / Матвеев 1975: 264];

Eau-de-Cologne – одеколон [Galsworthy / Матвеев 1975: 264].

2. Идиоэтнические единицы культурологического плана:

Russian pogroms – anti-Jewish riots in western parts of Russian empire in the late nineteenth and early twentieth centuries [Роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 34]. В данном фрагменте автор художественного текста упоминает массовые насильственные антисемитские акции в конце XIX – начале XX века. Лексическая единица «Russian pogroms» носит идиоэтнический характер.

brown betty – слоеный пудинг из сухарей с яблоками [Salinger / Медникова 1982: 238];

hanging straps and worn plush – train carriages that still had hanging straps rather than the bars that are familiar in Moscow [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 34]. В данном случае автор вспоминает подвесные ремни на поручнях, столь характерные для пригородных поездов в Великобритании.

the turkey and the streamers – roast turkey and paper decorations at Christmas [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 15]. Жареная индейка и бумажные гирлянды – вот что автор произведения рассматривает как традиционные составляющие Рождества в Великобритании.

MP in a recent by-election – Member of Parliament who was elected not during the «General Election», but in a special election [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 18]. В данном случае комментатор поясняет особенности системы выборов членов парламента, «MP in a by – election» обозначает, что депутат был выбран в ходе дополнительного голосования.

builder's tea – very strong black tea with plenty of milk and sugar [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 10]. Именно так называют в Великобритании очень крепкий чай с молоком и сахаром.

Единицы **литературоведческого плана** представляют языковые проявления интертекстуальности художественного текста. Художественный текст является непосредственной манифестацией и реализацией культуры.

Но в культуре тексты не существуют изолированно друг от друга, наоборот, они связаны, совмещены, сплетены в целостную сеть. Они образуют так называемую «семиосферу» [Лотман 1992: 130]. Сталкиваясь с текстами, изобилующими интертекстуальными включениями, реципиент при реконструкции и осмыслении текста все больше пользуется возможностью безграничной свободы его истолкования. Таким образом, интертекстуальность универсальна и не имеет границ.

Итак, в аспекте интертекстуальности каждый новый текст рассматривается как некая реакция на уже существующие тексты, а существующие могут использоваться как элементы художественной структуры новых текстов. Основными маркерами, т. е. языковыми способами реализации категории интертекстуальности в тексте, могут служить цитаты, аллюзии, реминисценции, афоризмы. Очень часто в заглавии художественного произведения можно встретить так называемое «чужое слово». «Наличие «чужого слова» в заглавии – сильной позиции художественного произведения – еще в большей степени подчеркивает интенцию автора выйти на уровень интертекстуального диалога, внести свой вклад в разработку общечеловеческих проблем» [Бахтин 1994: 109]. Итак, обратимся к примерам единиц, составляющих данную подгруппу:

the completest thing and perhaps the deadest – превосходная степень прилагательного «мертвый» была использована Диккенсом в начале первого из его «Рождественских рассказов» в рассуждении о том, что самым мертвым надо считать гвоздь, которым сколачивают гроб [Galsworthy / Матвеев 1975: 242];

no case of seven oaves and a few fishes – намек на евангельский рассказ о том, как Христос накормил огромную толпу людей семью хлебами и несколькими рыбами [Galsworthy / Матвеев 1975: 248];

after all, she devoted herself to looking after him for twenty-five years. Othello's occupation, you know – жена стремилась быть такой же заботливой, или, следуя тексту великой трагедии, щедрой, каким был Отелло по отношению к Дездемоне [Maugham / Матвеев 1980: 225];

Agatha Christie and Edith Wharton – an unlikely pair of favourite writers. Christie is an old-fashioned, easy-reading detective story writer; Edith Wharton is an early twentieth century American writer of high artistic standards, elegant prose and subtle moral explorations. Faulks (автор. – *Прим. М.М.*) is wanting to show us an intelligent but uneducated girl who reads widely but has not yet learnt to discriminate [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 15]. В рассматриваемом примере комментатор помогает читателю сделать вывод о некоторых характеристиках героини романа. Так, указывая на тот факт, что произведения писателей А. Кристи и Э. Уортон имеют мало общего в литературно-художественных стилях и ориентированы на различные читательские аудитории, комментатор дает понять несоответствие в выборе героини, незрелость ее литературного вкуса.

Материалом для проведения нашего исследования послужили художественные тексты различной адресованности с затекстовыми комментариями. Большинство проанализированных текстов рассчитано на широкую читательскую аудиторию и предназначено для всех читающих по-английски. Однако для демонстрации полученных результатов мы рассмотрим три произведения: Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах. Сдается в наем», Д. Кьюзек «Скажи смерти «нет!», Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи». Наш выбор таких художественных текстов продиктован следующими факторами:

1. Степень семантической напряженности текста. Выбранные нами тексты можно охарактеризовать как произведения со средней степенью семантической напряженности. Однако для предоставления более наглядных и обоснованных выводов мы считаем необходимым продемонстрировать представленность единиц формального/ концептуально-содержательного аспектов ЛГТ в зависимости от степени семантической напряженности исходного текста. Таким образом, для выполнения данной задачи в тексте работы приводятся результаты анализа романа У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!», который многими исследователями в области

литературоведения и лингвистики считается концептуально насыщенным и семантически напряженным.

2. Временная / историческая отдаленность текста. Мы полагаем, что художественные тексты, стадияльно и исторически удаленные от читателя, представляют большую сложность для понимания и, следовательно, более значительный риск возникновения коммуникативных сбоев при их прочтении, чем тексты, созданные современниками реципиента. Нашу точку зрения можно аргументировать тем фактом, что любой художественный текст является отражением исторического периода, в котором он создан, и культурно-понятийной картины мира. Следовательно, смена парадигм и изменения в картине мира неизбежно провоцируют исчезновение или модификацию реалий, что отображается в художественном тексте, провоцируя коммуникативные сбои при его прочтении.

3. Степень изученности конкретного художественного текста и творчества автора в целом в лингвистических и литературоведческих аспектах. Данный критерий имеет двоякий характер. С одной стороны, мы выбрали произведения, всесторонне изученные в литературоведческой и лингвистической практике, что позволяет нам аккумулировать весь комплекс выводов наших предшественников. С другой стороны, одно из произведений, роман Д. Кьюзек «Скажи смерти «нет!», представляется малоизученным и наименее представленным в работах исследователей.

4. Адресованность текста. Адресованность текста, как было отмечено в предыдущей главе, связана со степенью его семантической напряженности. В нашем анализе представлены художественные тексты широкой адресованности, однако для более убедительных выводов мы приводим результаты анализа романа У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!», рассчитанного на «научных работников, студентов-филологов и тех, кто интересуется американской литературой» [Фолкнер / Долинин 1982].

Далее приводятся результаты применения предложенной нами классификации (табл. 1; 1.1):

Таблица 1

Название произведения	Формальный аспект					Концептуально-содержательный аспект		
	единицы фонологического уровня	единицы морфологического уровня	единицы лексико-фразеологического уровня	единицы синтаксического уровня	единицы стилистического уровня	единицы культурологического плана		единицы литературоведческого плана
						универсальные	идио-этнические	
The Forsyte Saga. To Let (единиц комментария - 280)	12 единиц 4.3%	12 единиц 4.3%	77 единиц 27.6%	14 единиц 5%	28 единиц 10%	70 единиц 25%	41 единица 14.8%	25 единиц 9%
Say No to Death (единиц комментария - 308)	23 единицы 7.5%	26 единиц 8.4%	124 единицы 40.2%	13 единиц 4,2%	13 единиц 4.3%	45 единиц 14,6%	58 единиц 18,9%	6 единиц 1,9%
The Catcher in the Rye (единиц комментария – 413)	13 единиц 3.1%	12 единиц 2.9%	234 единицы 56,7%	36 единиц 8,7%	18 единиц 4,3%	42 единицы 10,2%	44 единицы 10,8%	14 единиц 3,3%

Таблица 1.1

Название произведения	Общее число страниц текста	Общее количество страниц комментария	Общее число единиц текста	Общее число единиц комментария	Процент комментирования
The Forsyte Saga. To Let	230	16	98440	866	0, 88 %
Say No to Death	314	20	117750	1401	1, 19 %
The Catcher in the Rye	185	28	88615	1497	1, 69%

Как видно из приведенной таблицы, в комментарии представлены единицы обоих аспектов (формального и концептуально-содержательного), что подтверждает наше предположение о том, что лингвистический гипертекст можно представить как средство нейтрализации коммуникативных сбоев (элиминирования лакун) как лингвистического, так и экстралингвистического характера. В комментариях к трем произведениям наибольшую часть представляют единицы, относимые:

- к лексико-фразеологическому уровню формального аспекта: Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах. Сдается в наем» – 56,7%; Д. Кьюзек «Скажи смерти «нет!» – 40,2%; Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи» – 27,6%. Приведем несколько примеров для наглядности полученных результатов:

to have the lot – зд. отобрать (у нас) все, лишить (нас) всего имущества [Galsworthy / Матвеев1975: 248]. В данном случае возможную сложность для реципиента представляет авторское использование идиоматического выражения.

Gaff – промах [Galsworthy / Матвеев1975: 243]. Такое значение лексической единицы «gaff» не зафиксировано в Англо-русском словаре под ред. В. К. Мюллера (24-е изд.), следовательно, оно является редкоупотребимым и нуждается в комментарии.

She must be fifty, if she was a day – ей должно быть не меньше пятидесяти [Galsworthy / Матвеев1975: 250]. Лексическая единица «if she was a day» является идиоматическим выражением и зафиксировано в Англо-русском словаре под ред. В. К. Мюллера (24-е изд.). Однако, поскольку данный художественный текст рассчитан на широкий круг читателей, комментатор рассмотрел ее как возможную лакуну в тезаурусе реципиента.

snazzy (воен. сленг) – щеголеватый, привлекательный; зд. симпатичный, славный [Cusack / Головня 1961: 365]. Лексическая единица «snazzy» является сленговым выражением, более того, оно имеет специфическую сферу употребления (военная область). Комментатор также уточняет значение

выражения применительно к контексту, что устраняет его многозначность и, следовательно, элиминирует возможную лакуну;

- к универсальным единицам культурологического плана (Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах. Сдается в наем» – 25%; Д. Кьюзек «Скажи смерти «нет!» – 14,6%; Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи» – 10,2%). Единицы культурологического плана являются обязательными составляющими любого комментария к художественному тексту. Значительное количество универсальных единиц культурологического плана свидетельствует о том, что культурные реалии являются потенциально сложными для понимания текста. Несмотря на универсальный характер нижеприведенных реалий, реципиент, принадлежащий широкой читательской аудитории, может быть не осведомлен (или недостаточно осведомлен) об их значении. Более того, толкование таких реалий способствует созданию более подробной, колоритной фикциональной картины произведения. Проиллюстрируем полученные результаты:

Buick – «Бьюик», марка автомобиля [Salinger / Медникова 1982: 245];

Daiquiris – коктейли из рома, лимонного сока и сахара [Salinger / Медникова 1982: 244];

- к идиоэтническим единицам культурологического плана (Д. Кьюзек «Скажи смерти «нет!» – 18,9%; Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах. Сдается в наем» – 14,8%; Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи» – 10,8%). Проиллюстрируем полученные результаты:

The Times dated July, 6 1914 – номер газеты «Таймс», вышедший почти за месяц до вступления Англии в Первую мировую войну [Galsworthy / Матвеев 1975: 250]. Данная реалья имеет субъективный культурно-исторический характер, что представляется в комментарии посредством уточнения информации относительно важности именно этого выпуска газеты.

And there went the shoe – вслед отъезжающим новобрачным бросают старый башмак в знак пожелания счастья [Galsworthy / Матвеев 1975: 252]. Национально-специфический колорит всевозможных традиций и обычаев находит свое отражение в языке, следовательно, комментирование единиц,

обозначающих подобные явления, позволяет приблизить картины мира автора и читателя как представителей разных культурных сообществ.

В комментарии к произведению Д. Кьюзек «Скажи смерти «нет!»» идиозтнические единицы многочисленны и составляют 18,9% от общего количества. Такой результат свидетельствует о насыщенности текста единицами, выражающими всевозможные реалии, что, безусловно, повышает степень его семантической напряженности. Подобная особенность обусловлена присутствием в тексте большого количества австралийских языковых, бытовых, исторических и географических реалий: *Woolloomooloo; cobber; slouch hat; dog's disease; yabbying; lillipilly bush; currawong* и т. п.:

Dog's disease (австрал.) – легкое недомогание [Cusack / Головня 1961: 361]. В каждом языке и диалекте существует свое обозначение такого феномена, как недомогание, и австралийский вариант выражения данного значения, безусловно, может представлять лакуну для реципиента, не обладающего необходимыми фоновыми знаниями.

Yabbying (австрал.) – ловля маленьких рачков [Cusack / Головня 1961: 363]. Как и в предыдущем примере, идиозтнический характер приведенной реалии обуславливает включение ее в комментарий для элиминирования возможной лакуны в тезаурусе реципиента, незнакомого с австралийской культурной спецификой.

Lake – зд.: имеется в виду лагуна залива Наррабин [Cusack / Головня 1961: 360]. В каждой географической местности встречаются названия пунктов, которые являются сугубо идиозтническими. Для создания достоверной картины автор, безусловно, включает в текст подобные топонимы. Задача комментатора – снабдить читателя необходимой информацией для заполнения возможной лакуны.

Saveloys – дешевый сорт сосисок [Cusack / Головня 1961: 362]. Подобная информация представляет затруднение для читателей, незнакомых с бытом Австралии того времени.

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что наличие перечисленных единиц в комментарии говорит о том, что понимание

инокультурного текста предполагает не только хорошее владение языковыми средствами, но и обладание реципиентом лингвокогнитивной компетенцией, знание прецедентных текстов и стереотипных ситуаций. Несмотря на тот факт, что наиболее представленными единицами комментария являются единицы формального аспекта, необходимо заметить, что коммуникативные сбои провоцируются различием культур, а не различием языков. Другими словами, коммуникативные сбои, происходящие на уровне межкультурной коммуникации, обеспечены языковыми и лингвокультурными расхождениями тезаурусов адресата и адресанта.

Наименее представленными в комментарии оказались единицы, относимые к фонологическому (3,1% – 7,5%), морфологическому (2,9% – 8,4%) и синтаксическому уровням (4,2% – 8,6%). Такой результат является вполне закономерным, т. к., несмотря на преднамеренное искажение речи персонажей автором для создания достоверной фикциональной картины, смысл единиц подобного уровня легко восстановить благодаря контексту и языковому опыту адресата. Включение в комментарий всех единиц текста, относимых к фонологическому, морфологическому и синтаксическому уровням, сделало бы комментарий громоздким, чрезмерным и давящим. Для подтверждения этой мысли мы предлагаем обратиться к комментарию, составленному к роману У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!». Данное произведение адресовано уже не широкой читательской аудитории, а научным работникам и студентам-филологам. Составитель комментария А.А. Долинин отмечает в предисловии: «Учитывая большую сложность романа, барочную вычурность его стиля, а также его насыщенность аллюзиями, реминисценциями, цитатами и культурно-историческими реалиями, мы вынуждены были почти полностью отказаться от разъяснений многих явлений, не имеющих определяющего значения для фолкнеровской поэтики, и, в частности, случаев употребления просторечия... Реконструкция нормативного произношения (и написания) слова обычно не составляет труда» [Faulkner / Долинин 1982: 358]. Действительно, единственной единицей морфологического уровня, представленной в комментарии,

оказалась следующая: «*Yawl come on and less go home*» [Faulkner / Долинин 1982: 371]. В качестве разъяснения комментатор приводит нормативное написание: «*You all come on and let's go home*» [Там же]. Единицей фонологического уровня данного комментария является: «*Hoo dar, gal! Git outen de way dar?*» [Faulkner / Долинин 1982: 374]. Как и в предыдущем случае, составитель комментария восстанавливает норму: «*Hey there, girl! Get out of the way there?*» [там же]. В силу меньшей семантической напряженности исходных текстов комментарии к трем исследуемым произведениям – Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах. Сдается в наем», Д. Кьюзек «Скажи смерти «нет!», Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи» – содержат единицы морфологического уровня (4,3%; 8,4%; 2,9%). Как правило, комментатор приводит правильную форму лексической единицы для облегчения читательского восприятия:

fantigue (искаж.) = *fatigue* [Galsworthy / Матвеев 1975: 248];

nor'-easter = *north-easter* [Cusack / Головня 1961: 366];

indad (ирландск.) = *indeed* [Cusack / Головня 1961: 361].

Можно встретить и русскоязычный вариант нормы, как например:

Attaboy – зд.: Будьте умницей [Salinger / Медникова 1982: 230].

Мы обнаружили и следующий вариант комментирования единицы морфологического уровня, в котором восстановлена не только норма, но и приводится информация культурологического плана:

your only taurus = *you're only Taurus*. *Taurus* – Телец, созвездие и второй знак Зодиака [Salinger / Медникова 1982: 234].

Единицы комментариев синтаксического уровня также представляют немногочисленную группу (Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи» – 8,6%; Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах. Сдается в наем» – 5%; Д. Кьюзек «Скажи смерти «нет!» – 4,2%). Продемонстрируем несколько примеров:

he said, and beat it on me – сказал он и смылся от меня [Salinger / Медникова 1982: 230]. Сложность для понимания на синтаксическом уровне представляет наличие в данном предложении местоименного дополнения «*on me*», непереводаемого на русский язык и имеющего эмоциональное значение.

Boy, was I chucking it – ну и заливал же я [Salinger / Медникова 1982: 237]. Инверсивная конструкция и идиоматическое выражение «to chuck» представляет возможную помеху для понимания не только этого предложения, но и всего абзаца.

She wouldn't have been anybody to go with – Она не такой человек, чтобы с ней поехать [Cusack / Головня 1961: 360]. Разговорные особенности синтаксического построения данного предложения затрудняют его восприятие.

Полученные небольшие показатели говорят о неусложненности синтаксиса исследуемых текстов. Но, как уже говорилось в предыдущем параграфе, зачастую единицы синтаксического уровня выступают как проявление художественного стиля автора и одновременно являются единицами, относимыми к стилистическому уровню.

Единицы комментария, сгруппированные на стилистическом уровне, составляют: Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах. Сдается в наем» – 10%; Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи» – 4,3%; Д. Кьюзек «Скажи смерти «нет!» – 4,3% от общего количества комментариев. Подтвердим наши выводы примерами:

Baronight – Майкл в шутку образует слово, в котором слиты два понятия: *Baronet* или сокращенно *Bart.* – баронет, первый титул наследственного дворянства, и *Knight* – звание, указывающее на пожалованное за заслуги личное дворянство [Galsworthy / Матвеев1975: 252]. Авторский неологизм «*Baronight*» представляет сложность для расшифровки, в особенности для читателя, незнакомого с названиями титулов и званий. Более того, для правильного толкования имплицитно заложенной информации необходимо распознать иронический оттенок, которым автор наделяет выражение.

the donzellas of the day (ирон.) – современные девицы [Galsworthy / Матвеев1975: 252]. Для понимания данного выражения важным является не только знать значение лексической единицы «*donzella*» (барышня, девица) [Полный англо-русский словарь 2010], которое зафиксировано как

устаревшее, но и распознать иронический подтекст. Обращение к комментарию снимает подобные трудности.

Anyway, it was the Saturday of the football game with Saxon Hall. The game with Saxon Hall was supposed to be a very big deal around Pencey. – Большое дело, очень важное событие [Salinger / Медникова 1982: 244]. Несмотря на тот факт, что идиоматическое выражение «big deal» может быть отнесено к единицам, представляющим риск возникновения коммуникативного сбоя на лексико-фразеологическом уровне, данное выражение определяется нами как единица стилистического уровня, т. к. сложность также представляет стилистическая импликация автора. Далее в тексте комментария мы находим: «Холден (главный герой романа. – Прим. М.М.) употребляет это выражение, когда хочет подчеркнуть свое презрение к тому, что другие считают важным».

Однако сравнительно небольшое количество данных единиц не говорит о стилистической незрелости автора или неиспользовании стилистических приемов, а свидетельствует о том, что, по мнению комментатора, авторское использование стилевых приемов не составит трудности для понимания текста реципиентом.

Литературоведческий план единиц комментария составляет от 1,9% до 9% от общего числа. Продемонстрируем несколько примеров, относимых к данному аспекту:

Out, damned hair! – ср. «*Out, damned spot!*», восклицание потерявшей рассудок леди Макбет в 1-й сцене 5-го действия трагедии Шекспира «Макбет» («*Macbeth*») [Galsworthy / Матвеев 1975: 242].

Следует отметить, что ставшее нарицательным выражение «*Out, damned spot!*» представляет лакуну для определенного круга читателей, незнакомых с литературным подтекстом. Однако комментатор не счел нужным продолжить объяснение.

Thou shalt leave father and mother and cleave to – видоизмененное и незаконченное евангельское изречение: «...shall a man leave father and mother, and shall cleave to his wife» – «оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей...» [Galsworthy / Матвеев 1975: 251]. Данное пояснение содержит

исчерпывающую информацию, с помощью которой читатель дополнит картину переживаний героя.

«*If a body catch a body coming through the rye*» – неправильно переданные строчки из знаменитой песенки шотландского поэта Роберта Бернса «*Comin' thro' the rye*» [Salinger / Медникова 1982: 237]. Далее в комментарии приводится русскоязычный перевод стихотворения, автор С.Я. Маршак.

Обратимся к представленности единиц литературоведческого плана в исследуемых комментариях. Во-первых, в соответствии с художественным стилем автора литературный подтекст может представлять большую или меньшую сложность для понимания. При восприятии произведений, рассчитанных на элитарную читательскую аудиторию (ученых, филологов, специалистов, литературоведов), расшифровка авторской интенции не может быть полной без понимания механизмов скрытого цитирования и перефразирования ряда источников. Во-вторых, аллюзивные обращения к каким-либо источникам могут быть выражены в тексте более или менее эксплицитно и дополнительно сопровождаться использованием перефразы, метафоры и т. п. Например, в романе У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» встречается следующая единица: «*the past summer of... content*». Не воспользовавшись комментарием, читателю было бы сложно распознать реминисценцию первых строк «Ричарда III» У. Шекспира: «*Now is the winter of our discontent / Made glorious summer by this sun of York*» [Faulkner / Долинин 1982: 397].

В следующем примере составитель комментария лишь направляет читательскую интерпретацию в возможное русло, выражая скорее предположение, нежели уверенность:

«*God may mark every sparrow*» – по-видимому, имеется в виду следующее место в Евангелии: «*Are not five sparrows sold for two farthings, and not one of them is forgotten before God*» (Luke, 2:6) [Faulkner / Долинин 1982: 371].

Сравним вышеприведенные примеры с несложным и понятным

комментированием единицы литературоведческого плана в романе Д. Кьюзек «Скажи смерти «нет!»:

«*Canst thou not minister to a mind diseased?*» (Шекспир «Макбет». Акт V, сцена 3) – из разговора Макбета с врачом о болезни леди Макбет [Cusack / Головня 1961: 369].

Анализ количественных показателей представленности единиц комментария в нескольких аспектах позволяет нам говорить, что существует универсальная структура представления информации в лингвистическом гипертексте к художественному тексту, подразумевающая наличие формального и концептуально-содержательного аспекта. Вариации в процентном соотношении и количество единиц, относимых к тому или другому аспекту, зависят от следующих факторов:

1. Семантическая напряженность текста.
2. Адресованность художественного текста определенной читательской аудитории.
3. Целевая установка комментатора.

2.2.2. Структурно-содержательные характеристики лингвистического гипертекста

Структура статьи комментария подразумевает наличие поясняемого объекта и пояснения. Поясняемый объект может быть представлен любой частью речи, словосочетанием, предложением или аббревиатурой. Наиболее распространенными являются поясняемые объекты, выраженные:

- существительными:

salve (уст.) – губная помада [Galsworthy / Матвеев1975: 251];

Brighton – город-курорт на южном побережье Англии [Galsworthy / Матвеев1975: 252];

Juno (миф.) – Юнона, супруга Юпитера, главного бога древних римлян [Galsworthy / Матвеев1975: 252].

- именными словосочетаниями, представленными типовой структурой прилагательное + существительное:

a loud raspberry (сленг) – громкая ругань [Cusack / Головня 1961: 362];
swing music – разновидность джазовой музыки [Cusack / Головня 1961: 369];

the «flapping cockatoory» – зд.: птичья суетливость [Galsworthy / Матвеев1975: 252];

the Red Book – справочник, содержащий основные сведения о наиболее известных представителях семей, относящихся к высшим слоям общества [Galsworthy / Матвеев1975: 246];

- именованными словосочетаниями, представленными типовой структурой существительное + существительное:

pink paper – листок с новостями по конному спорту [Galsworthy / Матвеев1975: 240];

horseshoe players – игравшие в подкову. Игра, очень распространенная в США, цель ее – набросить подкову на шест; чем точнее наброс, тем больше очков [Saroyan / Натан 1975: 446];

a game of stud – разновидность карточной игры в покер [Saroyan / Натан 1975: 452];

- предикативными словосочетаниями:

after reading the speech of a certain statesman – вероятно, речь идет о Ллойде Джордже, который во время конституционного кризиса произносил «ультралевые» речи [Galsworthy / Матвеев1975: 241];

wiping somebody's eye (разг.) – и при этом обставить своего партнера [Galsworthy / Матвеев1975: 240];

looking like death warmed up – соотв. русск. краше в гроб кладут [Cusack / Головня 1961: 368];

- предложениями:

I'll roll in and try to get a bit of shut-eye – я прилягу и попытаюсь немного вздремнуть [Cusack / Головня 1961: 362];

It just showed you! (разг.) – Вот видите, как бывает! [Cusack / Головня 1961: 360];

I'm not going to play ball (фиг.) – Я больше в этом не участвую [Cusack / Головня 1961: 362];

Часто перед пояснением объекта комментатор использует общепринятые сокращения для того, чтобы обозначить стилистическую маркированность лексики, источник заимствования, сферу употребления (*разг., жарг., вульг., мед.* и т. д.). Присутствие подобных помет является прямым указанием того, что данная лексическая единица относится к периферийной зоне словаря и может представлять риск возникновения коммуникативного сбоя при понимании текста реципиентом.

Целесообразным представляется проанализировать связи и зависимость элементов поясняемого объекта и пояснения в синтагматическом и семантическом отношениях.

Синтагматическая связь комментируемого объекта и пояснения может быть представлена следующими видами отношений:

1. **Лексическая единица – синонимичная лексическая единица.** В данном случае комментатор вводит лексическую единицу, эквивалентную той, что является возможной лакуной. Следует отметить, что пояснение содержит стилистически немаркированную, нейтральную, общеупотребительную лексическую единицу. В следующих примерах наглядно представлен такой тип отношений между поясняемым объектом и пояснением:

line – here: infantry [Galsworthy / Gerbatch 1956: 314];

moonlit – dreamy [Galsworthy / Gerbatch 1956: 304];

to snoop (orig. U.S.) – to steal [Galsworthy / Gerbatch 1956: 323];

gip (sl.) – gossip [Galsworthy / Gerbatch 1956: 315].

2. **Лексическая единица – синонимичное словосочетание.** В этом типе отношений лексическая единица, представляющая возможную лакуну, выражена словосочетанием, в состав которого входят две или более лексических единиц, расшифровывающих значение поясняемого объекта. Так же, как и в предыдущем типе отношений, пояснение содержит лексические единицы, которые являются нейтральными и общеупотребительными:

legal – of the legal profession [Galsworthy / Gerbatch 1956: 302];

vamp (sl.) – unscrupulous flirt [Galsworthy / Gerbatch 1956: 300];

thin (sl.) – shallow excuse [Galsworthy / Gerbatch 1956: 310];

squeamish – too fastidious about dirt and about natural human functions

[Barnes / Хьюитт 1994: 225];

3. **Словосочетание – словосочетание.** Значение комментируемого словосочетания передано эквивалентным словосочетанием, которое устраняет возможную многозначность и относится к нейтральной лексике:

a shilling to a pound – odds of twenty to one [MacLaverly / Хьюитт 1994: 228];

hit the roof – was overcome with sudden rage [Barnes / Хьюитт 1994: 224];

a little cheap – somewhat out of sorts or out of spirits [Galsworthy / Gerbatch 1956: 303].

4. **Словосочетание – лексическая единица.** В данном случае значение комментируемого понятия, которое выражено словосочетанием, передается лексической единицей, что подразумевает сужение значения, его конкретизацию:

the milky ones – here: cocoanuts [Galsworthy / Gerbatch 1956: 302];

whose name began with J – Japhet [Barnes / Хьюитт 1994: 221];

the fall of the flag – the start [Galsworthy / Gerbatch 1956: 308].

5. **Лексическая единица/словосочетание – орфографически или грамматически правильный вариант.** Путем приведения орфографической или грамматической нормы комментатор проясняет возможные неясности в расшифровке подобных выражений. В данной подгруппе пояснение может представлять как синонимичную лексическую единицу, так и словосочетание:

aint he took bad (vulg.) – hasn't he got a bad fit [Galsworthy / Gerbatch 1956: 309];

myke – make [Galsworthy / Gerbatch 1956: 314];

mistyke – mistake [Galsworthy / Gerbatch 1956: 320].

6. **Аббревиатура – полный вариант сокращения.** Элиминирование возможного коммуникативного сбоя, возникающего на лексико-фразеологическом уровне из-за лакуны, которую представляет аббревируемая форма, происходит путем приведения полного варианта сокращения. Комментатор может ограничиться только расшифровкой аббревиатуры, указать источник заимствования (если аббревиатура иноязычная) либо привести дополнительную информацию толковательного плана:

Bart (abbr.) – baronet [Galsworthy / Gerbatch 1956: 314];

impos. (abbr.) – impossible [Galsworthy / Gerbatch 1956: 314];

aurev. (Fr. abbr.) – au revoir – good-bye [Galsworthy / Gerbatch 1956: 314];

S.I.M. – (исп.) – сокр. от Servicio de Inteligencia Militar-СВР: служба военной разведки [Hemingway / Медникова 1981: 531].

7. **Предложение – предложение.** Описываемый вид отношений встречается в случаях, когда значение предложения затруднительно восстановить исходя из значений его составных элементов. Необходимо подчеркнуть и общекультурологический аспект, т. к. нами было отмечено значительное количество пословиц, поговорок и фразеологизмов, попадающих в данную подгруппу. Подобный вывод вполне закономерен, т. к. передача значения фразеологизмов требует семантически эквивалентного инварианта, который перефразирует переносное значение:

The proof of pudding is in its eating – Experience only will show the result [Galsworthy / Gerbatch 1956: 314];

Wilfrid has fallen through to-morrow night – here: Wilfrid is not coming to-morrow night [Galsworthy / Gerbatch 1956: 314];

Keep up with them, keep up with everything, of course! – Know everyone who belongs to the smartest set, do everything that is the latest vogue [Galsworthy / Gerbatch 1956: 314].

8. **Лексическая единица/словосочетание – предложение.** В таком виде отношений между поясняемым объектом и пояснением прослеживается

развертывание информации. Большую часть в данной подгруппе представляет комментирование географических названий и имен:

The Tate – The Tate Gallery is a national collection of contemporary British art [Galsworthy / Gerbatch 1956: 314];

the Embankment – The Victoria Embankment extends from Westminster Bridge to Blackfriars Bridge [Galsworthy / Gerbatch 1956: 314];

Tommy of the Great War – ordinary soldiers in the First World War were affectionately known as ‘Tommies’ [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 65].

9. **Лексическая единица/словосочетание – текст.** Аналогично предыдущей подгруппе данный тип отношений носит общекультурологический характер. Различие состоит в более детальном представлении информации толковательного плана:

the sword of Damocles – the constant threat of disaster. Damocles was punished by the tyrant of Syracuse, the elder Dionysius, by being invited to a rich banquet in the midst of which he discovered a keen-edged sword suspended over his head by a single horse-hair [Galsworthy / Gerbatch 1956: 368];

the thimble or the ring – according to English custom the Christmas pudding contains a small silver thimble, a silver ring, and a silver coin, which are eagerly sought for in the helpings of the plum-pudding dealt-out. The thimble is the symbol of spinsterhood, the ring that of matrimony, and the coin of a coming fortune [Galsworthy / Gerbatch 1956: 373].

Следующим этапом анализа, с нашей точки зрения, является установление закономерности в характере связи поясняемого объекта и пояснения, представляющих единицы формального и концептуально-содержательного аспектов. Для достижения данной цели нами было исследовано по **250** единиц каждого из аспектов лингвистических гипертекстов, составленных к художественным текстам различной адресованности. Результаты анализа приведены в следующей таблице (табл. № 2):

Таблица № 2

Типы синтагматических отношений	Количество единиц формального аспекта	Количество единиц концептуально-содержательного аспекта
ЛЕ – синонимичная ЛЕ	40	10
ЛЕ – синонимичное словосочетание	8	106
Словосочетание – словосочетание	66	44
Словосочетание – ЛЕ	18	2
ЛЕ/словосочетание – орфографически или грамматически правильный вариант	8	-
Аббревиатура – полный вариант сокращения	8	2
Предложение – предложение	8	18
ЛЕ/словосочетание – предложение	18	56
ЛЕ/словосочетание – текст	-	88

Как видно из приведенной таблицы, частота (распространенность) того или иного типа синтагматических отношений варьируется для единиц формального и концептуально-содержательного аспектов. Для единиц формального аспекта наиболее характерным является тип словосочетание::словосочетание (66 единиц, что составляет 26,4% от общего количества) и лексическая единица: синонимичная лексическая единица

(40 единиц, 16% от общего количества). Можно сделать вывод о том, что при толковании единиц такой тип отношений наиболее приемлем, т. к. для дешифровки единиц, провоцирующих языковые расхождения коммуникантов, в большинстве случаев достаточно перифраза или дефиниции:

not out and out – зд.: не в полное распоряжение [Galsworthy / Матвеев 1975: 269];

should he «lay it off» – держать ли ему пари [Galsworthy / Матвеев 1975: 273];

fish place – oyster bar [Galsworthy / Gerbatch 1956: 321];

Проанализировав типы отношений между поясняемым объектом и пояснением единиц концептуально-содержательного аспекта, отмечаем типы лексическая единица::синонимичное словосочетание и лексическая единица/словосочетание::текст как наиболее распространенные. Данный вывод представляется вполне закономерным, т. к. единицы культурологического и литературоведческого планов требуют расширения значения и подробных толкований не только справочного характера, но и зачастую комментария относительно стиля автора и сюжетных линий произведения:

Woking – небольшой город, где расположен Лондонский некрополь, в юго-западном направлении от столицы [Galsworthy / Матвеев 1975: 275];

«*The doctor told Harry to go down to Arizona for a year or two, that it was his only hope...*» – обращение к комментарию позволяет понять, почему доктор рекомендует именно этот штат:

Arizona – Аризона, штат на юго-западе США, известный своим сухим климатом [Saroyan / Натан 1975: 441];

Reno – Рено, город в штате Невада. В данном контексте важно то, что Рено – единственное место в США, где можно быстро получить развод [Saroyan / Натан 1975: 445].

Важным представляется и характеристика семантических отношений между объектом пояснения и пояснением. Уточнение и углубление комментируемого понятия, сообщение релевантной информации о нем в наиболее завершенном и полном виде реализуется в виде повторной номинации лексической единицы. Использование повторной номинации позволяет комментатору внести дополнительную информацию, эмоциональность, экспрессивность, подчеркнуть особенности стиля автора и его отношение к изображаемому. Одним из способов повторной номинации является семантический повтор. Семантический повтор является лексическим контекстом, который служит инструментом снятия многозначности слова и неясности понимания. Под семантическим повтором понимается употребление двух единиц плана выражения для обозначения одной единицы плана содержания. Н.А. Шехтман отмечает, что «за компонентами смыслового повтора стоит один, хотя и расчлененный на соотносимые признаки, референт. В каждом отдельном случае на первый план выступает лишь один из этих признаков. Благодаря повтору выясняется, какой именно признак реализуется в каждом конкретном примере» [Шехтман 1988: 46].

Н.А. Шехтман выделяет три типа отношений между членами смыслового повтора на семантическом уровне [Шехтман 1988]:

- семантическая идентификация, которая характеризуется равным объемом передаваемых понятий;
- семантическая импликация, для которой характерно включение концептуальной структуры второго члена смыслового повтора в концептуальную структуру первого, то есть «содержание предшествующего предусматривает, имплицитно значение последующего»;
- семантическая экспликация, для которой характерно включение в концептуальную структуру второго члена смыслового повтора некоторой дополнительной характеристики, отсутствующей в концептуальной структуре первого [там же: 53].

Таким образом, исходя из типов отношений между статьями комментария можно выделить следующие группы:

1. Семантическая идентификация:

to bunch (sl.) – to group together [Galsworthy / Gerbatch 1956: 321];

to give one the bird (sl.) – to dismiss from service [Galsworthy / Gerbatch 1956: 318];

the fall of the flag – the start [Galsworthy / Gerbatch 1956: 304];

to turn up one's nose - to be disdainful [Galsworthy / Gerbatch 1956: 326];

Как видно из приведенных примеров, лексическая единица, представляющая сложность для понимания, заменяется субститутом (синонимичным словом или выражением), которое является более употребительным. Таким образом, происходит заполнение лакуны в тезаурусе адресата. Как правило, такие отношения между поясняемым объектом и пояснением наблюдаются при комментировании сленговых выражений, фразеологических оборотов, идиом, слов с низкой частотностью употребления, стилистически маркированных слов и т. д.

2. Семантическая импликация:

the Trade – here: the bookselling trade [Galsworthy / Gerbatch 1956: 306];

wind – here: rumours [Galsworthy / Gerbatch 1956: 300];

trust – here: nominal ownership of property to be used for another's benefit [Galsworthy / Gerbatch 1956: 309];

junk – here: jumble of furniture and knick-knacks [Galsworthy / Gerbatch 1956: 314];

breaks – lucky chances [Weldon / Хьюитт 1994: 229].

В представленных примерах значение комментируемого понятия сужается, конкретизируется, т. е. смысловая структура элементов пояснения включена в концептуальную структуру поясняемого объекта.

3. Семантическая экспликация:

risotto – an Italian dish of rice with meat, chicken etc. [Galsworthy / Gerbatch 1956: 301];

a gambler's throw – a reckless risk [Galsworthy / Gerbatch 1956: 314];

Pentel – a brand of fine ball – point pen [Moggach / Хьюитт 1994: 225].

Характерной особенностью данного типа семантических отношений является расширение понятия, генерализация. Концептуальная структура пояснения содержит дополнительные характеристики, дифференциальные признаки, которые указывают на видовую принадлежность предмета или понятия, выраженного поясняемым объектом.

Таким образом, отношения между поясняемым объектом и пояснением, основанные на семантическом повторе, демонстрируют связность и целостность лингвистического гипертекста.

2.2.3. Репрезентация языковой личности комментатора в лингвистическом гипертексте

Как было проанализировано в предыдущих параграфах, проблема понимания текста напрямую связана с языковой личностью индивида – либо автора, создающего текст, либо читателя, воспринимающего этот текст.

При определении языковой личности Ю.Н. Караулов подчеркивает, что данный феномен отражает способности человека и особенности порождаемых им текстов [Караулов 2010]. Анализируя структуру языковой личности, Ю.Н. Караулов называет составляющие, формирующие ее уровни, а именно: владение естественным языком, в том числе способность формально выражать определенные значения; концепты, понятия, идеи, складывающиеся в упорядоченную картину миру и представляющие интеллектуальную сферу языковой личности; интенциональность и целевые установки индивида [там же: 40].

Художественный текст заключает в себе знания и представления автора, с одной стороны, как субъекта определенной культуры, а с другой стороны – как носителя личностной концепции о явлениях окружающей его действительности. Автор художественного текста проявляет себя через

идиостиль, обусловленный индивидуальным видением мира и определенными мотивационно-прагматическими установками.

При наличии лингвистического гипертекста к художественному тексту в коммуникативной цепочке автор – гипотетический читатель – текст – читатель появляется еще одна языковая личность, интерпретирующая текст, а именно комментатор. Так же, как и автор, и предполагаемый реципиент, комментатор отражает в тексте свое владение языком, картину мира и целевые установки. Таким образом, акт межкультурной коммуникации, опосредованный художественным текстом, можно представить следующим образом: автор – гипотетический читатель – текст – комментатор – гипотетическая читательская аудитория комментатора – реальный читатель.

Следует повториться, что адресованность лингвистического гипертекста определенной читательской аудитории прежде всего обусловлена адресованностью исходного художественного текста. Другими словами, комментатор при составлении лингвистического гипертекста к художественному тексту должен представлять гипотетическую читательскую аудиторию автора. Составить лингвистический гипертекст, делающий текст с высокой степенью семантической напряженности доступным и понятным для любого читателя, невозможно. Так, при комментировании единицы «*presbyterian effluvium*» в романе У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» комментатор дает следующее пояснение: «Миазмы пресвитерианства, т. е. строгой пресвитерианской церкви кальвинистского направления» [Faulkner / Долинин 1982: 394]. Несмотря на то что комментатор предоставляет пояснение для понятия «пресвитерианство», разъяснение не включает информации об основах и принципах данного религиозного течения, равно как и не предоставляет объяснения относительно существительного «миазмы», имеющего имплицитный подтекст, рассчитанный на читателя с широким кругозором. Для читателя, не обладающего хотя бы общими знаниями о пресвитерианстве, вышеупомянутая единица будет представлять

лакуну. Подобным случаем представляется и комментирование следующей единицы:

working for the Friends – имеется в виду «Общество друзей», официальное название секты квакеров [Woolf / Гениева 1984: 365]. Составитель комментария не включает толковательную информацию относительно движения квакеров, рассчитывая на подготовленного читателя. Предоставление более подробной информации толковательного плана, которая могла бы приблизить текст читательской аудитории, не соответствующей ожиданиям автора, сделало бы комментарий громоздким и чересчур объемным.

В следующем примере составитель комментария предоставляет лишь развернутую форму выражения «*the halcyon*», не сообщая при этом перевод единицы (счастливые, безмятежные дни): *the halcyon* = the halcyon days [Faulkner / Долинин 1982: 408]. Очевидно, что составитель адресует комментарий читателям, обладающим высокой языковой компетенцией. Следовательно, внесение единицы текста в комментарий и характер предоставления информации в статье комментария зависит от того, как комментатор представляет предполагаемую читательскую аудиторию.

Иноязычный художественный текст, как отражение национальной культурной картины мира автора, подвержен риску возникновения коммуникативных сбоев в процессе его чтения, главным образом, вследствие различия лингвокультур автора и читателя. Чтобы способствовать элиминированию коммуникативных сбоев, вызванных лингвокультурными различиями коммуникантов, комментарий должен быть составлен лицом, четко представляющим возможные лакуны иноязычного реципиента. Таким образом, возникает вопрос о том, представителем какой лингвокультуры должен быть комментатор: лингвокультуры автора или читателя? Язык комментария (в нашем случае комментариев к англоязычным художественным текстам, составленных на английском или русском языке) определяет не только адресованность комментария, но и целевую установку

комментатора. Заинтересовавшись содержательным различием подобных комментариев и имея задачу выявить особенности проявления языковой личности комментатора в лингвистическом гипертексте, мы проанализировали комментарии к произведениям одного и того же автора, составленные на русском и английском языках: Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах. В тисках», комментарий на русском языке Н.К. Матвеева, и «Современная комедия. Белая обезьяна», комментарий на английском языке I.R. Gerbatch, год выпуска типографских литературно-художественных изданий – 1956. Наш выбор данных произведений продиктован следующими факторами:

1. Анализируемые произведения адресованы широкому кругу читателей, изучающих английский язык, т. е. рассчитаны на сходные читательские аудитории.

2. Данные произведения имеют одинаковую историческую и временную отнесенность (год выхода романа «Современная комедия. Белая обезьяна» – 1924, «Сага о Форсайтах. В тисках» – 1920).

3. Рассматриваемые романы являются частями одного эпического произведения «Сага о Форсайтах».

«Сага о Форсайтах. В тисках», комментарий на русском языке Н.К. Матвеева: количество страниц текста – 307; количество единиц комментария – 295. **К концептуально-содержательному аспекту** относятся **185** единиц (**62%** от общего числа единиц комментария), из них единиц литературоведческого плана – **10**; универсальных единиц культурологического плана – **65**; идиоэтнических – **110**. Из **110** единиц, относимых к **формальному аспекту**, лексико-фразеологический уровень представлен **75** единицами; стилистический – **25**; синтаксический – **4**; морфологический – **3**; фонологический – **3**.

Как видно из полученных результатов, комментатор был больше заинтересован в интерпретации концептуально-содержательного аспекта. Нами было отмечено большое количество идиоэтнических и универсальных

единиц культурологического аспекта, что объясняется особым вниманием комментатора к топонимам (в частности, названиям улиц, площадей, жилых районов), именам собственным, историческим событиям:

Chelsea – Челси, район Лондона, где живет много актеров, художников, музыкантов, литераторов [Galsworthy / Матвеев 1975: 252];

Soho – Сохо, район Лондона в Вест-Энде, населенный иммигрантами из разных стран, известный своими ресторанами с национальными блюдами [Galsworthy / Матвеев 1975: 267];

Mayfair – фешенебельные кварталы Лондона [Galsworthy / Матвеев 1975: 260];

Newmarket – Ньюмаркет, центр английского коневодства и скакового спорта [Galsworthy / Матвеев 1975: 259];

married to that German chap her husband – имеется в виду супруг английской королевы Виктории принц Альберт (1819–1861), выходец из мелкой немецкой княжеской династии [Galsworthy / Матвеев 1975: 278].

Таким образом, можно сделать следующие выводы: во-первых, исходный ХТ изобилует лингвокультурными реалиями, что придает комментарию ярко-выраженную лингвокультурную окраску; во-вторых, комментатор рассчитывал на читателей, не обладающих широким

«Современная комедия. Белая обезьяна» Дж. Голсуорси, комментарий на английском языке I.R. Gerbatch: количество страниц текста – 293; количество единиц комментария – 503. **Формальный аспект** составляет 75,2% от общего числа единиц комментария (378 единиц), из которых единиц лексико-фразеологического уровня – 251; стилистического – 72; фонологического – 20; морфологического – 30; синтаксического – 5. **Концептуально-содержательный аспект** представлен 125 единицами (24,8% от общего числа единиц комментария), из них универсальных единиц культурологического плана – 40; идиоэтнических – 80; литературоведческий план представлен 5 единицами.

Полученные результаты анализа комментария, составленного на английском языке, показывают, что внимание комментатора сосредоточено на объяснении явлений языкового характера. В частности, большое внимание уделено сленговым выражениям и фразеологическим оборотам:

a flutter – a gambling venture [Galsworthy / Gerbatch 1956: 318];

junk – here: jumble of furniture and knick-knacks [Galsworthy / Gerbatch 1956: 302];

to be up a stump – to be in difficulties [Galsworthy / Gerbatch 1956: 312];

a flat – a duffer [Galsworthy / Gerbatch 1956: 315];

to let fly – to use strong language, to fly into rage [Galsworthy / Gerbatch 1956: 319];

to snoop – to steal [Galsworthy / Gerbatch 1956: 305].

Особое внимание уделяется и выражениям, относящимся к юридической сфере, что объясняется сюжетом романа:

qualifying shares – shares legally entitling one to hold the office of director on the board of a given company [Galsworthy / Gerbatch 1956: 319];

K.C. = King's Counsel – a barrister appointed as counsel to the Crown [Galsworthy / Gerbatch 1956: 301];

seven per cent. preference – nine per cent. ordinary – the high rate of interest paid on the shares of the P.P.R.S. was seven per cent. on preference shares and nine on ordinary shares [Galsworthy / Gerbatch 1956: 303];

one these accounts we couldn't burke this year's dividend – such accounts as had been presented gave the Board no reason to refrain from paying the dividend [Galsworthy / Gerbatch 1956: 305];

financial liability – obligation to cover up losses [Galsworthy / Gerbatch 1956: 304] и т. п.

Вышеперечисленные особенности комментария к данному произведению обусловлены следующими причинами. Во-первых, комментатор рассчитывал на лиц, владеющих английским в достаточной степени, чтобы ориентироваться в толкованиях, предложенных на

иностранном языке. Подтверждением данного вывода служат следующие фрагменты комментария:

Old Dosey Cosey – old milksop. Употребление существительного «*milksop*», не являющегося распространенным и не относящегося к нейтральному стилю, предполагает хорошую степень владения языковым кодом для дешифровки выражения [Galsworthy / Gerbatch 1956: 311];

to scoot – to make off [Galsworthy / Gerbatch 1956: 313]. В данном случае читатель должен знать значение фразеологического оборота «*to make off*» (убегать, удирать), что означает знание разговорной лексики языка, использование же фразеологического оборота, а не общеупотребимого глагола, говорит о нацеленности комментатора на определенную аудиторию.

Во-вторых, включение в затекстовый комментарий меньшего количества единиц концептуально-содержательного аспекта (по сравнению с комментарием на русском языке) говорит об ожидаемом наличии у читателя фоновых знаний лингвокультурного характера. Рассмотрим следующие примеры:

Jack-o'-lantern – here: Lloyd George [Galsworthy / Gerbatch 1956: 301]. Комментатор предполагает, что читатель обладает соответствующими знаниями об этом британском политическом деятеле. Более того, не дается никаких разъяснений относительно коннотативных значений единицы «*Jack-o'-lantern*» при описании данного имени собственного;

those fellows who couldn't get past William Gouldyng Ingerer – the clerks at the Herald's Office who couldn't trace his ancestry beyond William Gouldyng Ingerer [Galsworthy / Gerbatch 1956: 310]. Примечательно полное отсутствие пояснений относительно имени *William Gouldyng Ingerer*, что может представлять лакуну для читателя, не обладающего лингвокультурной информацией по данному вопросу.

В-третьих, логично предположить, что целью комментария, составленного на языке произведения, является пополнение словарного запаса и погружение в языковую среду.

Анализируя репрезентацию языковой личности комментария в лингвистическом гипертексте, следует отметить и такую особенность, как влияние совокупности культурных, идеологических, экономических, политических знаний о мире на представление информации в комментарии. Смена научных парадигм влечет за собой динамичную модификацию информации и информационных потребностей. Согласно определению, предложенному Т. Куном, научная парадигма – это «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений. Парадигма – применимая модель, образец; критерий, который непосредственно подтверждает, что отрасль знаний стала наукой» [Кун 1977: 11]. Глобализация знаний и постоянное обновление идеологических установок влияют на значимость информации, а следовательно, и на объекты, которые попадают в зону комментирования, и на сами комментарии к ним. Так, при комментировании единицы «yellow press» в романе Дж. Голсуорси «Современная комедия. Белая обезьяна» составитель характеризует данный вид прессы как «sensational newspapers of chauvinistic tendencies» [Galsworthy / Gerbatch 1956: 304]. Определение «yellow press», широко принятое в наше время, исключает смысловой оттенок шовинистической направленности (газеты, заинтересованные в сенсациях, особенно касающихся личной жизни знаменитостей):

yellow press – reporters or newspapers engaging in sensational journalism, especially accounts of the private lives of public figures [Oxford Advanced Learner's Dictionary 2010].

В следующем примере комментируемая единица «*soap opera*» изменила свое значение с течением времени и на настоящий момент не только обозначает другую реалию, но и приобрела определенный смысловой оттенок:

soap opera – «парфюмерная» опера: отрывки классической музыки вперемежку с объявлениями торговых фирм – распространенный в

капиталистических странах вид радио- и телевизионной рекламы [Cusack / Головня 1961: 368]. Сравним с определением, представленным в Англо-русском словаре под ред. В.К. Мюллера: *soap opera* – «мыльная опера», многосерийная передача (преимущественно для домохозяек) [Полный англо-русский словарь 2010].

Толкование лексической единицы «*the heroin*» также демонстрирует то, как изменились представления о данном феномене. В настоящее время трудно представить использование героина в качестве лекарства от кашля:

The heroin – героин – наркотик; в медицине применяется как средство, облегчающее дыхание и успокаивающее кашель [Cusack / Головня 1961: 375].

Весьма очевидным является и влияние идеологических установок на характер представления информации в лингвистическом гипертексте. Гипертекст, являющийся посредником между эпохами и культурами, адресован современникам комментатора. Следовательно, информация, представленная в гипертексте, отражает идеологию и мировоззрение того культурно-исторического периода, в котором создается. В идеале гипертекст должен быть лишен личностной обращенности комментатора и оставаться нейтральным во всех аспектах. Однако не исключается ангажированность комментатора, который пытается навязать читателю свою позицию, что чаще продиктовано идеологическими установками исторической эпохи. Так, в комментариях к произведениям, выпущенным в СССР в период с 1960 по 1980 год, нередко прослеживаются попытки оказать влияние на мировоззрение советских читателей:

Would do everything for the Russians – имеются в виду революционные события в России, вызвавшие большой интерес и сочувствие в прогрессивно мыслящих кругах английской интеллигенции [Woolf / Гениева 1984: 381].

Следует отметить и языковую репрезентацию идеологических установок советского времени, которая вербализуется в таких выражениях, как «буржуазный», «буржуазное общество», «советский», «коммунизм», «кризис современной буржуазной цивилизации», «тлетворный коммерческий

дух», «народная революция», «настоящая революционная солидарность», «рабочий класс», «злобный антисоветчик», «антикоммунизм», «красные» и т. п. Так, в следующем примере при определении прилагательного «*square*» комментатор придает ему яркую идеологическую окраску:

square – старомодный, несовременный, буржуазно ограниченный [Fowles / Мурат 1980: 235]. Определение, зафиксированное в Англо-русском словаре под ред. В.К. Мюллера, исключает идеологический подтекст: *square* – традиционный, консервативный, обывательский [Полный англо-русский словарь 2010].

Следующий фрагмент позволяет продемонстрировать изменения политического характера, проявляющиеся в нарастающей политкорректности, присущей нашему времени:

Mac – шутливое обращение к шотландцу или ирландцу [Sarojan / Натан 1975: 446]. Обратившись к современному источнику, мы наблюдаем деградацию лексического значения данной единицы, в настоящее время это выражение не является шутливым, а сопровождается пометой «презрительное»: *Mac* – *презр.* Мак, кличка шотландца [Полный англо-русский словарь 2010].

Создание единого гипертекста, удовлетворяющего требованиям всех эпох и идеально соответствующего любому культурно-историческому периоду, невозможно. Появление новой информации и смена парадигм неизбежно влекут старение информации и, следовательно, старение гипертекста как средства хранения информационных ресурсов. Как было продемонстрировано ранее, наиболее сильно старению подвержены идеологические и аксиологические концепты. Следует отметить, что существуют универсальные категории (библеизмы, географические названия, имена собственные), которые являются культурно стабильными и потому менее всего подвержены модификациям. Комментатор как языковая личность накладывает свой отпечаток на содержание и характер представления информации в лингвистическом гипертексте, включая лингвокультурные

особенности картины мира, к которому он принадлежит, целевые установки и идеологическую ангажированность. Тем не менее задачей составителя лингвистического гипертекста должно быть актуальное отображение объективных закономерностей и явлений реального мира и сокращение дистанции между когнитивными горизонтами адресанта и адресата. Следовательно, важным и неотъемлемым этапом исследования представляется рассмотрение критериев отбора лексических единиц при составлении лингвистического гипертекста.

2.2.4. Критерии отбора лексических единиц при составлении лингвистического гипертекста

Представление той или иной информации в гипертексте напрямую зависит от адресованности исходного художественного текста и нацеленности комментатора на определенную читательскую аудиторию. То, что представлено и не представлено в гипертексте, указывает, на кого рассчитан этот текст и на то, когда и кем текст и гипертекст были созданы. Соответственно, формулировка строгих, фиксированных критериев необходимого и достаточного в гипертексте представляется затруднительной ввиду различной адресованности художественных текстов и гипертекстов к ним. Однако основным принципом составления гипертекста признается представление информации о возможно большем количестве феноменов, при этом комментатору следует избегать толкования того, что уже известно и общедоступно. Проведенный анализ позволяет выделить наиболее универсальные критерии отбора единиц для комментирования, которые целесообразно разделить на формальные и неформальные. К формальным критериям относятся:

1. Частотность употребления лексических единиц. В соответствии с принципами частотной стратификации словарного состава языка, предложенными Л. В. Малаховским, низкочастотными считаются единицы,

встречающиеся не более 10 раз на 1 млн. словоупотреблений [Малаховский 1980: 101]. Частотность лексических единиц проанализированных комментариев устанавливалась в соответствии с частотно-семантическим словарем Э. Торндайка и И. Лорджа. Как показало исследование, большая часть комментируемых единиц являются низкочастотными и характеризуются как малоупотребительные. К низкочастотным единицам можно отнести термины, заимствования, лингвокультурные реалии, имена людей и т. д. Интерпретация низкочастотных слов высокочастотными является неотъемлемым условием составления комментария:

attenuation – gradual disappearance [Galsworthy / Gerbatch 1956: 315];

ratting – informing [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 65];

TB – tuberculosis [Galsworthy / Gerbatch 1956: 310];

tetchy – irritable [Weldon / Хьюитт 1994 / 225];

to knacker – to exhaust [Galsworthy / Gerbatch 1956: 308].

2. Морфологическая структура (полисиллабичность и сложная морфологическая структура комментируемых единиц):

of hornwee – от огорчения, *hornwee* – искаж. фр. *ennui* «скука, огорчение» [Galsworthy / Матвеев 1956: 435];

well-coupled – хорошо сложен [Galsworthy / Матвеев 1956: 427];

unparsonical – необычный для приходского священника [Galsworthy / Матвеев 1956: 418];

imperence – impertinence (дерзость, наглость) [Galsworthy / Матвеев 1956: 420].

3. Развитая многозначность комментируемой единицы. В данную категорию попадают различные идиоматические выражения, фразеологизмы, идиолектическая лексика, авторские неологизмы и т. д. Например:

One pronunciation threw her – ‘threw her’ is an idiom meaning ‘confused, made no sense to her’ (Произношение одного слова смутило ее – «threw her» –

идиоматическое выражение, обозначающее «сбить с толку, быть непонятым») [роман Б. Маклаверти «Ноты Грейс»: комментарии 2012: 33];

going a dander up the road – a dander is a word specific to Ireland, meaning a walk or a stroll («а dander» – слово, характерное для Ирландии, обозначает неторопливую прогулку) [роман Б. Маклаверти «Ноты Грейс»: комментарии 2012: 41];

wee – small, standard in Scotland, common in Ireland («маленький, небольшой» – слово, общепринятое в Шотландии и весьма распространенное в Ирландии) [роман Б. Маклаверти «Ноты Грейс»: комментарии 2012: 15];

such an ivory-tower bunch – scholars whose studies seem remote from ‘ordinary’ life, and who don’t respond to the social exchanges and jokes of ‘ordinary life’ are often described as ‘living in an ivory tower’ («оторванные от реальности ребята», т. е. те, кто не принимает участия в общественной жизни и обычных развлечениях) [роман Б. Маклаверти «Ноты Грейс»: комментарии 2012: 24].

Основная часть комментариев представляет собой разъяснение и описание предметов, явлений и понятий. Нередко случается, что одного перевода или перефразы комментируемой единицы недостаточно, так как это не проясняет ситуации. Обратим внимание на отрывок из произведения Б. Маклаверти «Ноты Грейс»:

– *We’re two of a kind – both of us are a bit thran.*

– *Me? Thran?*

– *Remember you wouldn’t stand for the Hallelujah Chorus?* [MacLavery 1998: 165].

Лексическая единица *thran* не представлена в Англо-русском словаре под ред. В.К. Мюллера, и комментатор счел необходимым разъяснить ее читателю:

thran – an Irish word meaning «stubborn» or «awkward» in refusing to fit in with what is socially expected (*thran* – слово, характерное для Ирландии, обозначает «упрямый, нежелающий соответствовать принятым в обществе нормам поведения») [роман Б. Маклаверти «Ноты Грейс»: комментарии 2012:

38]. Более того, комментатор посчитал нужным продолжить интерпретацию и снабдить читателя лингвокультурным пояснением, необходимым для понимания одного из ключевых моментов произведения: It has been traditional (however ridiculous) to stand up for this chorus. Catherine is making anti-Royalist, anti-English point (Вставить при звуках католического хора является традицией (хотя и нелепой). Катерина демонстрирует неприятие английских, монархических традиций) [там же].

К неформальным критериям отбора лексики мы предлагаем относить следующие:

1. Лингвистическая и профессиональная компетенция адресата (учет его профессиональной заинтересованности, владение определенными навыками, знание терминологии). Приведем пример:

There was an urgency. Not *an* urgency. *Urgency* (здесь сохранено авторское выделение. – М. М.) – An interesting example of the literary use of indefinite articles. ‘An urgency’ sounds strange. Then, by removing this strange indefinite article, MacLaverty creates *Urgency* in its overwhelming force (Интерес представляет стилистическое использование неопределенного артикля в данном примере. Употребление лексической единицы «urgency – срочность, крайняя необходимость» с неопределенным артиклем ‘an’ звучит странно. Убрав неопределенный артикль в последнем предложении, автор подчеркивает особое значение, придаваемое данному слову) [роман Б. Маклаверти «Ноты Грейс»: комментарии 2012: 54].

2. Важность данной лексической единицы для общего понимания абзаца, части, главы, всего произведения. Так, в следующем эпизоде описывается интервью, данное главной героиней, в котором она делится сложностями музыкального творчества:

*One musical idea comes hard on the heels of another. Sometimes I shake when it's going well. But that's rare. **The worst thing** that can happen at a time like this is an interruption. The baby starts crying. The phone rings...* (Одно вдохновение следует за другим. Когда все получается, меня бьет дрожь.

Но это редкость. Самое ужасное, что может случиться – это когда тебя прерывают. Ребенок заплачет. Телефон зазвонит...) [MacLaverly 1998: 251]. Далее по тексту главная героиня раскрывает свои чувства, признаваясь, что во время интервью *she didn't dare mention the worst thing of all* (не смогла назвать самое ужасное, что может случиться). Несмотря на то что данный отрывок не содержит лексических единиц, которые могут спровоцировать фактическое непонимание текста, комментатор отмечает данный эпизод как ключевой для понимания произведения: *she didn't dare mention the worst thing of all – This is a key sentence. The worst thing is not 'an interruption' as she says in the interview, but the inability to compose because of depression* (Это ключевое предложение. Самое ужасное – это не то, «когда тебя прерывают», как героиня сказала в интервью, а неспособность сочинять музыку из-за депрессии) [роман Б. Маклаверти «Ноты Грейс»: комментарии 2012: 56].

Нередко встречается комментирование географических реалий, которые, на первый взгляд, не представляют интереса для читателя, но приводятся в комментариях, т. к. несут в себе дополнительную смысловую нагрузку. В следующем примере толкование названия города Рено приводится исключительно для того, чтобы объяснить читателю, почему герой рассказа произносит следующее: *I was in Reno and I wasn't in Reno for divorce because I wasn't married*:

Reno – Рено, город в штате Невада. В данном контексте важно то, что Рено – единственное место в США, где можно быстро получить развод [Saroyan / Натан 1975: 445].

В нижеприведенном примере комментатор представляет фактическую информацию об имени собственном, но снабжает читателя пояснением, по какой причине упоминание данного имени является существенным именно для данного текста (главная героиня борется с туберкулезом):

Katherine Mansfield – Кэтрин Мэнсфилд (1888–1923), талантливая английская писательница, мастер психологической новеллы; умерла во Франции от туберкулеза [Cusack / Головня 1961: 360]

3. Различие культур и языков адресанта и адресата:

Consulting her catalogue, Sophie saw that it contained something called Cash Cow, 2007. 'Arguably the most daring piece undertaken by a contemporary artist, Cash Cow is a mixed-media piece made from sterling banknotes and lutetium, the rarest metal in the world (symbol Lu, atomic number 71). The materials alone cost in excess of 4 million. "I wanted to challenge people's preconceptions of art", says Liam Hogg [Faulks 2010: 187]. (Заглянув в каталог, Софи прочитала, что там было представлено нечто "Cash Cow 2007". «Возможно, самый смелый шедевр современного художника, "Cash Cow" представляет микс из банкнот стерлинга и лютеция, самого редкого металла в мире (символ Lu, порядковый номер 71). Одни только материалы стоили более 4 млн. "Я хотел избавить людей от предубеждений по поводу искусства", – сказал Лиам Хог).

Автор дает пояснение, объясняя читателю, что собой представляет такое произведение искусства, из какого материала сделано, какова его ценность. Иронию автора заметят только британские читатели, поскольку в их представлении оно вызывает ассоциацию с реалией, что и придает ироничность описанию. Но комментатор, представляя иноязычных гипотетических читателей, посчитал нужным внести пояснение: *Cash Cow 2007 – British readers will recognize the reference to the artist, Damien Hirst, who in June 2007 exhibited a human skull made of platinum and covered with more than 8000 diamonds ("Cash Cow 2007" – британские читатели поймут, что автор высмеивает художника Дамиена Херста, который в 2007 представил на выставке человеческий череп из платины, покрытый более 8000 бриллиантов) [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 36].*

В следующем примере комментатор не разъясняет ситуацию, рассчитывая на близость картины мира предполагаемого адресата (русскоязычного реципиента) и фрагмента картины мира, описанного в тексте: *Too many salt. He eats too many salt. But', she shrugged, 'it's the only thing here cheap.'* Catherine had been warned that the average wage in the

Ukraine was ten dollars a month [MacLaverty 1998: 145]. (Слишком много соли. Он ест слишком много соли. Но, – пожалала она плечами, – это единственное, что здесь дешево. Катерину предупреждали, что средняя зарплата в Украине 10 долларов в месяц).

Комментатор, отбирающий лексику при составлении комментария к тексту, должен в первую очередь исходить из того, на кого рассчитан данный текст. Если автора и адресата разделяет большой промежуток времени, то в комментарий должны отбираться лексические единицы и словосочетания, которые могут вызвать затруднения в понимании из-за того, что они устарели, вышли из общего употребления, утратили часть своих значений или приобрели новые. Так, при комментировании лексической единицы *Lilliburlero* (Лиллибулеро) комментатор не только упоминает, что данная песня звучала в поддержку Вильгельма III и ирландских протестантов, но снабжает читателя информацией, что исполнение данной песни может быть провокационным:

Lilliburlero – a song made popular at the end of the seventeenth century and still sung in support of King William, Irish Protestants and ‘death to the Catholics’. Although outsiders may think this ancient feud is ridiculous, the playing of *Lilliburlero* can still be very provocative [роман Б. Маклаверти «Ноты Грейс»: комментарии 2012: 42]. (Лиллибулеро – популярная в конце 17-го века песня, которую по сей день поют ярые противники католицизма, приверженцы короля Вильгельма и протестантизма. Хотя кто-то может посчитать это и пережитком прошлого, но распевание «Лиллибулеро» все еще является провокационным).

В случае, когда автор текста и адресат разделены географическим и социокультурным пространством, комментатору следует отбирать в комментарий ту лексику, толкование и интерпретация которой позволит сделать эту дистанцию короче. Таким образом, в комментарий попадут слова, обозначающие реалии, т. к. именно они играют большую роль в различии

пространств. Географические и лингвокультурные реалии необходимо комментировать, ибо они представляют собой те лакуны, заполнение которых необходимо для полного понимания текста. Например:

King Billy-goat – King William III. William is often referred to as King Billy, particularly by the Catholics. A male goat is a billy goat [роман Б. Маклаверти «Ноты Грейс»: комментарии 2012: 19]. (*King Billy-goat* – прозвище короля Вильгельма III. Имя Вильгельм часто сокращается до Билли, особенно католиками. Козла-самца часто называют «billy-goat»);

musak – recorded non-serious ‘easy’ music often played in restaurants and hotels [роман Б. Маклаверти «Ноты Грейс»: комментарии 2012: 21];

jaffa cake – the brand name of a kind of soft biscuit [роман Б. Маклаверти «Ноты Грейс»: комментарии 2012: 31].

Информация, которая нуждается в комментировании, относится к различным областям знания и деятельности, и в каждом историческом и культурном пространстве существуют свои критерии относительно того, что является существенным, а что – случайным. Основной функцией комментария является сближение когнитивных баз адресата и адресанта. В процессе чтения иноязычного произведения художественной литературы читатель стремится заполнить лакуны, существующие в его фоновых знаниях и тезаурусе, с помощью комментариев к тексту, в которых содержится подробная информация толковательного плана, снимающая языковые трудности и сокращающая пространственно-временную дистанцию между адресатом и адресантом. Отбор единиц комментария зависит не только от желания комментатора, но и от того, насколько они являются социально значимыми для адресата, содержат ли они новизну, способную расширить его кругозор и повысить образовательный уровень.

2.2.5. Способы передачи значения комментируемых понятий в рамках лингвистического гипертекста

Затекстовый комментарий к каждому произведению может рассматриваться как набор лакун, составляющих часть тезауруса, существующего вне когнитивного пространства адресата и не входящего в его когнитивную базу. Таким образом, лингвистический гипертекст, состоящий из множества комментариев, представляет собой в идеале модель тезауруса, не входящего в когнитивную базу предполагаемого адресата.

Правая часть статьи комментария, т. е. пояснение, призванное нивелировать не только языковые, но и культурные трудности понимания, может вводиться различными способами. В рамках нашего исследования мы предлагаем рассматривать данные способы в соответствии с разграничением комментария на формальный и концептуально-содержательный аспекты.

Как было отмечено ранее, характерной чертой и неотъемлемым условием при составлении комментария является интерпретация низкочастотных слов высокочастотными. Лексические единицы, принадлежащие различным ситуациям общения, стилям, интерпретируются общедоступными словами, заполняя лакуну в тезаурусе адресата. Например, **сленговые выражения и диалектизмы** интерпретируются общелексическими словами:

no slouch of a miracle (sl.) – a miracle of no small importance [Galsworthy / Gerbatch 1956: 315];

to dree one's weirds (Scottish dial.) – to endure one's fate [Galsworthy / Gerbatch 1956: 326];

punk (U.S. sl.) – rot [Galsworthy / Gerbatch 1956: 324].

Иноязычные вкрапления интерпретируются исконной лексикой, как правило, с указанием на язык заимствования. Например:

après (Fr.) – after, then [Galsworthy / Gerbatch 1956: 310];

bibelots (Fr.) – artistic knick-knacks or curios [Galsworthy / Gerbatch 1956: 302];

Термины комментируются с использованием общей лексики:

opus – a Latin word for ‘work’, used for numbering the different works of a composer [роман Б. Маклаверти «Ноты Грейс»: комментарии 2012: 31];

catch – a musical composition in which two or more voices repeatedly sing the same melody, beginning at different times, interweaving one line of the melody with the next [роман Б. Маклаверти «Ноты Грейс»: комментарии 2012: 24];

claustrophobia – morbid fear of being shut in [Galsworthy / Gerbatch 1956: 314].

Слова, принадлежащие к разговорному и книжному стилю речи, интерпретируются нейтральной лексикой:

to make a gaff – to make a gross mistake [Galsworthy / Gerbatch 1956: 326];

a taxi, if one could be procured – a good example of the Prime Minister’s official language; ‘procured’ is the formal word where in daily speech we would use ‘if we could find/get/hail/stop a taxi’ [Harris / Хьюитт 1994: 227];

No party has yet been charged – (legal) ‘No person has yet been arrested’ [Harris / Хьюитт 1994: 227];

knacker – exhaust (colloquial) [MacLaverty / Хьюитт 1994: 222].

Устаревшая лексика поясняется с использованием общеупотребительных слов современного языка:

as panteth the heart after – as the heart yearns after (the obsolete construction is used to suit the form to the idea) [Galsworthy / Gerbatch 1956: 309].

Полисемичные слова и окказиональные употребления слов интерпретируются высокочастотной общеупотребительной лексикой:

they dated – here: they were behind the times [Galsworthy / Gerbatch 1956: 304];

line – here: infantry [Galsworthy / Gerbatch 1956: 302];

chime – in this sense it means ‘fit in with’. The image is of bells chiming together or in the correct sequence [Coe / Хьюитт 1994: 220].

Интерес представляет комментирование лингвокультурных реалий, представляющих риск возникновения коммуникативных сбоев вследствие различия национально-культурных картин мира коммуникантов. Стоит отметить, что данные реалии могут и не представлять языковую сложность для понимания, но нести в себе национально-культурный смысл, без декодирования которого невозможно полное понимание:

seven days a week – it was not against the law to open a shop on Sundays, if it was family-owned and used the family for the work. However, employing people was a more complex matter, though the law has recently changed, and more shops are open on Sundays [Moggach / Хьюитт 1994: 218].

Временная дистанция между автором и читателем обуславливает комментирование устаревшей, вышедшей из употребления лексики, сленговых и разговорных выражений, типичных для описываемого периода, слов и выражений, сменивших свое первоначальное значение с течением времени. Например, в комментарии к рассказу A.S. Wyatt «On the Day that E.M. Forster Died» комментатор указывает на приобретение нового значения прилагательным «gay» и предостерегает читателя от использования данного слова в предшествующем значении:

the adjective 'gay' – the word used to mean 'cheerful, lively'. In the late 1960's it began to be used regularly and openly by homosexuals to describe themselves... Consequently, it is now almost impossible to use the word in its earlier sense [Wyatt / Хьюитт 1994: 19].

Анализируя комментарии, составленные к художественным текстам различной адресованности, следует отметить то, как комментатор представляет информацию. В одних комментариях информация толковательного плана представлена подробно, с элементами стилистического анализа, в других – преобладает описательный перевод. Иногда комментатор лишь отсылает к источнику, предлагая читателю самому сделать логическое заключение, в других случаях комментатор предлагает развернутое объяснение, эксплицируя авторскую интенцию. Мы согласны с

высказыванием Ю.М. Лотмана, как нельзя лучше объясняющим подобное различие: «Факт направленности имеет решающее значение для отбора комментируемых мест текста. Никакой комментарий не может, да и не должен, объяснять все. Объяснять то, что читателю и так понятно, означает, во-первых, бесполезно увеличивать объем книги, а во-вторых, оскорблять читателя уничижительным представлением о его литературном кругозоре. Взрослому человеку и специалисту читать объяснения, рассчитанные на школьника 5-го класса, бесполезно и обидно» [Лотман http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotm_Pusch/index.php]. В следующем примере, взятом из комментария к роману У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!», рассчитанного на элитарную читательскую аудиторию, было бы неуместным ожидать подробного объяснения по поводу сюжетных мотивов «Гамлета» У. Шекспира: *the shadow of that father* – гамлетовский мотив «тени отца» [Faulkner / Долинин 1982: 371]. Однако большинство единиц комментария к данному произведению содержат подробные толкования с элементами лингвостилистического анализа, о чем говорит использование таких терминов, как контаминация, анахронизм, трансформация, реминисценция, эмфатическая инверсия, плеоназм, аллюзия, параллелизм, звуковой повтор, неологизм и т. п.

Подробное толкование единицы комментария представляется и в случае, когда одного перевода приведения полной формы недостаточно для прояснения ситуации, т. к. использовано переносное значение или редкоупотребительное слово:

bart. (сокр.) – *baronet* – первый наследственный дворянский титул в Англии [Galsworthy / Матвеев 1975: 425];

about the second extra – где-то в конце. Речь идет о карточке специального образца, в которую дама на балу вписывала имена кавалеров, пригласивших ее на танец [Galsworthy / Матвеев 1975: 438];

chablis (fr.) – шабли – белое виноградное вино [Galsworthy / Матвеев 1975: 429].

Толкование терминов может также носить односложный характер или, что более распространено, содержать пояснение для читателей, не обладающих специальными знаниями:

terrors – topographic signs showing that the marked territory has not been previously explored and therefore any dangers might be expected [Galsworthy / Gerbatch 1956: 325].

В следующих примерах толкование необходимо, т. к. медицинские термины могут быть неизвестны рядовому читателю:

a lesion (мед.) – зд.: каверна [Cusack / Головня 1961: 366];

thoracoplasty (мед.) – торакопластика; хирургическая операция, заключающаяся в иссечении отрезков нескольких ребер с целью уменьшения объема грудной клетки и сдавления легкого [Cusack / Головня 1961: 369];

effusion – зд.: effusion of blood (мед.) – потеря крови [Cusack / Головня 1961: 364].

Следует отметить и тот факт, что зачастую единицы, представленные в комментариях, могут носить такие пометы, как *зд.*, *мед.*, *жарг.*, *вульг.*, *устар.*, *сленг* и т. д. Сопровождение единицы подобной пометы уже указывает на то, что данная единица является узкоупотребимой и представляет возможную лакуну в тезаурусе адресата.

Примечательно комментирование имен собственных. В некоторых случаях комментатор приводит русскоязычное звучание имени и краткое описание рода занятий:

Gauguin, Paul (1848 – 1903) – French impressionist painter, one of the founders of bourgeois formalistic art [Galsworthy / Gerbatch 1956: 322];

Chopin ('ʃɒpɪn) – Шопен [Galsworthy / Матвеев 1975: 252];

Monet – Клод Моне (1840 – 1926), французский художник-импрессионист [Galsworthy / Матвеев 1975: 249].

Подобная ситуация наблюдается и с комментированием географических названий. В том случае, когда необходима дополнительная

информация о социальной значимости, местоположении объекта, комментатор включает подробное описание:

Covent Garden – a spacious square in London, celebrated for a great market held within it of fruit, vegetables and flowers. The name is a corruption from “Convent Garden”, from its having originally been the garden of the Abbot of Westminster. Covent Garden Theatre is the site of Grand Opera in London [Galsworthy / Gerbatch 1956: 316];

Surrey side – London extends into four counties: Middlesex, Essex, Surrey, and Kent. The Surrey side comes within the boundaries of the East End and is populated by working people [Galsworthy / Gerbatch 1956: 302];

Canary Wharf – the area in London alongside the Thames which is the new ultra-modern business and financial centre [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 31].

В других случаях автор ограничивается отнесением к определенному виду топонимов.

Подобно художественному тексту, который с течением времени, сменой научных парадигм и социально-исторических изменений отдаляется от своего читателя в пространстве и времени, язык комментария также подвержен временным изменениям. Создать комментарий, подходящий для всех времен и рассчитанный на любого читателя, невозможно. В следующих примерах наглядно демонстрируется то, что комментарий является отражением времени и исторического пространства, в котором он написан:

he could not say "Miss Judith" – то есть не мог обратиться к Джудит, как обращаются негры (miss + имя – тип принятого на Юге обращения негра к белой девушке) [Faulkner / Долинин 1982: 368];

gooks – презрительная кличка, данная американцами представителям «желтой расы» [Cusack / Головня 1961: 362].

В данном отрывке употребление слов «негр» и «желтая раса» считалось бы политически некорректным и неприемлемым, если бы комментарий составлялся в наши дни, однако использование данного

слова в 1961 и 1982 гг. не нарушало морально-этических норм.

В следующем отрывке при интерпретации лексической единицы «surf» комментатор дает пояснения, которые сегодняшнему читателю показались бы чрезмерными, т. к. данная единица уже прочно вошла в обиход:

surf (австрал.) – излюбленный вид спорта в Австралии – гонки на водяных лыжах или специальных досках, на которых «скатываются» с гребня океанской волны (высотой полтора-два метра), разбивающейся на расстоянии 100–150 метров от берега. Требуются большое мастерство и умение, чтобы, не потеряв равновесия, «доехать» до берега вместе с волной [Cusack / Головня 1961: 357].

Итак, в нашем исследовании мы провели комплексный анализ гипертекста как лингвокультурного феномена. Основываясь на выводах, полученных в результате изучения и описания структурно-содержательных характеристик формального и концептуально-содержательного аспектов лингвистического гипертекста, способах передачи значения комментируемых понятий, содержательных особенностей комментариев, составленных на иностранном и родном языках реципиента, и критериях отбора лексических единиц при составлении лингвистического гипертекста, мы пришли к следующим выводам:

1. Затекстовый комментарий является эффективным, т. е. элиминирует языковые и культурные лакуны, которые нуждаются в объяснении для достижения полного понимания текста. К таковым относятся:

- названия лингвокультурных реалий, которые являются либо сугубо идиоэтническими и потому неизвестными широкой читательской аудитории, либо представляющими абсолютные культурные лакуны для данной аудитории;

- низкочастотная лексика, слова, употребленные в переносном значении, фразеологические, идиоматические и другие устойчивые словосочетания, разговорные и сленговые выражения;

- аллюзии, цитаты и другие авторские интертекстуальные обращения;
- некоторые группы имен собственных, в особенности если их употребление несет дополнительную смысловую нагрузку (личные имена, названия литературных произведений и фильмов, магазинов и т. д.);
- группы топонимов (названия улиц, районов, городов и т. д.);
- иноязычные вкрапления, которые не являются клишированными и распространенными;
- отклонения от морфологических, грамматических и синтаксических норм, литературную норму которых затруднительно восстановить.

2. На основании проделанного анализа можно утверждать, что в комментарии присутствуют единицы, которые не нуждаются в объяснении, т. к. не являются лакунами и их комментирование излишне. Можно выделить следующие группы подобных единиц:

- единицы, значение которых можно восстановить из контекста;
- единицы, ставшие общеизвестными и распространенными в связи с временными и историческими изменениями;
- лингвокультурные единицы, значения которых известны определенной читательской аудитории, обладающей соответствующими лингвострановедческими знаниями;
- отклонения от морфологических, грамматических и синтаксических норм, литературную норму которых можно легко восстановить.

Выводы по главе 2

В отличие от текста, гипертекст представляет нелинейно организованный объем поликодовой и политематической информации, обладающий текстовыми характеристиками, структурными и функциональными особенностями, интегрирующий непересекающиеся

информационные ресурсы, между которыми могут быть установлены ссылки. Гипертекст, функционирующий в рамках печатного издания художественного текста, рассматривается нами как лингвистический гипертекст, т. е. нелинейно организованный объем политематической информации толковательного плана, вынесенный за рамки основного содержания текста в виде блоков, которые могут быть связаны между собой при помощи ссылок.

Структура и организация гипертекста отражаются на функционировании в нем базовых текстовых категорий. Обладая нелинейным характером, гипертекст проявляет целостность и связность посредством линейного представления информации в рамках гипертекстовой статьи и отображения системы связей между смысловыми единицами исходного текста. В отличие от интертекстуальности, присущей линейному тексту, гипертекстуальность, свойственная гипертексту, подразумевает наличие явных гипертекстовых ссылок и проявляется в нахождении текста во внешнем пространстве по отношению к другому тексту. Открытость, незавершенность и бесконечность гипертекста позволяют читателю выбирать свое начало и конец прочтения, не посягая на свободу читательского восприятия. Такое свойство, как историчность, отражает подверженность гипертекста временным и историческим изменениям, связанным со сменой научных парадигм и идеологических установок.

Основными функциями гипертекста являются сокращение гносеологического расстояния между коммуникантами, согласование тезаурусов адресата и адресанта и вербализация информации, имплицитно заложенной в тексте. Левая часть комментария, т. е. то, что комментируется, определяет тезаурус адресата, а правая часть, т. е. толковательная информация, представляет инструмент заполнения лакун в тезаурусе адресата.

Наличие или отсутствие лингвистического гипертекста к произведению является показателем семантической простоты или сложности комментируемого текста и нацеленности на адресата. Адресованность

гипертекста, указывающая на предполагаемую квалификацию читателя, проявляется в его полноте и элементах художественного текста, попадающих в зону комментирования.

Художественный текст представляет модель картины мира, в которой отражены национально-специфические концепты лингвокультуры автора. Чтобы коммуникация посредством художественного текста была успешной, необходимо чтобы модель мира читателя включала информацию о модели мира автора. Гипертекст выступает как способ сближения картин мира адресата и адресанта, раскрывая сущность национально-специфических понятий и явлений и устраняя множественность интерпретаций.

Мы предположили наличие формального и концептуально-содержательного аспектов единиц комментария с целью проанализировать зависимость совокупного смысла текста от данных контекстов.

К формальному аспекту относятся единицы таких уровней, как фонологический, морфологический, лексико-фразеологический, синтаксический, стилистический. Реципиент всегда ограничен определенными языковыми рамками, и, прежде чем понимать глубинные смыслы, необходимо расшифровать языковой код. Следовательно, присутствие в комментарии единиц формального аспекта неотъемлемо. Следует отметить, что границы отнесения единиц комментария к определенному уровню носят условный характер, т. к. на уровне текста аккумулируются все средства языка.

Концептуально-содержательный аспект подразумевает наличие в комментарии единиц культурологического и литературоведческого планов. Единицы комментария, относимые к культурологической группе, предполагают наличие у реципиента лакун, связанных с разностью культурных картин мира адресанта и адресата. По нашему мнению, именно различие культур, а не языков, является основной причиной коммуникативных сбоев при прочтении художественного текста. Мы разграничиваем единицы культурологического плана, имеющие

универсальный и идиоэтнический характер. Универсальные единицы отражают всеобщие свойства объективного мира, которые не зависят от точки зрения на них со стороны носителей языка. Идиоэтнические единицы имеют субъективно-национальный характер, проистекающий из ментальных и культурных особенностей этноса, создавшего данный язык. Единицы литературоведческого плана представлены языковыми проявлениями интертекстуальности.

Подобный анализ подтверждает гипотезу о том, что лингвистический гипертекст является средством нейтрализации коммуникативных сбоев, вызванных языковыми расхождениями коммуникантов, и коммуникативных сбоев на межкультурном уровне, спровоцированных расхождениями тезаурусов и картин мира продуцента и реципиента.

Количественные показатели отнесения единиц к формальному или концептуально-содержательному аспекту показывают, что наиболее представленными являются единицы лексико-фразеологического уровня и единицы культурологического плана. Данный результат свидетельствует о том, что вышеназванные уровни являются наиболее подверженными возникновению коммуникативных сбоев при восприятии текста реципиентом.

Наиболее распространенными являются поясняемые объекты, выраженные: существительными; именными словосочетаниями, выраженными типовой структурой прилагательное + существительное; именными словосочетаниями, выраженными типовой структурой существительное + существительное; предикативными словосочетаниями; предложениями. Синтагматическая связь поясняемого объекта и пояснения может быть выражена следующими видами отношений: ЛЕ (лексическая единица) – синонимическая ЛЕ; ЛЕ – синонимичное словосочетание; словосочетание – словосочетание; словосочетание – ЛЕ; ЛЕ/словосочетание – орфографически или грамматически правильный вариант; аббревиатура – полный вариант сокращения; предложение – предложение; ЛЕ/словосочетание – предложение; ЛЕ – словосочетание/текст.

В семантическом отношении связь между комментируемым объектом и пояснением основывается на смысловом повторе, а именно на следующих его типах: семантической идентификации, семантической импликации, семантической экспликации.

Формальными критериями отбора единиц при составлении лингвистического гипертекста являются: частотность употребления лексических единиц; морфологическая структура; развитая многозначность комментируемой единицы. К неформальным критериям относятся: лингвистическая и профессиональная компетенция адресата; важность данной лексической единицы для общего понимания абзаца, части, главы, всего произведения; различие культур и языков адресанта и адресата.

Способами передачи значения комментируемых понятий являются интерпретация низкочастотной лексики высокочастотной; иноязычных вкраплений – исконной лексикой; терминов – общедоступной лексикой; устаревшей лексики – общеупотребительной лексикой современного языка; слов иных стилей речи – нейтральной лексикой.

Количественные показатели отнесенности единиц различных комментариев к формальному или концептуально-содержательному аспекту обусловлены адресованностью исходного текста, адресованностью лингвистического гипертекста, целевой установкой комментатора, языком комментария и характером представления информации.

Выявлены следующие группы единиц, нуждающиеся в комментарии:

- названия лингвокультурных реалий, которые являются либо сугубо идиоэтническими и потому неизвестными широкой читательской аудитории, либо представляющими абсолютные культурные лакуны для данной аудитории;
- низкочастотная лексика: слова, употребленные в переносном значении, фразеологические, идиоматические и другие устойчивые словосочетания, разговорные и сленговые выражения;

- аллюзии, цитаты и другие авторские интертекстуальные обращения;
- некоторые группы имен собственных, в особенности если их употребление несет дополнительную смысловую нагрузку (личные имена, названия литературных произведений и фильмов, магазинов и т. д.);
- группы топонимов (названия улиц, районов, городов и т. д.);
- иноязычные вкрапления, которые не являются клишированными и распространенными;
- отклонения от морфологических, грамматических и синтаксических норм, литературную норму которых затруднительно восстановить.

Комментирование следующих групп единиц комментария излишне и не представляет необходимости:

- единицы, значение которых можно восстановить из контекста;
- единицы, ставшие общеизвестными и распространенными в связи с временными и историческими изменениями;
- лингвокультурные единицы, значение которых известно определенной читательской аудитории, обладающей соответствующими лингвострановедческими знаниями;
- отклонения от морфологических, грамматических и синтаксических норм, литературную норму которых можно легко восстановить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иноязычный художественный текст является важным элементом межкультурной коммуникации, успешность которой определяется эффективностью взаимопонимания в системе автор – читатель.

Понимание рассматривается как иерархический процесс, требующий согласования тезаурусов коммуникантов. Принадлежность к разным лингвокультурам результативна в разности тезаурусов и объемов фоновых знаний. То, что не является в тексте общепонятным, связано либо с эпохой, либо с национальной спецификой коннотаций и ассоциативных связей лексических единиц. Основная причина непонимания кроется в разности национальных сознаний адресанта и адресата. В случае лингвокультурных и языковых расхождений адресата и адресанта процесс понимания осложняется появлением лакун в тезаурусе адресата, что приводит к коммуникативным сбоям на различных уровнях речевого произведения.

Мы определяем коммуникативный сбой, возникающий в процессе межкультурной коммуникации, опосредованной художественным текстом, как частичное или неполное понимание реципиентом авторской интенции, пресуппозиций автора и интертекстуальных включений. Вербальная и невербальная репрезентация коммуникативных сбоев в художественном тексте подразумевает наличие эксплицитно и имплицитно выраженных маркеров, а именно глаголов прямой номинации ситуации непонимания (глагол *understand* и его синонимы) и косвенных форм выражения непонимания, таких как речевые акты уточнения, удивления, раздражения, молчания.

Коммуникативные сбои, возникающие в процессе чтения текста, как частичное или неполное понимание реципиентом авторской интенции, пресуппозиций автора и интертекстуальных включений, имеют лингвистические и экстралингвистические причины. К лингвистическим причинам относятся: языковая компетенция реципиента, т. е. объем и

характер тезауруса и фоновых знаний, степень владения языковым кодом; понятность текста, которая проявляется в степени семантической напряженности текста (сложность/простота композиционно-синтаксической структуры, степень выраженности имплицитно заложенных смыслов, референтная многозначность/однозначность лексических единиц, насыщенность текста иноязычными вкраплениями, сокращениями, именами собственными, лингвокультурными реалиями). Экстралингвистические причины подразумевают расхождения в картинах мира коммуникантов, т. е. разность социального опыта, пространственную и временную отдаленность, принадлежность разным лингвокультурам). Полнота понимания текста определяется количеством уровней, обеспечивающих элиминирование коммуникативных сбоев, вызванных лакунами в тезаурусе адресата.

Лингвистический гипертекст, как нелинейно организованный объем политематической информации толковательного плана, вынесенный за рамки основного содержания текста в виде блоков, которые могут быть связаны между собой при помощи ссылок, рассматривается как средство преодоления коммуникативных сбоев лингвистического и экстралингвистического характера, возникающих на различных уровнях речевого произведения. Лингвистический гипертекст способствует сближению картин мира продуцента и реципиента, устраняя множественность интерпретаций. В качестве лингвистического гипертекста мы рассматриваем затекстовые комментарии к англоязычным художественным текстам.

Необходимость учета лингвистического и экстралингвистического контекстов для успешного понимания текста обосновывает нашу гипотезу о наличии формального и концептуально-содержательного аспектов лингвистического гипертекста. Единицы формального аспекта направлены на элиминирование лакун, вызванных языковыми расхождениями адресата и адресанта. Подобные расхождения могут провоцировать коммуникативные сбои на фонологическом, морфологическом, лексико-фразеологическом, синтаксическом и стилистическом уровнях текста. Концептуально-

содержательный аспект представлен единицами культурологического и литературоведческого планов, призванными нейтрализовать коммуникативные сбои, причиной которых являются лакуны, связанные с несовпадением культурных картин мира коммуникантов. Факторами, определяющими количество единиц, относимых к формальному или концептуально-содержательному аспектам, являются адресованность исходного текста, адресованность лингвистического гипертекста, целевая установка комментатора, язык комментария и характер представления информации.

На основе проведенного анализа можно выделить уровни и аспекты текста, наиболее подверженные возникновению коммуникативных сбоев при восприятии текста реципиентом, а именно лексико-фразеологический и стилистический уровни и единицы культурологического плана текста.

Способ элиминирования лакун определяется синтагматическими и семантическими отношениями между поясняемым объектом и пояснением, основанными на смысловом повторе (семантической идентификации, семантической импликации, семантической экспликации).

Проведенное исследование позволяет выделить группы единиц, необходимых для включения в комментарий, и группы единиц, загромождающих комментарий и не выполняющих своей функции по восполнению лакун в тезаурусе адресата.

Не нуждаются в комментировании:

- единицы, значение которых можно восстановить из контекста;
- лексические единицы, ставшие общеизвестными и распространенными в связи с временными и историческими изменениями;
- лингвокультурные единицы, значение которых известно определенной читательской аудитории, обладающей соответствующими лингвострановедческими знаниями.

Нуждаются в комментировании:

- идиоэтнические лингвокультурные реалии, представляющие абсолютные культурные лакуны;
- низкочастотная лексика: слова, употребленные в переносном значении, фразеологические, идиоматические и другие устойчивые словосочетания, разговорные и сленговые выражения;
- авторские интертекстуальные обращения;
- имена собственные, имеющие сложную имплицитную нагрузку;
- группы топонимов;
- иноязычные вкрапления, не являющиеся клишированными и распространенными;
- морфологические, грамматические и синтаксические отклонения, норму которых трудно восстановить.

Многоаспектность проблемы понимания заслуживает внимания многих исследователей. Множественность интерпретаций текста и возможность возникновения коммуникативных сбоев в процессе его восприятия неизбежны, но неоднозначность понимания текста является не недостатком, а стартовой площадкой для новых прочтений и интерпретаций речевых произведений. Такие проблемы, как анализ коммуникативных сбоев в процессе межкультурной художественной коммуникации, изменение позиции автора и читателя в гипертекстовом пространстве, могут составить предмет отдельных исследований. Очевидно, что специфика гипертекста как когнитивно-коммуникативной единицы и новые формы авторской и читательской деятельности, вызванные изменениями в представлении информации, заслуживают дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврорин, В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка [Текст] / В. А. Аврорин. – Ленинград : Наука, 1975. – 276 с.
2. Амосова, Н. Н. Английская контекстология [Текст] / Н. Н. Амосова – Ленинград : Б. и., 1968. – 105 с.
3. Андреев, А. Литература без бумаги [Электронный ресурс] / А. Андреев // Мир Internet. – 1999. – № 1. – Режим доступа: <http://net.cl.spb.ru/frog/cyberlit.htm>
4. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира [Текст] / Ю.Д. Апресян // Семиотика и информатика. – Москва, 1986. – Вып. 28. – С. 272 – 298.
5. Апресян, Ю. Д. Значение и оттенок значения [Текст] / Ю.Д. Апресян // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Москва, 1974. – Т. XXXII, вып. 4. – С. 320-330.
6. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка [Текст] / И. В. Арнольд. – Москва : Изд-во лит. на иностр. языках, 1959. – 351 с.
7. Арнольд, И. В. Объективность, субъективность и предвзятость в интерпретации художественного текста [Текст] / И. В. Арнольд // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. / И. В. Арнольд. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 341-350.
8. Арнольд, И. В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста) [Текст] : лекции к спецкурсу / И. В. Арнольд. – Санкт-Петербург : Образование, 1997. – 159 с.
9. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность [Текст]: сб. ст. / И. В. Арнольд; науч. ред. П. Е. Бухаркин. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1999. – 444 с.
10. Арнольд, И. В. Стилистика декодирования [Текст] / И. В. Арнольд. – Ленинград : Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1974. – 76 с.

11. Арутюнова, Н. Д. Дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва, 1990. – С. 136-137.
12. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд. – Москва : Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
13. Ахманова, О. С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема [Текст] / О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 47-54.
14. Барст, О. В. Структурно-семантические особенности организации гипертекстового нарратива (на материале гиперромана М. Джойса «Twelve Blue») [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Барст Ольга Владимировна; РГПУ им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2005. – 182 с.
15. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика [Текст] / Р. Барт. – Москва : Прогресс, 1994. – 616 с.
16. Барт, Р. S/Z. [Текст] : пер. с фр. / Р. Барт; под ред. Г. К. Косикова. – 2-е изд., испр. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
17. Бахтин, М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. Бахтин. – 5-е изд., доп.– Киев, НЕХТ, 1994. – 508 с.
18. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров [Текст] / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – Москва, 1979. – С. 237-280.
19. Бахтин, М. М. Человек в мире слова [Текст] / М. М. Бахтин. – Москва : Наука, 1995. – 140 с.
20. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1979. – 424 с.
21. Белянин, В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста [Текст] / В. П. Белянин. – Москва : Изд-во МГУ, 1988. – 121 с.
22. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртонэ, 1998. – 360 с.
23. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики [Текст] / М. Я. Блох. – 4-е изд., испр. – Москва : Высш. шк., 2005. – 239 с.

24. Богин, Г. И. Обретение способности понимать : введение в филологическую герменевтику [Текст] / Г. И. Богин. – Москва : Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. – 516 с.
25. Борисова, Е. Б. Художественный образ в английской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод [Текст] : автореф. ... дис. д-ра филол. наук / Е. Б. Борисова. – Самара, 2010. – 42 с.
26. Брудный, А. А. К проблеме понимания текста [Текст] / А. А. Брудный // Исследование речемыслительной деятельности. – Алма-Ата, 1974. – С. 85-91.
27. Брудный, А. А. Понимание и текст [Текст] / А. А. Брудный // Загадка человеческого понимания. – Москва, 1991. – С. 114-129.
28. Брудный, А. А. Понимание как философско-психологическая проблема [Текст] / А. А. Брудный // Вопросы психологии. – 1975. – № 10. – С. 109-117.
29. Брудный, А. А. Психологическая герменевтика [Текст] / А. А. Брудный. – Москва : Лабиринт, 1998. – 336 с.
30. Брутян, Г. А. Язык и картина мира [Текст] / Г. А. Брутян // Философские науки. – 1973. – Вып. 1. – С. 84-97.
31. Валгина, Н. С. Теория текста [Текст] : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 173 с.
32. Васильев, С. А. Синтез смысла при создании и понимании текста: философские проблемы [Текст] / С. А. Васильев. – Киев : Наук. думка, 1988. – 240 с.
33. Верещагин, Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Рус. яз., 1990. – 246 с.
34. Визель, М. Гипертексты по ту и эту сторону экрана [Электронный ресурс] / М. Визель // Иностранная литература. – 1999. – № 10. – Режим доступа : <http://www.netslova.ru/viesel/visel-ht.html>

35. Визель, М. Поздние романы Итало Кальвино как образцы гипертекста [Электронный ресурс] / М. Визель. – Режим доступа : http://spintongues.vladivostok.com/calvino.html#_Тoc431103381

36. Воробьева, О. П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста : (одноязычная и межъязыковая коммуникация) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / Воробьева Ольга Петровна. – Москва, 1993. – 382 с.

37. Гальперин, И. Р. Относительно употребления терминов «значение», «смысл», «содержание» в лингвистических работах [Текст] / И. Р. Гальперин // Филологические науки. – 1982. – № 5. – С. 34-43.

38. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка [Текст] / И. Р. Гальперин. – Москва : Наука, 1958. – 340 с.

39. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – Москва : Наука, 1981. – 140 с.

40. Городецкий, Б. Ю. К типологии коммуникативных неудач [Текст] / Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. – Новосибирск, 1985. – С. 64-78.

41. Городецкий, Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения [Текст] / Б. Ю. Городецкий // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Наука, 1989. – Вып. 24. – С. 5-31.

42. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры [Текст] / В. фон Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 1984. – 450 с.

43. Давыдова, К. В. Гипертекстуальность как свойство художественного текста [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Давыдова Кира Валерьевна. – Армавир, 2006. – 205 с.

44. Дедова, О. В. Лингвосомиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Дедова Ольга Викторовна. – Москва, 2006. – 52 с.

45. Дедова, О. В. Лингвистическая концепция гипертекста: основные понятия и терминологическая парадигма [Текст] / О. В. Дедова // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. – 2001. – № 4. – С. 22-36.

46. Дедова, О. В. О гипертекстах: книжных или электронных [Текст] / О. В. Дедова // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. – 2003. – № 3. – С. 115-130.
47. Дейк, Т. А. ван. К определению дискурса [Электронный ресурс] / Т. А. ван Дейк. – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>
48. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
49. Деррида, Ж. О грамматиологии [Текст] / Ж. Деррида; пер. с фр. и вступ. ст. Наталии Автономовой – Москва : AD Marginem, 2000. – 512 с.
50. Дмитриовская, М. А. Механизм понимания и употребление глагола «понимать» [Текст] / М. А. Дмитриовская // Вопросы языкознания. – 1985. – № 3. – С. 98-107.
51. Дридзе, Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии [Текст] / Т. М. Дридзе // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 145-152.
52. Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации : проблемы семиосоциопсихологии [Текст] / Т. М. Дридзе; отв. ред. И. Т. Левыкин. – Москва : Наука, 1984. – 268 с.
53. Дридзе, Т. М. Язык и социальная психология [Текст] / Т. М. Дридзе. – Изд. 2-е, доп. – Москва : Либроком, 2009. – 224 с.
54. Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.) [Текст] / М. Я. Дымарский. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та, 1999. – 284 с.
55. Ермакова, О. Н. К построению типологии коммуникативных неудач [Текст] / О. Н. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – Москва, 1993. – С. 30-64.

56. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения [Текст] / А. Б. Есин. – 3-е изд. – Москва: Флинта; Наука, 2000. – 248 с.
57. Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи [Текст] / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26-38.
58. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации [Текст] / Н. И. Жинкин. – Москва : Наука, 1982. – 155 с.
59. Жинкин, Н. И. Язык. Речь. Творчество [Текст] : избр. тр. / Н. И. Жинкин. – Москва : Лабиринт, 1998. – 368 с.
60. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику [Текст] / А. А. Залевская. – Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. – 560 с.
61. Залевская, А. А. Слово в лексиконе человека : психолингвист. исслед. [Текст] / А. А. Залевская. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 204 с.
62. Залевская, А. А. Текст и его понимание [Текст] / А. А. Залевская. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 177 с.
63. Залевская, А. А. Текст как психолингвистическая реальность [Текст] / А. А. Залевская. – Москва : Просвещение, 1988. – 320 с.
64. Звегинцев, В. А. Мысли о лингвистике [Текст] / В. А. Звегинцев. – Москва : Изд-во МГУ, 1996. – 336 с.
65. Звегинцев, В. А. Язык и лингвистическая теория [Текст] / В. А. Звегинцев. – 2-е изд. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с.
66. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи [Текст] / В. А. Звегинцев. – Москва : Изд-во МГУ, 1976. – 307 с.
67. Зимняя, И. А. К вопросу о восприятии речи [Текст] : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Зимняя Ирина Алексеевна. – Москва, 1961. – 17 с.
68. Зимняя, И. А. Лингвопсихология речевой деятельности [Текст] : избр. психол. тр. / И. А. Зимняя. – Москва : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2001. – 432 с.

69. Зимняя, И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения [Текст] / И. А. Зимняя // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – Москва, 1976. – С. 9-21.

70. Зыкова, Е. В. Организация гипертекста в сети Интернет (на материале англоязычных сайтов) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Зыкова Елена Владимировна. – Санкт-Петербург, 2006. – 19 с.

71. Иванищева, О. Н. Язык и культура [Текст] : учеб. пособие / О. Н. Иванищева. – Мурманск : МГПУ, 2007. – 191 с.

72. Ильина, И. А. Особенности проявления текстовых категорий в гипертексте [Текст] / И. А. Ильина. – Москва : Вестник, 2005. – 56 с.

73. Каган, М. С. Мир общения : проблемы межсубъектных отношений [Текст] / М. С. Каган. – Москва : Политиздат, 1988. – 315 с.

74. Кайда, Л. Г. Стилистика текста: от теории композиции – к декодированию [Текст] : учеб. пособие / Л. Г. Кайда. – Москва : Флинта; Наука, 2004. – 208 с.

75. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

76. Ключкова, Е. С. Субстантивные гиперссылки как средство расширения тезауруса и создания ассоциативного поля [Текст] / Е. С. Ключкова // Гипертекст как объект лингвистического исследования. – Самара, 2010. – С. 67-85.

77. Ковалева, Н. Ф. Комментарии к художественному тексту как лингвистический гипертекст [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Ковалева Наталья Федоровна. – Самара, 2004. – 181 с.

78. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке [Текст] / Г. В. Колшанский; отв. ред. А. М. Шахнарович; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1990. – 103 с.

79. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка [Текст] / Г. В. Колшанский. – Москва : Наука, 1984. – 175 с.

80. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика [Текст] / Г. В. Колшанский. – Москва : Наука, 1980. – 149 с.

81. Колшанский, Г. В. О природе контекста [Текст] / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1959. – № 4. – С. 47-53.
82. Колшанский, Г. В. О языковом механизме порождения текста [Текст] / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1983. – № 3. – С. 44-51.
83. Кошечая, И. Г. Textoобразующие структуры языка и речи [Текст] / И. Г. Кошечая. – Москва : МГПИ им. В.И. Ленина, 1983. – 169 с.
84. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) [Текст] : моногр. / В. В. Красных. – Москва : Диалог; МГУ, 1998. – 352 с.
85. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации [Текст] / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2001. – 269 с.
86. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В. В. Красных. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
87. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог, роман [Текст] / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. – Москва, 2000. – С. 427-457.
88. Кубрякова, Е. С. Текст – проблемы понимания и интерпретации [Текст] / Е. С. Кубрякова // Семантика целого текста. – Москва : 1987. – С. 93-104.
89. Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание [Текст] / В. Г. Кузнецов. – Москва : Изд-во МГУ, 1991. – 192 с.
90. Кузнецов, В. Г. К проблеме взаимодействия устного и письменного текстов [Текст] / В. Г. Кузнецов // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – Санкт-Петербург, 1993. – С. 91-100.
91. Культура русской речи и эффективность общения [Текст] / отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяева. – Москва : Наука, 1996. – 439 с.
92. Кун, Т. Структура научных революций [Текст] / Т. Кун; пер. с англ. И. З. Налетова. – Москва : АСТ, 2009. – 311 с.
93. Купер, И. Р. Гипертекст как способ коммуникации [Электронный ресурс] / И. Р. Купер. – Режим доступа :<http://www.nir.ru/sj/sj/sj1-2-00kuper.html>

94. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста [Текст] / В. А. Кухаренко. – Ленинград : Просвещение, 1979. – 327 с.
95. Лазарев, А. В. Прямономинативные и косвеннономинативные средства выражения понимания и непонимания (на материале английского и русского языков) [Текст] / А. В. Лазарев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – Санкт-Петербург, 2007. – № 22 (53). – С. 148-151.
96. Лазуткина, Е. М. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приемы [Текст] / Е. М. Лазуткина // Культура русской речи : учеб. для вузов. – Москва, 1998. – С. 50-79.
97. Леонтьев, А. А. Внутренняя речь и процессы грамматического порождения речевого высказывания [Текст] / А. А. Леонтьев // Вопросы порождения речи и обучения языку. – Москва, 1967. – С. 6-16.
98. Леонтьев, А. А. Общение как объект психолингвистических исследований [Текст] / А. А. Леонтьев // Методологические проблемы социальной психологии. – Москва, 1983. – С. 5-20.
99. Леонтьев, А. А. Понятие текста в современной лингвистике и психологии [Текст] / А. А. Леонтьев // Психологическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Москва, 1979. – С. 14-50.
100. Леонтьев, А. А. Признаки связности и цельности текста [Текст] / А. А. Леонтьев // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – Москва, 1976. – Вып. 103. – С. 60-70.
101. Леонтьев, А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания [Текст] / А. А. Леонтьев. – Москва : Наука, 1969. – 307 с.
102. Лотман, Ю. М. Избранные статьи [Текст] / Ю. М. Лотман. Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 129-132.
103. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров [Текст] / Ю. М. Лотман // Семиосфера / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 150-390.

104. Лотман, Ю. М. История и типология русской культуры : семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения [Текст] / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2004. – 765 с.
105. Лотман, Ю. М. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» [Электронный ресурс] / Ю. М. Лотман. – Ленинград : Просвещение, 1980. – Режим доступа : <http://litfile.net/web/146316/134894-136118>
106. Лотман, Ю. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки [Электронный ресурс] / Ю. Лотман. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotm_Pusch/index.php
107. Лотман, Ю. М. Текст в тексте [Текст] / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. Т. 14, вып. 567. Труды по знаковым системам. Текст в тексте. – Тарту, 1981. – С. 3-17.
108. Лукин, В. А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа [Текст] / В. А. Лукин. – Москва : Ось-89, 1999. – 192 с.
109. Лурия, А. Р. Язык и сознание [Текст] / А. Р. Лурия. – Москва : Изд-во МГУ, 1979. – 246 с.
110. Малаховский, Л. В. Принципы частотной стратификации словарного состава языка [Текст] / Л. В. Малаховский // Статистика речи и автоматический анализ текста. – Ленинград, 1980. – С. 99-105.
111. Мартынова, Е. М. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Мартынова Елена Михайловна. – Орел, 2000. – 229 с.
112. Масалова, М. В. Гипертекстуальность как имманентная текстовая характеристика [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Масалова Мария Валерьевна. – Ульяновск, 2003. – 123 с.
113. Махов, А. С. Типология художественных гипертекстов на основе немецкоязычных интернет-сайтов [Текст] : автореф. дис...канд. филол. наук / Махов Алексей Сергеевич. – Москва, 2010. – 26 с.

114. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика [Текст] / Н. Б. Мечковская. – Москва : Просвещение, 1994. – 300 с.
115. Минеева, М.В. Лингвистический гипертекст как средство преодоления коммуникативных сбоев при понимании англоязычных художественных текстов [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Минеева Мария Владимировна. – Челябинск, 2015. – 208 с.
116. Михалева, И. М. Текст в тексте: психолингвистический анализ [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Михалева Ирина Михайловна. – Москва, 1989. – 24 с.
117. Николаева, Т. М. О принципе «некооперации» или категориях социолингвистического воздействия [Текст] / Т. М. Николаева // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста. – Москва, 1990. – С. 225-231.
118. Никонов, В. М. Проблема динамики коннотации и ее микрокомпонентов в триаде текст–дискурс–картина мира [Текст] / В. М. Никонов // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 1. – С. 95-100.
119. Новиков, А. И. Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста [Текст] / А. И. Новиков // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – Москва, 1982. – С 23-45.
120. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация [Текст] / А. И. Новиков. – Москва : Наука, 1983. – 214 с.
121. Новиков, А. И. Смысл текста как результат его понимания [Текст] / А. И. Новиков // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 2-4 июня 1997 г. – Москва, 1997. – С. 113-114.
122. Новиков, А. И. Смысл: семь дихотомических признаков [Электронный ресурс] / А. И. Новиков. – Режим доступа : http://www.bimbad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=875&binn_rubrik_pl_articles=121

123. Новиков, А. И. Семантические расстояния в языке и тексте [Текст] / А. И. Новиков; отв. ред. В. Н. Телия; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1990. – 135 с.

124. Остин, Дж. Как совершать действия при помощи слов [Электронный ресурс] / Дж. Остин. – Режим доступа : <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000713/st000.shtml>.

125. Панфилова, С. С. Смысловая структура англоязычного художественного текста в аспекте гипертекстуальности [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Панфилова Серафима Сергеевна. – Москва, 2009. – 21 с.

126. Паули, Ю. С. Об анафорическом способе развертывания личностного замысла [Текст] / Ю. С. Паули // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности : XV Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации : тез. докл., Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г. – Калуга, 2006. – С. 214-215.

127. Попова, З. Д. Общее языкознание [Текст] : учеб. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: АСТ: Восток - Запад, 2007. — 408 с.

128. Потебня, А. А. Из записок о теории словесности [Текст] : фрагменты / А. А. Потебня // Слово и миф / Потебня А. А. – Москва, 1989. – С. 249-252, 256-260.

129. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в межкультурной коммуникации [Текст] / Ю. Е. Прохоров // Функциональные исследования : сб. ст. по лингвистике. – Москва, 1997. – Вып. 4. – С. 5-21.

130. Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени [Текст] / С. А. Рейсер. – Москва : Просвещение, 1970. – 335 с.

131. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике [Электронный ресурс] / П. Рикер. – Режим доступа: <http://fanread.ru/book/6686672/#read>

132. Рогожникова, Т. М. Ассоциативные проекции слова и текста [Текст] / Т. М. Рогожникова // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – Москва, 1997. – С. 133-134.

133. Рязанцева, Т. И. Теория и практика работы с гипертекстом [Текст] / Т. И. Рязанцева. – Москва : Академия, 2008. – 203 с.

134. Сахарный, Л. В. Текст. Мозг. Образ мира [Текст] / Л. В. Сахарный // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – Москва, 1997. – С. 140-141.

135. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю. С. Степанов. – 2-е изд. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с.

136. Стройков, С. А. К вопросу о жанровой классификации электронных гипертекстов [Текст] / С. А. Стройков // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф. – Самара, 2007. – С. 315-330.

137. Стройков, С. А. Лингвопрагматические характеристики англоязычного электронного лексикографического гипертекста [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Стройков Сергей Александрович. – Самара, 2008. – 23 с.

138. Стройков, С. А. Основные понятия лингвистической концепции электронного лексикографического гипертекста [Текст] / С. А. Стройков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, 2010. – Т. 12, № 5 (3). – С. 808-811.

139. Субботин, М. М. Гипертекст. Новая форма письменной коммуникации [Текст] / М. М. Субботин // Итоги науки и техники. Серия : Информатика. – Москва, 1994. – Т. 18. – 158 с.

140. Субботин, М. М. Теория и практика нелинейного письма [Текст] / М. М. Субботин // Вопросы философии. – 2001. – № 5. – С. 35-48.

141. Сусов, И. П. Введение в теоретическое языкознание [Текст] : модуль 7. Язык в отношении к обществу / И. П. Сусов. – Москва : Диалог, 1999. – 500 с.

142. Сусов, И. П. О двух путях исследования содержания текста [Текст] / И. П. Сусов // Значение и смысл речевых образований. – Калинин, 1979. – С. 90-103.
143. Сыщикова, Е. В. Поиск сущности языка [Текст] / Е. В. Сыщикова // Активные процессы в языке и речи : сб. науч. тр. – Саратов, 1991. – С. 24-28.
144. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание и образ мира [Текст] / Е. Ф. Тарасов // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – Москва, 1997. – С. 3-10.
145. Текст как явление культуры [Текст] / Антипов Г. А., Донских О. А., Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1989. – 197 с.
146. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово, 2000. – 261 с.
147. Томашевский, Б. Теория литературы [Текст] : учеб. пособие / Б. Томашевский. – Москва : Аспект-Пресс, 2002. – 303 с.
148. Уорф, Б. Л. Наука и языкознание [Текст] / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – Москва, 1960. – Вып. 1. – С. 169-182.
149. Учебный тезаурус [Текст] : метод. рекомендации для преподавателей и студентов старших курсов англ. отд-ния фак. иностр. яз. / Шехтман, Н. А., Егоров А. О., Темкина В. Л., Фролова Т. В. – Оренбург : Б. и., 1987. – 14 с.
150. Ушакова, Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования [Текст] / Т. Н. Ушакова // Языковое сознание и образ мира : сб. ст. – Москва, 2000. – С. 13-23.
151. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности [Текст] / Н. А. Фатеева. – Москва : Кн. дом "ЛИБРОКОМ", 2012. – 280 с.
152. Филиппов, В. С. Текст: на все четыре стороны [Текст] / В.С. Филиппов // Чествуя филолога (К 75-летию Ф. А. Литвина). – Орел, 2002. – С. 66-74.

153. Фуко, М. Что такое автор? [Текст] / М. Фуко // Воля в истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – Москва, 1996. – С. 7-46.
154. Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер // Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер. – Москва, 1993. – С. 9-23.
155. Хартунг, Ю. Гипертекст как объект лингвистического анализа [Текст] / Ю. Хартунг, Е. Брейдо // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. – 1996. – № 3. – С. 61-76.
156. Хухуни, Г. Т. Художественный текст как объект межкультурной и межъязыковой адаптации [Текст] / Г. Т. Хухуни // Этнокультурная специфика языкового сознания. – Москва, 1996. – С. 206-214.
157. Чаковская, М. С. Текст как сообщение и воздействие [Текст] / М. С. Чаковская. – Москва : Высш. шк., 1986. – 128 с.
158. Шабес, В. Я. Событие и текст [Текст] : монография / В. Я. Шабес. – Москва : Высш. шк., 1989. – 175 с.
159. Шахнарович, А. М. Языковая личность и языковая способность [Текст] / А. М. Шахнарович // Язык - система. Язык - текст. Язык - способность. – Москва, 1995. – С. 213-223.
160. Шеина, И. М. Межкультурная коммуникация как проявление лингвистического и культурного опыта [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Шеина Ирина Михайловна. – Москва, 2010. – 50 с.
161. Шехтман, Н. А. Концептуальная структура слова и контекст [Текст] / Н. А. Шехтман // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 1983. – С. 5-10.
162. Шехтман, Н. А. Лексическое значение слова в толковом и идеографическом словаре [Текст] / Н. А. Шехтман // Значение слова и его варьирование в тексте : сб. науч. тр. – Волгоград, 1987. – С. 25-28.
163. Шехтман, Н. А. О границах контекста [Текст] / Н. А. Шехтман // Интерпретация художественного текста в языковом вузе : сб. науч. тр. – Ленинград, 1981. – С. 176-180.

164. Шехтман, Н. А. Об одном принципе расширения и углубления тезауруса [Текст] / Н. А. Шехтман // Научно-техническая информация. Сер. 2 / ВИНТИ. – Москва, 1981. – № 7. – С. 10-12.

165. Шехтман, Н. А. Понимание речевого произведения и гипертекст [Текст] : монография / Н. А. Шехтман. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2005. – 168 с.

166. Шехтман, Н. А. Семантическая редупликация и проблема тезауруса [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / Шехтман Нахим Абрамович. – Ленинград, 1977. – 324 с.

167. Шехтман, Н. А. Семантическая редупликация: избыточность или экономия? [Текст] / Н. А. Шехтман // Лексикологические основы стилистики. – Ленинград, 1973. – С. 76-180.

168. Шехтман, Н. А. Системность лексики и семантика слова [Текст] : учеб. пособие к спецкурсу / Н. А. Шехтман; науч. ред. М. А. Кулинич; Куйбышев. гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева. – Куйбышев : Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1988. – 84 с.

169. Шехтман, Н. А. Стереотипы семантической сочетаемости низкочастотной лексики и их отражение в учебном словаре [Текст] / Н. А. Шехтман, В. М. Мошкович // Квантитативные методы отбора учебного материала по иностранному языку для неязыкового вуза : сб. науч. тр. – Свердловск, 1988. – С. 112-118.

170. Шехтман, Н. А. Тезаурус – форма представления семантической информации [Текст] / Н. А. Шехтман // Научно-техническая информация. Сер. 2 / ВИНТИ. – Москва, 1973. – № 2. – С. 25-27.

171. Шехтман, Н. А. Эволюция парадигм и предоставление информации в гипертексте [Текст] / Н. А. Шехтман // Гипертекст как объект лингвистического исследования. – Самара, 2013. – С. 157-163.

172. Шмелёв, А. Д. Парадокс самофальсификации [Текст] / А. Д. Шмелев // Логический анализ языка : сб. науч. тр. – Москва, 1990. – С. 83-93.

173. Щирова, И. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация [Текст] : учеб. пособие / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. – Санкт-Петербург : Кн. дом, 2007. – 472 с.

174. Эко, У. Роль читателя: исследования по семиотике текста [Текст] / У. Эко. – Санкт-Петербург : Симпозиум; Москва : Изд-во РГГУ, 2005. – 502 с.

175. Эко, У. Шесть прогулок в литературных лесах [Текст] / У. Эко. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2007. – 285 с.

176. Эпштейн, В. Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы [Электронный ресурс] / В. Л. Эпштейн. – Режим доступа : <http://www.lingvolab.chat.ru/library/hypertext.htm>

177. Bernstein M. Hypertext with Characters. Conversations with Friends [Электронный ресурс] // Eastgate: new hypertext technologies. – Режим доступа: <http://www.eastgate.com/hypertext/characters/IWHD.html>

178. Bush, W. As we may think [Электронный ресурс] / W. Bush. – Режим доступа : http://www.isg.sfu.ca/uchier/misc/hypertext_review/index.html

179. Engelbart, D. The augmented knowledge: Workshop [Текст] // Computer Networking / D. Engelbart., R. Watson; ed. by R. Blanc, I. Cotton. – New York, 1976. – P. 9-21.

180. Genette, G. Palimpsestes: la literature au seconde degree [Текст] / G. Genette. – Paris, Seuil, 1982. – 467 p.

181. Grice, H. P. Logic and conversation [Text] / H. P. Grice // Syntax and semantics. – N.Y., San Francisco, London : Academic Press, 1975. – Vol. 3. – P. 41-58.

182. Grice, P. Further Notes on Logic and Conversation [Текст] / P. Grice // Cole P. Syntax and Semantics. – N.Y., 1978. – P. 41-57.

183. Gudykunst W.B. Communication with strangers: an approach to intercultural communication [Текст] / W. B. Gudykunst, Y.Y. Kim. – N.Y., 1997. – 442 p.

184. Scollon, R. Wong. Intercultural Communication: a Discourse Approach [Текст] / Scollon R., Scollon S. – Oxford, 2001. – 336 p.

Список словарей и энциклопедий

1. The Teacher's Word Book of 30,000 Words [Text] / by E. L. Thomdike, I. Lorge. – N.Y. : Teachers' College, Columbia University, 1959. – 274 p.
2. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Text] / A.S. Hornby. – Oxford University Press, 2010. – 1796 p.
3. Языкознание [Текст] : Большой энцикл. сл. / ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – Москва, Большая Рос. энцикл, 1998. – 685 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва : Большая Рос. энцикл., 2002. – 709 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / сост. : Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. – Москва : Филол. фак-т МГУ, 1996. – 245 с.
6. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века [Текст] / В. П. Руднев. – Москва : Аграф, 1997. – 381 с.
7. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Т. В. Жеребило. – Режим доступа: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/
8. Большой толковый словарь русского языка: (А-Я) / Рос. акад. наук; Ин-т лингвист. исслед.; (Авт. и рук. проекта, сост., гл. ред. С.А.Кузнецов). – СПб.: Норинт, 1986. – 1534 с.
9. Новый Большой англо-русский словарь [Текст] / под ред. Ю. Д. Апресяна. – Москва : Рус. яз., 2002. – 2496 с.
10. Полный англо-русский словарь [Текст] / под ред. В. К. Мюллера, Н. Шевченко. – Москва : АСТ, 2010. – 1536 с.
11. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – Изд. 9-е, испр. и доп. – Москва : Сов. энцикл., 1972. – 847 с.
12. Алехин, Л. Словарь иностранных слов [Текст] / Л. Алехин. – Москва : Рус. яз., 1988. – 606 с.

13. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов (Текст) / Л. П. Крысин. – М., 2005

Список художественных текстов и комментариев к ним

1. Американская романтическая повесть [Текст] / сост. Ю. В. Ковалев, коммент. А. Т. Лесняк. – Москва : Прогресс, 1978. – 272 с. – на англ. яз.

2. Вулф, В. Миссис Дэллоуэй. Эссе [Текст] : сб. / Вирджиния Вулф; сост. и коммент. Е. Ю. Гениева. – Москва : Радуга, 1984. – 400 с. – на англ. яз.

3. Голдинг, У. Повелитель мух. Пирамида. Чрезвычайный посол : [Текст] : сб. / Уильям Голдинг; сост. и коммент. М. М. Зинде. – Москва : Прогресс, 1982. – 496 с. – на англ. яз.

4. Голсуорси, Д. Сага о Форсайтах. Сдается в наем [Текст] / Джон Голсуорси; коммент. Н. К. Матвеева. – Москва : Прогресс, 1975. – 256 с. – на англ. яз.

5. Голсуорси, Д. Сага о Форсайтах. Собственник [Текст] / Джон Голсуорси; коммент. Н. К. Матвеев. – Москва : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 440 с. – на англ. яз.

6. Голсуорси, Д. Сага о Форсайтах. В тисках [Текст] / Джон Голсуорси; коммент. Н. К. Матвеева. – Москва : Прогресс, 1975. – 280 с. – на англ. яз.

7. Голсуорси, Д. Современная комедия. Белая обезьяна [Текст] / Джон Голсуорси; коммент. I. R. Gerbatch. – Москва : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 328 с. – на англ. яз.

8. Драйзер, Т. Дженни Герхардт [Текст] : роман / Т. Драйзер. – Москва : Изд-во «Менеджер», 2005 – 384 с. – на англ. яз.

9. Кьюзек, Д. Скажи смерти «нет!» [Текст] : роман. / Димфна Кьюзек; коммент. И. В. Головня. – Москва : Изд-во лит. на иностр. яз., 1961. – 379 с. – на англ. яз.

10. Моэм, С. Пирог и пиво [Текст] / Сомерсет Моэм; коммент. Н. К. Матвеев. – Москва : Прогресс, 1980. – 237 с. – на англ. яз.
11. Мэнсфилд, К. Избранные рассказы [Текст] / Кэтрин Мэнсфилд; коммент. Н. Маркова. – Москва : Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 183 с. – на англ. яз.
12. По, Э. Избранное [Текст] : сб. / Эдгар По; сост. и коммент. Е. К. Нестерова. – Москва : Радуга, 1983. – 416 с. – на англ. яз.
13. Сароян, У. Избранные рассказы [Текст] / У. Сароян; коммент. Л. Натан. – Москва : Прогресс, 1975. – 464 с. – на англ. яз.
14. Сэлинджер, Д. Девять рассказов [Текст] : сб. / Д. Сэлинджер; коммент. Р. И. Розина – Москва : Радуга, 2000. – 240 с. – на англ. яз.
15. Сэлинджер, Д. Над пропастью во ржи [Текст] / Д. Сэлинджер; коммент. Э. Медниковой. – Москва : Прогресс, 1982. – 248 с. – на англ. яз.
16. Фаулз, Д. Башня из черного дерева. Элидюк. Загадка [Текст] / Джон Фаулз; коммент. В. П. Мурат. – Москва : Прогресс, 1980 – 246 с. – на англ. яз.
17. Фолкнер, У. Авессалом, Авессалом! [Текст] : роман / Уильям Фолкнер; коммент. А. А. Долинин. – Москва : Прогресс, 1982. – 416 с. – на англ. яз.
18. Хемингуэй, Э. По ком звонит колокол [Текст] : роман / Э. Хемингуэй; коммент. Э. М. Медникова. – Москва : Прогресс, 1981. – 561 с. – на англ. яз.
19. Faulks, S. A Week in December [Text] / Sebastian Faulks. – London : Vintage Books, 2010. – 392 p.
20. Harrison, R. Patently murder [Text] / Ray Harrison. – London : Constable & Company, 1991. – 255 p.
21. Stoppard, T. Rosencrantz and Guildenstern are dead [Text] / Tom Stoppard. – London : Faber & Faber, 1986. – 126 p.
22. Falk, M. Part of the furniture [Text] / Michael Falk. – London : Bellew Pub. Ltd., 1991. – 258 p.

23. Watts, N. Billy Bayswater [Text] / Nigel Watts. – Sevenoaks, Kent : Hodder and Stoughton, 1990. – 224 p.
24. Hill, S. Gentleman and ladies [Text] / Susan Hill. – London : Hamish Hamilton Ltd., 1969. – 256 p.
25. Masters, A. Traffic [Text] / Anthony Masters. – Hemel Hempstead : Simon & Schuster Young Books, 1991. – 192 p.
26. Forster, E. A Passage to India [Text] / Edward Forster. – Penguin Books Ltd., 2013. – 304 p.
27. Роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре» [Текст] : комментарии / науч. ред. К. Хьюитт; при участии Е. Шиловой, Ю. Вторушиной, Е. Мальневой, Н. Юзефович, А. Минка, О. Сулеймановой, Н. Беклемышевой, К. Кардановой, М. Фоминой, Ю. Карупкиной, Т. Бабак, Е. Поляковой, В. Волковой, В. Симаковой и др.; под общ. ред. Б. Проскурнина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2012. – 75 с.
28. MacLaverly, B. Grace Notes [Text] / Bernard MacLaverly. – London : Vintage Books, 1998. – 277 p.
29. Роман Бернарда Маклаверти «Ноты Грейс» [Текст] : коммент. / науч. ред. К. Хьюитт; Ю. Вторушиной, Т. Жаковой, А. Журавлевой, Т. Зайцевой, А. Комовой, Н. Матвеевой, А. Минка, А. Обиходовой, А. Родичевой, Е. Розе, С. Савельевой, Н. Сергиенко, Т. Финаевой, Э. Чистоноговой, Н. Эйдельман и др.; под общ. ред. Б. Проскурнина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2012. – 61 с.
30. Современные английские рассказы [Текст] / сост. сб., авт. вступ. ст., справок о писателях и коммент. Карен Хьюитт. – Оксфорд: Perspective Publications Ltd., 1994. – 230 с. – на англ. яз.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ISBN 978-5-906383-34-1

М.В. Минеева

**Лингвистический гипертекст
как способ декодирования информации**

УДК 4-3

ББК 81.05

М 61

Отпечатано с оригинал-макета заказчика.

За содержание монографии
типография ответственности не несёт.

Тираж 1000 экз. Заказ № 475

Подписано в печать 03.05.2017г.

Дизайн обложки, вёрстка, печать тип. «Искра~Профи»,

г. Челябинск, ул. Сони Кривой, 42,

тел.: 8 (351) 265-09-41, 8-904-930-57-70

e-mail: iskra-profi@yandex.ru

искра-профи74.рф

